

От автора
бестселлера
«Виноваты
звёзды»

Бестселлер
New York
Times

Морис Джонсон
Лорен Миракл
Джон Грин

Пусть идёт снег!

Когда идёт снег,
случаются
настоящие
чудеса...

Рипол
классик

От автора
бестселлера
«Виноваты
звёзды»

Бестселлер
New York
Times

Морис Джонсон

Лорен Миракл

Джон Грин

Пусть идёт снег!

Когда идёт снег,
случаются
настоящие
чудеса...

Рипол
классик

Морин Джонсон

Джон Грин

Лорен Миракл

ПУСТЬ ИДЕТ СНЕГ

Морин Джонсон

Джубили-экспресс

Для Хэмиша, научившего меня кататься с горки: «Быстро-быстро съезжаешь и поворачиваешь, если видишь что-то на пути».

Для всех, кто работает за монолитным фасадом огромных корпораций.

Для всех, кому три тысячи раз на дню приходится повторять «Гранде латте».

Для всех, кому приходилось иметь дело с неработающей кассой в праздники...

Для вас.

(глава первая)

Это было в ночь перед Рождеством.

Точнее, в вечер перед Рождеством. Стойте. Я лучше сразу скажу, пока мы не погрузились в гущу событий. А то всплывет потом, и вы ни о чем другом думать уже не сможете, знаю же.

В общем, меня зовут Джубили Дугал. Вдумайтесь. Юбилей. Видите? Если сразу сказать, то не так уж страшно, правда? А представьте только, как бы вы растерялись, если б я посередине истории вдруг заявила: «Кстати, меня Юбилей зовут!»

Джубили — имечко для стриптизерш, это я сама понимаю. Вы, наверное, подумали, что я этим балуюсь. Но нет. Видели б вы меня — сразу бы поняли (надеюсь), что никакая я не стриптизерша. Мне шестнадцать. Волосы у меня черные, стрижка каре. Я ношу то линзы, то очки. Пою в хоре, участвую в олимпиадах по математике и играю в хоккей на траве, а от этого грациозной не станешь и маслом потом не намажешься. Так что я не стриптизерша. А если вдруг вы — стриптизерша, то не волнуйтесь, у меня к вам никаких претензий. Жалко только: вы же латекс носите, а в нем кожа совсем не дышит!

А вот что меня бесит, так это мое имя. Юбилей. Юбилей — это вообще ни фига не имя, это какой-то там праздник. Какой — никому не известно. Вы слышали хоть раз, чтобы кто-нибудь закатывал юбилей? И пошли бы сами на такой праздник? Я бы не пошла. Юбилей — это же когда везде гирлянды развешиваешь, заказываешь какую-нибудь здоровенную надувную штуку для гостей, а потом не знаешь, куда девать мусор. Ну, или что-то вроде сельских танцев.

Но в этой истории мое имя очень важно. Случилась она, как я уже говорила, в вечер перед Рождеством. Это был восхитительный вечер. Экзамены я сдала, начались зимние каникулы. Я сидела дома одна, и было очень уютно. Я надела все, на что долго копила: черную юбку, колготки, красную футболку с блестками и новые черные сапожки, — и сделала себе яичный коктейль. Все подарки были уже упакованы. В шесть часов я должна была быть на Большом Рождественском Шведском Столе, который каждый год устраивала семья Ноя.

Ной — это Ной Прайс, мой бойфренд. А ежегодный Большой Рождественский Шведский Стол Прайсов — очень важное для нас событие. Если бы не он, мы бы не были вместе.

До Шведского Стола Ной был звездой на моем небосклоне: привычной, знакомой, яркой и далекой. Я знала его с четвертого класса, но как знала — я ведь и людей из телика тоже знаю: имя знакомое, сериал видела. Конечно, Ной был рядом, а те, из телевизора, далеко, но так почему-то всегда бывает: тот, кто рядом, кажется недоступней любой знаменитости. Рядом — еще не значит близко.

Он мне всегда нравился, но не в смысле нравился-нравился. Мне всегда казалось, что влюбляться в него неразумно. Он был на год старше меня и на тридцать сантиметров выше. Широкоплечий, ясноглазый, длинноволосый. Все при нем: отличник, спортсмен, школьный староста. Такие мальчики обычно встречаются только с моделями, шпионками или отличницами, в честь которых потом называют школьные лаборатории.

Поэтому, когда в прошлом году Ной пригласил меня на Рождественский Шведский Стол, я была на седьмом небе от счастья и даже поверить не могла. Три дня голова кружилась от счастья так сильно, что я шаталась, и перед тем как пойти к нему домой, мне пришлось потренироваться ходить ровно. Я не знала, почему он меня пригласил: может, я ему нравилась, может, мама попросила (наши родители были знакомы), а может, просто кому-нибудь проспорил. Все мои друзья радовались за меня, но им явно было известно что-то, что для меня оставалось тайной. Они уверяли, что Ной разглядывал меня на олимпиаде по математике, смеялся над моими шутками про тригонометрию и все время говорил обо мне.

Это было невероятно... как будто обо мне книгу написали!

Оказавшись наконец в доме Ноя, мне пришлось весь вечер сидеть в уголке и разговаривать с его сестрой. Она мне, конечно, нравится, но по правде — сушная дурочка. Я про шмотки долго трепаться не умею, разговор быстро сходит на нет. Зато Элиза способна трещать о них без умолку, и о каждой у нее есть Свое Мнение. Я от нее еле отвязалась: мама Ноя принесла очередную тарелку, и я сказала: «Ой, какая вкуснятина», хотя понятия не имела, что это было. Оказалось, соленая рыба. Я отшагнула назад, но мама Ноя сказала:

— Попробуй кусочек.

Я попробовала, как послушная овечка. И на этот раз оказалось, что не зря. Именно тогда я заметила, что Ной за мной наблюдает. Он сказал:

— Я очень рад, что ты попробовала.

Я спросила его, почему он рад, так как подозревала, что все дело в каком-нибудь пари («Ну ладно, попрошу ее прийти, но если заставлю ее съесть соленую рыбу, с вас двадцать баксов»).

И он ответил:

— Потому что я сам ее ел.

Я стояла и смотрела на него, и на моем лице, должно быть, красовалось очаровательное выражение абсолютной тупости, поэтому Ной добавил:

— И я бы не мог тебя поцеловать, пока ты ее тоже не попробуешь.

Это было одновременно жутко противно и жутко романтично. Он мог бы пойти наверх почистить зубы, но выжидал около рыбы, пока я ее не попробую. Мы незаметно ускользнули, уединились в гараже и целовались там под полкой с инструментами.

Так все и началось.

Так вот, то Рождество, о котором я вам собираюсь рассказать, было не обычным: это была наша первая годовщина. Невозможно было поверить, что мы уже целый год вместе. Как же быстро он пролетел...

Понимаете, Ной всегда ужасно занят. Когда он появился на свет, маленький, розовый, ерзающий, его наверняка тут же отпустили из роддома, потому что он торопился на встречу. Теперь он был старшеклассником, футболистом и президентом школьного ученического совета, и свободного времени у него почти не оставалось. За весь тот год, что мы встречались, мы только раз двенадцать выходили куда-то вместе. Всего дюжина настоящих свиданий, примерно раз в месяц.

Зато на всевозможных мероприятиях мы появлялись вместе постоянно. Ной и Джубили на студенческой распродаже выпечки! Ной и Джубили на розыгрыше футбольной лотереи! Ной и Джубили организуют встречу выпускников! Ной и Джубили на благотворительной акции в пользу голодающих, Ной и Джубили в зале для внеклассных занятий...

Ной, конечно, помнил об этом. И хотя сегодня ожидался семейный праздник с множеством гостей, он пообещал мне, что мы сможем остаться наедине, и сказал, что заранее обо всем позаботился. Если мы проведем на вечеринке всего два часа, обещал он, то потом уединимся в другой комнате, обменяемся подарками и будем смотреть вместе «Гринча, который украл Рождество». Он отвезет меня домой, мы ненадолго остановим машину и...

А потом моих родителей арестовали, и все пошло кувырком.

Вы знаете, что такое Деревня Санта-Флоби? Деревня Санта-Флоби — такая важная часть моей жизни, что мне все время кажется, будто все уже знают, что это такое, но мне недавно сказали, что я много всего воображаю, так что я объясню.

Деревня Санта-Флоби — это набор керамических домиков, которые вместе составляют деревню. Мои родители начали коллекционировать их,

когда родилась я. На эти малюсенькие мостовые я смотрю с тех пор, как научилась стоять без помощи. У нас есть все — леденцовый мостик, озеро Бесснежное, магазин жвачки, пряничная пекарня, Сливовая аллея. В общем, немаленькая деревня получилась.

Мои родители купили специальный стол, чтобы ставить на него домики, и каждый год со Дня благодарения до новогодней ночи он занимает центр нашей гостиной. Для того чтобы подключить всю деревню, нужно целых семь удлинителей. Чтобы не жечь электричество зря и не вредить природе, я уговорила родителей отключать домики на ночь, но мне пришлось долго с ними спорить.

Мне дали имя в честь домика № 4 — домика, который называется Джубили-Холл. Джубили-Холл — самый большой во всем наборе. Там изготавливают и упаковывают подарки. В домике есть цветные огоньки, работающий конвейер с прикрепленными к нему подарками и маленькие эльфы, которые поворачиваются, будто бы сгружая подарки с ленты.

К рукам каждого из эльфов подарок был намертво приклеен, поэтому они напоминали измученных рабов, обреченных поднимать и опускать одно и то же до скончания времен — или пока мотор не сломается.

Я помню, как в детстве сказала об этом маме, и она ответила, что я ничего не понимаю. Может быть. Мы явно по-разному смотрели на ситуацию, если учесть, что для мамы эти домики были так важны, что она назвала свою единственную дочь в честь одного из них.

Все коллекционеры домиков на них немного помешаны. Они устраивают съезды, у них есть примерно дюжина серьезных сайтов и четыре журнала. Некоторые из них оправдываются тем, что домики «Флоби» — это выгодное вложение денег. И они действительно стоят больших денег. Особенно те, что пронумерованы. Эти домики можно купить только в выставочном зале «Флоби» на Рождество. Мы живем в Ричмонде, штат Вирджиния, километрах в ста оттуда, поэтому каждый год двадцать третьего декабря мои родители нагружают машину стульями, одеялами и едой и едут туда, чтобы сидеть всю ночь в очереди и ждать.

Раньше фирма «Флоби» выпускала по сто пронумерованных домиков в год, но в прошлом году выпустила всего десять. Тут-то и начались проблемы. Даже сотни домиков было мало, но когда их стало в десять раз меньше, полетели клочки по закоулочкам. В прошлом году покупатели поссорились из-за мест в очереди, и ссора быстро переросла в драку: люди принялись бить друг друга по головам свернутыми в трубочку каталогами «Флоби», бросаться коробочками с печеньем, топтать чужие складные стулья и обливать колпаки Санта Клауса на головах друг друга теплым

какао. Драка была такая жуткая и глупая, что ее даже показали в местных новостях. В фирме «Флоби» сказали, что они «принимают меры», чтобы этого никогда больше не повторилось, но я в это не верила. Такое с помощью денег не предотвратишь.

Но я не думала об этом, когда мои родители уехали, чтобы занять очередь за домиком № 68, «Отель эльфов». И не думала об этом, когда пила латте с яичным коктейлем, дожидаясь, когда придет время идти к Ною. Но то, что родители задержались, я заметила. Обычно под Рождество они возвращались из поездки за домиками к обеду, а было уже почти четыре часа. Чтобы занять руки, я решила подготовиться к праздникам.

Я не могла решиться позвонить Ною, зная, что он занят подготовкой Шведского Стола. Поэтому я украсила приготовленные для него подарки ленточками и остролистом, сделав еще наряднее, чем прежде. Я включила всю Деревню Санта-Флоби, и поработанные эльфы принялись за работу. Я включила рождественские песни. Я вышла на улицу, собираясь включить гирлянду, украшавшую наш дом, но увидела, что к нему походкой штурмовика из «Звездных войн» приближается Сэм.

Сэм был нашим адвокатом — и когда я говорю «нашим адвокатом», я имею в виду «нашим соседом, случайно оказавшимся влиятельным адвокатом из Вашингтона». Сэм — именно тот человек, к которому обращаются, если хотят побороться с огромной корпорацией или выиграть иск на миллиард долларов. Но он уж точно не мистер Няша. Только я собралась пригласить его войти и угоститься гоголем-моголем, как он меня перебил.

— У меня плохие новости, — сказал он, приглашая меня войти в мой собственный дом. — На фирме «Флоби» произошло еще одно чрезвычайное происшествие. Заходи. Пойдем.

Он говорил таким тоном, что я подумала, он сейчас скажет, что моих родителей убило. Я представила, как сотни «Отелей эльфов» слетают с конвейера, убивая всех подряд. Я видела «Отель эльфов» на фотографиях — у него были острые леденцовые шпильки, которые легко могут проткнуть человека насквозь. И если кого-то и могло убить «Отелем эльфов», то уж точно моих родителей.

— Их арестовали, — сказал Сэм. — Они в тюрьме.

— Кто в тюрьме? — спросила я, потому что до меня всегда доходит как до жирафа и мне гораздо проще представить, что родителей убило летающим «Отелем эльфов», чем то, что их увели куда-то в наручниках.

Сэм молча смотрел на меня, ожидая, когда я сама пойму, кто в тюрьме.

— Утром случилась еще одна драка из-за домиков, — объяснил он,

выдержав паузу. — Перепалка из-за места в очереди. Твои родители в ней не участвовали, но не подчинились приказу, когда полиция велела собравшимся разойтись. Арестовали пятерых, в том числе твоих родителей. Это по всем каналам показывают.

Я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги, и села на диван.

— Почему они не позвонили? — спросила я.

— У них есть право только на один звонок, — сказал он. — Они позвонили мне, потому что решили, что я могу их выручить. А я этого сделать не могу.

— Как это — не можете?

Я не могла поверить, что Сэм не может вызволить моих родителей из какой-то провинциальной тюрьмы. Представьте, что пилот вашего самолета вдруг заявляет: «Всем привет. Я тут вспомнил, что не умею приземляться. Так что мы летаем, пока кому-нибудь не придет в голову идея получше».

— Я сделал все что мог, — продолжил Сэм, — но судья не идет на уступки. Ему самому надоели протесты на фирме «Флоби», поэтому он хочет, чтобы этот процесс стал показательным. Твои родители велели мне отвезти тебя на вокзал. У меня на это есть час времени, в пять меня ждет горячее печенье и застольные песни в кругу семьи. Как быстро ты сможешь собраться?

Все это было сказано тем же жутко серьезным тоном, каким Сэм спрашивает у обвиняемых, почему они скрылись с места преступления с окровавленными руками.

Было ясно, что он вовсе не рад тому, что все это свалилось ему на голову под Рождество. Но немного сочувствия в стиле Опры мне бы не помешало.

— Собрать вещи? Вокзал? Чего?

— Ты поедешь во Флориду, к бабушке и дедушке, — сказал он. — Билет на самолет купить не получилось, рейсы отменяются из-за метели.

— Какой еще метели?

— Джубили, — очень медленно проговорил Сэм, явно решив, что я самый большой тормоз на планете, — скоро начнется самая сильная метель за полвека!

Голова моя совсем не соображала — то, что он говорил, в ней не укладывалось.

— Мне нельзя уезжать, — сказала я. — Сегодня я должна быть у Ноя. И Рождество. Как же Рождество?

Сэм пожал плечами, как бы говоря, что адвокаты не занимаются

Рождеством, и он с этим ничего поделать не может.

— Но... почему мне нельзя просто остаться здесь? Это же ужас!

— Родители не хотят на два дня оставлять тебя одну.

— Я могу пойти к Ною. Я должна к нему пойти!

— Послушай, мы обо всем уже договорились, — сказал он. — С твоими родителями сейчас связи нет. Они проходят регистрацию. Я купил тебе билет, и у меня мало времени. Тебе нужно собирать вещи, Джубили.

Я обернулась и посмотрела на мерцающую деревню, на тени обреченных эльфов, работавших в Джубили-Холле, на теплый свет в окнах кондитерской лавки миссис Маггинз и на эльфийский экспресс, медленно, но весело кативший по дорожке. И я не придумала ничего лучше, чем спросить:

— Но... как же деревня?

(глава вторая)

Я раньше ни разу не бывала в поездах. Этот был гораздо выше, чем я себе представляла, у него был второй этаж с окнами — наверное, это были спальные вагоны. Внутри толпились в полумраке люди, будто застывшие в сонном ступоре. Я ждала, что поезд запыхтит и рванется с места, как ракета, наверное потому, что в детстве кучу времени убила на мультики, а поезда в мультиках всегда так делают. Но этот поезд тронулся с места флегматично, как будто ему наскучило стоять на месте.

Как только поезд тронулся, я позвонила Ною. Конечно, я нарушила договор «до-шести-я-жутко-занят-так-что-не-звони-увидимся-на-празднике», но сейчас меня можно было понять. Когда он ответил, из трубки слышались веселый шум, звон посуды и рождественские песни, которые печально контрастировали с теснотой и гудением поезда.

— Ли! — воскликнул он. — Ты немного не вовремя. Увидимся через час.

Он крикнул так, будто поднял что-то очень тяжелое, наверное, один из тех пугающе огромных окороков, которые его мама каждый раз где-то добывала к Шведскому Столу. Наверное, она заказывала их на какой-нибудь ферме, где свиней накачивают экспериментальными суперпрепаратами и обрабатывают лазерами, пока они не вырастают до десяти метров в длину.

— Ну... в том-то и дело. Я не приду, — сказала я.

— Как это не придешь? Что случилось?

Я все объяснила как могла: родители в тюрьме, на улице метель, я в поезде, и жизнь идет совсем не так, как я хотела. Я старалась говорить весело, как будто нахожу это забавным, но на самом деле просто не хотела рыдать в темном поезде, полном остолебеневших незнакомцев.

Ной снова крикнул. Похоже, он что-то перетаскивал с места на место.

— Все будет хорошо, — сказал он чуть погодя. — Сэм ведь уже взялся за дело?

— Если ты называешь делом невызволение моих родителей из тюрьмы, то да. Он даже не переживает за них.

— Это наверняка какая-нибудь маленькая районная тюрьма, — ответил он. — Все не так уж страшно. Если Сэм не переживает, значит, все будет хорошо. Мне очень жаль, что так случилось. Увидимся через пару дней, ладно?

— Да, но сегодня же Рождество, — сказала я.

Я охрипла и пыталась сдержать слезы. Он подождал, пока я успокоюсь.

— Я знаю, что тебе тяжело, Ли, — сказал он, выдержав паузу, — но все будет хорошо. Обязательно. Это дело житейское.

Я понимала, что он пытается успокоить и утешить меня. Но все равно — дело житейское? Нет, это не дело житейское. Дело житейское — это когда ломается машина, или когда живот болит, или искра от сломанной гирлянды поджигает траву во дворе. Я сказала об этом вслух, и он вздохнул, поняв, что я права. И снова крикнул.

— Что случилось? — всхлипнув, спросила я.

— У меня в руках здоровый окорок, — сказал он. — Мне нужно идти. Слушай, когда вернешься, мы еще раз отпразднуем Рождество. Мы найдем время, обещаю. Не волнуйся. Позвони мне, как доберешься, ладно?

Я пообещала, что позвоню, и он, повесив трубку, потащил куда-то окорок. Я устала сидеть на затихший телефон.

Встречаясь с Ноем, я сочувствовала женам и мужьям политиков. Ясно, что они хотят жить своей жизнью, но любят тех, кто рядом с ними. Поэтому машина известности стремительно засасывает и их самих — и вот они уже тупо улыбаются и машут на камеру, на голову им падают воздушные шары, а ассистенты толкают их локтями, пытаясь пробраться к Совершенной и Великолепной Второй Половине.

Я знаю, что на самом деле никто не совершенен, что под каждой маской совершенства скрывается извивающийся клубок потаенных печалей и уверток... но даже если это учесть, Ной был почти совершенен.

Я ни разу не слышала, чтобы о нем плохо отзывались. Его репутация была так же совершенна, как и его серьезность. Согласившись встречаться со мной, он показал, что верит в меня, и я тоже поверила в себя. Я почувствовала себя значительней, выпрямила спину, стала мыслить позитивней. Ему нравилось появляться со мной на людях, а значит, и мне нравилось появляться на людях с самой собой. Ну, если вы понимаете, о чем я.

Да, его вечная занятость иногда раздражала. Но я все понимала. Если нужно отнести маме громадный окорок, потому что к Шведскому Столу вот-вот нагрянут шестьдесят гостей, — то без этого никак. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Я взяла iPod и принялась просматривать фотографии Ноя. Потом батарея разрядилась.

Мне стало так одиноко в этом поезде... это было странное, неестественное одиночество, полустрах-полугрусть, и оно вгрызалось в

меня. Это было что-то вроде усталости, но такую усталость сон не берет. Было жутко темно, но мне казалось, что если зажжется свет, то это ничего не исправит. Разве только я смогу воочию убедиться, в каком скверном положении оказалась.

Я подумала, стоит ли мне звонить бабушке с дедушкой. Сэм сказал, что звонил им. Они уже знали о моем приезде и, конечно, с радостью поговорили бы со мной, но вот мне с ними говорить не хотелось. Бабушка с дедушкой у меня замечательные, но волнуются из-за любых мелочей. Например, если в магазине не оказывается пиццы или супа, за которыми они пришли, они полчаса стоят на месте и обсуждают, что им делать дальше. Если я им позвоню, придется обсуждать мой визит в мельчайших деталях. Какое мне нужно одеяло? Ем ли я крекеры? Дедушке купить шампунь? Это было очень мило с их стороны, но сейчас я бы ничего такого не выдержала. Я всегда считала, что любую проблему могу решить сама. А сейчас мне просто нужно отвлечься.

Я порылась в сумке, пытаюсь понять, что успела захватить с собой перед тем, как впопыхах выбежала из дому, и обнаружила, что совершенно не готова к предстоящей дороге. Я схватила только все самое необходимое — нижнее белье, джинсы, два свитера, пару рубашек и очки. Еще iPod, который разрядился.

Книга у меня с собой была только одна, «Нортэнгерское аббатство», ее нам задали на зимние каникулы по литературе. Книжка хорошая, но не совсем то, чего хочется, когда чувствуешь нависшую над тобой страшную руку судьбы.

Поэтому я часа два просто смотрела в окно. Солнце село, конфетно-розовое небо стало серебряным, и полетели первые снежинки. Я понимала, что это красиво, но видеть красоту — это одно. Другое дело — когда тебе на красоту не плевать. А мне было плевать. Снег повалил сильнее и быстрее и скрыл за собой все. Осталась только белая пелена. Мело со всех сторон, даже от земли.

Я смотрела на снег до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Меня даже начало немного подташнивать.

По коридору шли люди с коробками с чипсами, колой и сэндвичами в руках. В поезде явно можно было где-то раздобыть еду. Сэм всучил мне пятьдесят долларов на вокзале, и все пятьдесят мои родители были обязаны вернуть ему сразу же, как только выйдут на свободу. Больше заняться было нечем, поэтому я прошла в вагон-ресторан, где мне сразу же сказали, что у них кончилось все, кроме пары пицц, двух маффинов, пары батончиков, пакетика орешков и какого-то уныло выглядящего фрукта. Я хотела

похвалить буфетчика за то, что он хорошо подготовился к праздничному наплыву покупателей, но у парня на кассе был жутко усталый вид, и мой сарказм ему был ни к чему. Я купила пиццу, два батончика, маффины, орешки и кружку горячего шоколада, потому что подумала, что лучше запастись едой на предстоящую дорогу, и положила пять долларов в кружку кассира. Он кивнул мне в знак благодарности.

Я села в одно из свободных кресел у стены. Поезд замедлился, но все равно ужасно трясся. Ветер хлестал нас с обеих сторон. Я не притронулась к пицце и обожгла губы горячим шоколадом. Что ж, ни разговаривать с кем-то, ни целоваться я все равно не собиралась.

— Можно присесть? — спросил меня мужской голос.

Я подняла глаза и увидела потрясающе красивого парня. И хотя мне, в общем-то, было все равно, он впечатлил меня гораздо больше, чем снег. Волосы у него были такие же темные, как у меня, но длиннее, не до подбородка. Они были собраны в хвост. У него были высокие скулы, и он был похож на индейца. Его тонкая джинсовая курточка совершенно не согревала в такую погоду. И что-то тронуло меня в его глазах, которые как будто закрывались сами собой, — какое-то беспокойство. Он только что заказал себе кружку кофе и сосредоточенно сжимал ее в руках.

— Конечно, — сказала я.

Садясь, он склонил голову, но я заметила, что он косится на еду в моей коробке. Что-то подсказывало мне, что он намного голоднее меня.

— Угощайся, — сказала я. — Я как раз успела купить последнее, что у них осталось. Я не голодна. Пиццу я вообще не тронула.

Он противился, но я все же подтолкнула ее ему.

— Я понимаю, что она похожа на картонку, — добавила я. — Но больше у них ничего не было. Правда. Возьми.

Он улыбнулся уголком рта.

— Меня зовут Джеб, — сказал он.

— А меня — Джули, — ответила я.

Мне вовсе не хотелось отвечать на надоевшие вопросы.

«Джубили? Тебя зовут Джубили? Скажи, а чем вы пользуетесь — минеральным маслом или каким-нибудь ореховым? А шест после выступлений кто-нибудь протирает?»

Вспомните, что я вам объясняла в начале истории. Чаще всего меня зовут Джули. Ной звал меня Ли.

— Куда едешь? — спросил он.

У меня не было никакого прикрытия, никакой истории, которая объяснила бы, почему я здесь и что с моими родителями. А правда была

все же слишком ужасна, чтобы открывать ее незнакомцу.

— К бабушке с дедушкой, — сказала я. — В последний момент поменяла планы.

— А где они живут? — спросил он, глядя на клубящийся снег, который бился в окно. Сказать, где кончалось небо и где начиналась земля, было невозможно.

Облако снега обрушилось прямо на нас.

— Во Флориде, — сказала я.

— Далеко. А я еду в Грейстаун, это следующая остановка.

Я кивнула. Про Грейстаун я слышала, но не знала, где точно он находится. Где-то на этой длинной, заснеженной дороге в неизвестность. Я снова предложила ему поесть, но он мотнул головой.

— Не нужно, — сказал он. — Но спасибо за пиццу. Я жутко проголодался. Неподходящий мы денек для путешествий выбрали. Хотя выбора у нас, в общем-то, не было. Иногда приходится делать то, в чем не уверен...

— И к кому же ты едешь? — спросила я.

Он снова опустил глаза и сложил вдвое тарелочку из-под пиццы:

— К своей девушке. Ну, вроде как девушке. Я хотел ей позвонить, но сигнала нет.

— У меня есть, — сказала я, вытащив свой телефон. — Возьми, я еще лимит не израсходовала.

Джеб взял телефон и широко улыбнулся. Когда он встал, я заметила, какой он высокий и широкоплечий. Если бы я не хранила верность Ною, то точно бы влюбилась. Он отошел примерно на метр в сторону и набрал номер у меня на глазах, но потом захлопнул телефон.

— Не берет, — сказал он, сел и вернул мне телефон.

— Значит, она тебе «вроде как девушка»? Ты сам еще не определился, встречаетесь вы или нет?

Я хорошо помню то время, когда мы с Ноем только начали встречаться и я еще сомневалась, могу ли я считаться его девушкой. Это было такое приятное волнение.

— Она мне изменила, — коротко ответил он.

Ой. Я все неправильно поняла. Совсем неправильно. И мне стало так жалко его, что кольнуло в груди.

— Она не виновата, — сказал он чуть позже. — Ну, то есть я тоже виноват. Я...

Я так и не расслышала, что случилось, потому что дверь в вагон открылась и заскрипела, совсем как Бикер — ужасный какаду, который

жил в нашей школе, когда я училась в четвертом классе. Джереми Рич научил Бикера кричать слово «жопа». Бикер делал это с удовольствием, у него хорошо получалось. Так хорошо, что попугая было слышно через весь коридор в женском туалете. В конце концов Бикера переселили в учительскую, где, как я поняла, можно сколько угодно распушать перья и орать «жопа».

Но это был не Бикер. Это были четырнадцать девчонок-черлидерш в одинаковых обтягивающих трико с названием их группы на попе. (Наверное, в каком-то смысле это роднило их с Бикером.) На спине модной флисовой курточки у каждой было написано ее имя. Столпившись около бара, они вопили изо всех сил. Я очень, очень надеялась, что они не станут хором повторять «Божечки!», но Бог моих молитв не услышал — наверное, потому что слушал их.

— Здесь совсем нет белковой пищи, — сказала одна.

— Говорила я тебе, Мэдисон, надо было есть салат латук, пока была возможность, — откликнулась другая.

— Я думала, у них хоть куриная грудка будет!

К своему ужасу, я заметила, что обеих беседовавших девушек звали Мэдисон. Хуже того, троих из них звали Эмбер. Я чувствовала себя жертвой какого-то эксперимента по клонированию.

Некоторые из них обернулись. То есть повернулись к нам. Ко мне с Джебом. Ну ладно, на самом деле — к Джебу.

— Ох, жесть! — сказала одна из Эмбер. — Худшая поездка в жизни! Ты снег видел?

А она смышленная, эта Эмбер. Что она заметит в следующий раз? Поезд? Луну? Смехотворные причуды человеческой судьбы? Собственную голову?

Ничего этого вслух я не сказала, потому что в мои планы не входила смерть от руки черлидерши. Эмбер все равно обращалась не ко мне. Она даже не знала, что я стою рядом. Она смотрела на Джеба. Было почти заметно, как ее механические зрачки берут его под прицел.

— Да, снег будь здоров, — вежливо ответил он.

— Мы едем во Флориду? — сказала Эмбер почему-то вопросительным тоном.

— Ну да, там, наверное, получше, — кивнул он.

— Ага, если доедем? У нас региональный чемпионат по черлидингу? Это плохо, потому что праздники ведь? Но мы Рождество заранее отпраздновали? Вчера?

Только теперь я заметила, что у каждой из них было что-то новенькое.

Блестящие телефоны, нарядные браслеты и ожерелья, с которыми они играли, свежие маникюры, iPod'ы, которых я никогда раньше не видела.

Эмбер Первая села рядом с нами — на самый краешек кресла, сдвинув колени и вывернув пятки. Поза девушки, привыкшей считаться самой очаровательной среди присутствующих.

— Это Джули, — сказал Джеб, представляя меня нашей новой подруге. Эмбер сказала, что ее зовут Эмбер, и принялась перечислять остальных Эмбер и Мэдисон. Конечно, кого-то из них звали по-другому, но для меня они все были Эмбер и Мэдисон. Мне казалось, что это недалеко от истины. В любом случае, оставался шанс, что я права.

Эмбер затараторила о чемпионате. У нее удивительным образом получалось одновременно разговаривать со мной и игнорировать меня. Кроме того, она мысленным сообщением повелела мне встать и уступить место ее соплеменницам. Но они и так заполонили собой весь вагон. Половина из них говорила по телефону, а другая половина истощала запасы воды, кофе и неизвестно откуда возникшего диетического печенья.

Я решила, что мне вовсе не это нужно для счастья.

— Я пойду к себе, — сказала я.

Но тут поезд неожиданно затормозил, и все одновременно повалились вперед, разбрызгивая во все стороны горячие и холодные напитки. Примерно минуту колеса возмущенно визжали на рельсах, а потом поезд остановился. Резко остановился. Я услышала, как валятся с полок чемоданы и падают пассажиры. Пассажиры вроде меня. Я повалилась на Мэдисон и обо что-то ударилась щекой и подбородком. Не знаю, что это было, — в ту самую секунду погас свет, и все вокруг испуганно охнуло.

Я почувствовала, как чьи-то руки помогают мне встать, и не глядя поняла, что это Джеб.

— Ты цела? — спросил он.

— Да. Кажется.

Лампы сверкнули, а потом зажглись одна за другой. Несколько Эмбер жались к бару, словно ища там спасения. Весь пол был замусорен едой. Джеб поднял с пола то, что когда-то было его телефоном, а теперь распалось на две части; он держал его в ладони, как раненого птенчика.

Громкоговоритель затрещал. Из него раздался взволнованный голос, вовсе не похожий на тот невозмутимый командирский баритон, которым объявляли остановки.

— Дамы и господа, — сказал голос, — пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Проводник обойдет ваш вагон, чтобы удостовериться, что никто из пассажиров не получил травм.

Я прижалась к холодному окну, чтобы понять, что происходит. Мы остановились у какой-то широкой дороги вроде автострады. На другой ее стороне висела светящаяся желтая вывеска. Ее было сложно разглядеть из-за снега, но по цвету и форме я поняла, что это «Вафельная».

По снегу плелся железнодорожник с фонарем, заглядывавший под вагоны. В наш вагон вошла проводница и начала осматриваться по сторонам. Форменной шляпки у нее на голове не было.

— Что случилось? — спросила я, когда она дошла до нас. — Похоже, мы застряли.

Она наклонилась к окну и присвистнула.

— Мы никуда не едем, милая, — сказала она почему-то полупшепотом. — Встали около Грейстауна. Рельсы дальше идут под гору, и их совсем замело. Может, к утру и вышлют подмогу. Кто его знает. Лучше зря не надеяться. Кстати, вы не ушиблись?

— Нет, все в порядке, — уверила ее я.

Эмбер Первая обхватила свое запястье.

— Эмбер! — воскликнула Эмбер Вторая. — Что случилось?

— Я запястье вывернула! — простонала Эмбер Первая. — Ужас.

— Как же ты будешь делать баскет-тосс?!

Шестеро черлидерш совершенно явно дали мне понять, что они хотят, чтобы я освободила им дорогу к раненой соплеменнице: они вознамерились усадить ее на мое место. Джеб затерялся в толпе. Свет погас, затем с шумом отключился обогреватель и снова заработал громкоговоритель.

— Дамы и господа, — произнес тот же голос, — в целях экономии мы произведем частичное отключение электроэнергии. Если у вас есть одеяла или свитеры, они вам пригодятся. Если вы нуждаетесь в тепле, мы постараемся сделать все, что в наших силах. Просим тех, у кого найдется лишнее одеяло, поделиться с соседом.

Я посмотрела сначала на желтую вывеску за окном, а потом на стайку черлидерш. У меня был выбор — остаться в холодном, темном остановившемся поезде или как-то исправить положение. И я решила взять в руки ситуацию, которая сегодня уже столько раз из моих рук вырывалась. Перейти через дорогу и добраться до «Вафельной», должно быть, не так уж трудно. У них наверняка тепло и много еды.

Попытка не пытка. Ной наверняка одобрил бы мой план. Мой предусмотрительный план.

Я отыскала глазами Джеба и протиснулась к нему сквозь толпу Эмбер.

— Через дорогу есть «Вафельная», — сказала я ему. — Пойду проверю,

открыто ли там.

— «Вафельная»? — переспросил Джеб. — Мы, наверное, за городом, у сороковой автострады.

— Ты с ума сошла? — сказала Эмбер Первая. — А если поезд уйдет?

— Не уйдет, — сказала я. — Мне проводница сказала. Мы на всю ночь здесь застряли. Там наверняка тепло, есть еда и свободное место, по которому можно ходить кругами. А чем еще заниматься?

— Мы можем порепетировать выступление, — тихим тоненьким голосом предложила одна из Мэдисон.

— Ты пойдешь одна? — спросил Джеб.

Я поняла, что он хочет пойти со мной, но Эмбер прижалась к нему так, как будто от него зависела вся ее жизнь.

— Ничего со мной не случится, — сказала я. — Это через дорогу. Оставь мне номер телефона и...

Он продемонстрировал свой сломанный телефон, напоминая о случившемся. Я кивнула и взяла рюкзак.

— Я ненадолго, — сказала я. — Я же должна вернуться, правда? Куда мне еще идти?

(глава третья)

Выглянув из холодного тамбура, в который уже намело скользкого снега из открытой двери, я увидела, что вдоль состава идут железнодорожники с фонариками. До меня им еще оставалось пройти несколько вагонов, поэтому я решила действовать.

Высокие, крутые металлические ступеньки были полностью покрыты смерзшимся снегом. К тому же между поездом и землей был зазор метра в полтора. Я сползла на нижнюю ступеньку, на голову мне сыпался снег. Собравшись с духом, я подалась вперед и упала на четвереньки, на тридцатисантиметровый слой снега. Промочила коленки, но ушиблась не сильно. Идти до «Вафельной» было недалеко — поезд стоял метрах в шести от дороги. Мне нужно было только перейти ее, но...

Но мне еще ни разу не приходилось переходить шестиполосную автостраду. Даже если мне бы подвернулась такая возможность, я бы решила, что это плохая идея. С другой стороны, машин совсем не было. Все вокруг было похоже на конец света, на новое начало, на крушение старого миропорядка.

На то, чтобы перейти автостраду, мне потребовалось минут пять, потому что дул жуткий ветер и снежинки летели прямо в глаза. Потом мне пришлось пересечь еще что-то. Еще одну дорогу, газон — не знаю что, сейчас все было скрыло белизной. Под снегом оказался бордюр, о который я споткнулась. Когда я добралась до двери, то была уже вся в снегу.

В «Вафельной» и в самом деле было тепло. Больше того — там было так жарко, что от окон шел пар и красивые праздничные аппликации почти что отклеились от стекла.

Из колонок доносились джазовые версии рождественских песен, веселые, как приступ аллергии. Пахло в основном моющим средством и подсолнечным маслом, но кое-что все-таки подавало надежду. Совсем недавно здесь жарили картошку с луком — вкусную.

Из кухни доносились голоса двоих мужчин, шлепки и смех. В самом дальнем углу сидела женщина, упивавшаяся собственным горем. Перед ней стояла пустая тарелка, усеянная окурками. Единственным из персонала был парень моего возраста, стороживший кассу. Его длинная футболка с логотипом «Вафельной» была не заправлена, колючие волосы топорщились из-под низко надвинутого козырька. На бейджике было написано «Дон Кин». Когда я вошла, он читал комикс, но оторвался от

него, и его глаза немного посветлели.

— Эй, — сказал он. — Ты замерзла.

Проницательное наблюдение. Я кивнула.

Дон Кин изнывал от скуки. Это слышалось в его голосе и было видно по тому, как он обреченно горбился над своей кассой.

— Сегодня все бесплатно, — сказал он. — Угощайся чем хочешь за счет шеф-повара и младшего менеджера. И повар, и менеджер — я.

— Спасибо, — сказала я.

Кажется, он собирался сказать что-то еще, но вместо этого скривился от стыда — шлепки на кухне теперь стали еще громче. На сиденье у барной стойки лежали газета и несколько пластиковых стаканчиков. Я села рядом, надеясь поддержать разговор с кем-нибудь из посетителей, но Дон Кин внезапно шагнул в мою сторону.

— Наверное, тебе лучше не...

Он осекся и отступил назад. Со стороны туалетов к нам вышел мужчина лет сорока-пятидесяти, в очках, песочного цвета волосы и пивной животик. Да, и еще он был одет в фольгу. С головы до ног. И даже шапочка у него была. Из фольги.

Чувак-в-фольге сел через стул от меня, не тронув газету со стаканчиками, и приветственно кивнул мне, прежде чем я успела уйти.

— Как самочувствие? — спросил он.

— Могло бы быть и получше, — честно ответила я. Я не знала, куда мне смотреть — на его лицо или на серебристо-блестящее тело.

— В такую ночь по улицам не ходят. Плохая ночка.

— Угу, — сказала я, сфокусировав взгляд на его блестящем животе. — Плохая.

— Буксир не нужен?

— Только если поезд оттащить.

Он задумался. Когда кто-то не понимает, что ты шутишь, и задумывается над твоими словами, всегда становится неловко. И тем более если этот кто-то одет в фольгу.

— Поезд слишком большой, — наконец ответил он, мотнув головой. — Буксир — не вариант.

Дон Кин тоже мотнул головой и посмотрел на меня, словно говоря: «Уходи, пока не поздно, меня уже не спасти».

Я улыбнулась и попыталась проявить внезапный и всепоглощающий интерес к меню. Мне казалось, что я непременно должна что-нибудь заказать.

Я снова и снова пробегала по меню глазами, как будто не могла

выбрать между вафельным сэндвичем и картофельными оладьями с сыром.

— Угощайся кофе, — сказал Дон Кин, подойдя ко мне и протянув стаканчик. Кофе подгорел и ужасно вонял. По-моему, он был из каких-то древних запасов, но сейчас было не время привередничать. — Ты с поезда? — спросил он.

— Ага, — сказала я, указав на окно. Дон Кин и Чувак-в-фольге обернулись, но снова поднявшаяся метель скрыла поезд из виду.

— Не, — повторил Чувак-в-фольге, — буксир — это не вариант.

Он поправил свои манжеты из фольги, чтобы подчеркнуть сказанное.

— А это помогает? — спросила я, решив наконец заговорить об очевидном.

— Чего?

— Ну, эта штука. Ее ведь бегуны носят после марафона?

— Какая штука?

— Фольга.

— Какая фольга? — спросил он.

После этих слов я решила пренебречь вежливостью и пересела подальше от Дон Кина и Чувака-в-фольге — к окну, рама которого дрожала под напором ветра и снега.

Где-то далеко Шведский Стол был в самом разгаре. Вся еда уже стояла на столе: жуткие окорока, несколько индюшек, тефтели, картошка, запеченная в сметане, рисовый пудинг, печенье, четыре вида соленой рыбы...

Другими словами, звонить Ною сейчас было не время.

Правда, он просил позвонить, когда я доеду. А дальше этого кафе я уже не доеду никуда.

Поэтому я все-таки позвонила ему, и звонок тут же был отправлен на автоответчик.

Я не решала заранее, что и каким тоном скажу, и оставила короткое и, наверное, совершенно непонятное сообщение в стиле «смешно, ха-ха». Я сказала, что застряла в незнакомом городе, у автострады, в «Вафельной», с мужчиной, одетым в фольгу. Только повесив трубку, я поняла, что он подумает, что я очень странно пошутила и к тому же совсем не вовремя его побеспокоила. Мое сообщение наверняка его только раздражит.

Я как раз собиралась перезвонить и серьезным, грустным голосом сказать, что это не шутка... но потом завыл ветер, двери открылись и зашел еще один посетитель. Судя по всему, высокий, стройный юноша, но точно сказать было нельзя. Его голова, руки и ноги были обмотаны полиэтиленовыми пакетами.

Уже двое черт знает в чем вместо одежды. Грейстаун начал меня бесить.

— На Санрайзе машину на обочину вынесло, — сказал юноша, обращаясь ко всем присутствующим. — Пришлось ее бросить.

Дон Кин понимающе кивнул.

— Буксир не нужен? — спросил Чувак-в-фольге.

— Нет, спасибо. Все равно в такую метель мне машину не найти.

Юноша снял с себя пакеты и оказался обычным худощавым парнем с темными мокрыми выющимися волосами, одетым в чуть великоватые джинсы. Он посмотрел на барную стойку, а потом направился ко мне.

— Можно здесь сесть? — полушепотом спросил он, кивнув в сторону Чувака-в-фольге. Ему тоже явно не хотелось сидеть рядом с ним.

— Конечно, — ответила я.

— Он безобидный, — шепотом сказал парень, — но жутко разговорчивый. Я однажды полчаса с ним болтал. Ему нравятся стаканчики. О них он был готов бесконечно разговаривать.

— Он все время в фольгу одевается?

— Без нее я бы его не узнал. Кстати, меня Стюарт зовут.

— А я... Джули.

— Как ты сюда попала? — спросил он.

— Мой поезд... — сказала я, указав на окно. — Мы застряли.

— И куда же ты ехала? — спросил он.

— Во Флориду, к бабушке с дедушкой. Родители у меня в тюрьме.

Я решила попробовать сказать об этом прямо. Стюарт отреагировал так, как я почти ожидала. Он засмеялся.

— Ты одна? — спросил он.

— У меня есть парень, — сказала я.

Я не всегда такая тупая, честное слово, просто тогда думала о Ное. О своем идиотском сообщении.

Стюарт ухмыльнулся уголком рта, словно пытался удержаться от смеха. Потом побарабанил пальцами по столу и улыбнулся, как будто хотел разрядить обстановку. Нужно было воспользоваться шансом и замять разговор, но я не могла оставить все как есть. Мне нужно было придумать алиби.

— Я сказала это только потому, — начала я, заняв спринтерскую позицию, — что должна была ему позвонить. Но сигнала нет.

Да. Я украла у Джеба его историю. Но, к сожалению, не учла, что мой телефон лежал прямо передо мной, гордо демонстрируя, что связь идеальная.

Стюарт посмотрел на телефон, потом на меня, но ничего не сказал.

Я поняла, что не успокоюсь, пока не докажу ему, что я нормальная.

— То есть сигнала не было. Сейчас появился, — сказала я.

— Наверное, из-за погоды, — сочувственно произнес Стюарт.

— Наверное. Я попробую позвонить, сейчас, быстро.

— Не торопись, — сказал он.

Ну, понятно. Он подсел ко мне только потому, что хотел избежать долгого разговора о стаканчиках с Чуваком-в-фольге. Мы вовсе не были обязаны учитывать друг друга в наших расписаниях дня. Стюарт наверняка радовался тому, что я замяла этот разговор.

Он встал и снял пальто. Под ним оказалась униформа супермаркета «Таргет» и полиэтиленовые пакеты — примерно дюжина, — которые тут же вывалились из внутренних складок. Он собрал их, ничуть не смутившись. В это время мне пришел ответ от автоответчика Ноя, и я посмотрела в окно, пытаясь скрыть свою обиду. Мне вовсе не хотелось жалостливо отвечать на глазах у Стюарта, поэтому я просто сбросила звонок.

Стюарт посмотрел на меня, пожал плечами: «Ничего?» — и сел.

— Они, наверное, заняты Шведским Столом, — сказала я.

— Шведским столом?

— Ной косвенно швед, поэтому его семья устраивает в Рождество Шведский Стол, — сказала я.

Я заметила, как приподнялась его бровь, когда я сказала «косвенно». Я так часто говорю. Это любимое слово Ноя. Я у него научилась. Еще бы не забывать не говорить так на людях. Ну и, кроме того, если хочешь убедить незнакомца в том, что у тебя все дома, говорить при этом «косвенно швед» — плохая идея.

— Ну да, и кто же не любит шведских столов, — признал он.

Пришло время сменить тему.

— Тарше, — сказала я, показав на его футболку. «Таргет», но только будто бы по-французски. Несмешная шутка.

— Именно, — сказал он. — Теперь ты понимаешь, почему я рисковал жизнью, пытаясь добраться до работы. Человек, работа которого так важна, как моя, вынужден рисковать, иначе общество не сможет функционировать. Кстати, тому парню, кажется, срочно нужно позвонить.

Стюарт показал пальцем в окно, и я развернулась. У телефонной будки, окруженной тридцатью сантиметрами снега, стоял Джеб и пытался силой открыть дверь.

— Бедный Джеб, — сказала я. — Одолжу-ка ему телефон, раз связь

появилась...

— Это Джеб? Ну да, ты права. Стой... Откуда ты знаешь Джеба?

— Мы вместе в поезде ехали. Он сказал, что ему в Грейстаун. Похоже, дальше он собирается идти пешком.

— Похоже, ему очень нужно позвонить, — сказал Стюарт, убрав в сторону липкий леденец на окне, чтобы получше разглядеть то, что происходит снаружи. — Чего же он тогда не звонит со своего телефона?

— Телефон у него сломался, когда мы врезались.

— Врезались? — повторил Стюарт. — Ваш поезд врезался?

— Ну да, в снег.

Стюарт собирался расспросить меня о поезде, но в эту минуту открылась дверь, и ввалились они. Все четырнадцать. Визжа, вопя и впуская за собой снежинки.

— Боже мой! — воскликнула я.

(глава четвертая)

Нет такой плохой ситуации, которую не могли бы испортить еще сильнее четырнадцать возбужденных черлидерш.

Всего за три минуты скромная «Вафельная» превратилась в новый офис юридической фирмы «Эмбер, Эмбер, Эмбер и Мэдисон». Черлидерши разбили лагерь на стульях в противоположном от нас углу. Некоторые из них молча кивнули мне: «А, так ты жива еще», но в остальном окружающие их совершенно не интересовали.

Что совсем не означало, что они сами не интересовали окружающих.

Когда они вошли, Дон Кин куда-то на секунду испарился. С кухни раздались приглушенные восторженные крики, а потом он снова возник, сияя так, будто на него снизошло Божественное откровение. Я даже устала на него смотреть. Позади него стояли еще двое парней, таких же сияющих.

— Вам что-нибудь нужно, девушки? — весело окликнул Дон Кин.

— Можно нам тут потренироваться в стойке на руках? — спросила Эмбер Первая.

Похоже, ее запястье уже зажило. Крутые они, эти черлидерши. Крутые и безбашенные. Кто еще отважится в метель идти в «Вафельную», чтобы тренировать там стойку на руках? Я сама-то сюда пришла только потому, что хотела уйти от них подальше.

— Делайте что хотите.

Эмбер Первой такой ответ был по душе.

— А можно пол вымыть? Вот тут чуть-чуть? Чтобы мы руки не запачкали? И налейте нам чего-нибудь?

Парень едва не сломал себе лодыжку, пытаясь добраться до кладовки со шваброй.

Стюарт молча наблюдал за происходящим. Он явно обратил внимание на черлидерш, хотя и не смотрел на них с таким восхищением, как Дон Кин и его друзья. Он наклонил голову набок, как будто пытался решить сложное уравнение.

— Тут сегодня все не как всегда, — сказал он.

— Да, — сказала я. — Я заметила. А куда еще здесь можно пойти? Ну, вроде «Старбакса»?

Его едва не передернуло от слова «Старбакс». Я подумала, что он — противник торговых сетей, хотя это довольно странно для работника «Таргет».

— Они закрыты, — сказал он. — Сейчас почти все закрыто. Ну, может, «Герцог и Герцогиня» еще работает, но это маленький продуктовый. Сейчас Рождество, да еще эта буря...

Стюарт наверняка понял, что я в отчаянии, потому что я начала биться лбом об стол.

— Я пошел домой, — сказал он, подставив руку, чтобы я не смогла себя изувечить. — Пойдешь со мной? Там хоть снега нет. Мама не простит мне, если я не предложу тебе отсюда уйти.

Я задумалась над этим. Холодный, застывший поезд стоял по другую сторону дороги. Я сидела в «Вафельной» с кучей черлидерш и Чуваком-в-фольге. Мои родители гостят у государства в сотнях миль отсюда. А на улице бушевала самая страшная метель за последние полвека. Да, мне нужно было куда-то отсюда уйти.

«Осторожно, незнакомец!» — запустилась бегущая строка в моей голове, и отделаться от нее было очень трудно... хотя в моем случае рисковал как раз этот парень. Это я сегодня походила на психа. И сама себя домой не повела бы.

— Вот, — сказал он. — Маленькое удостоверение личности. Это моя карточка работника «Таргет». Кого попало в «Таргет» работать не берут. А вот водительские права... Имя, адрес, номер страховки, все там... На стрижку не смотри, пожалуйста.

Он вытащил карточки из кошелька, и я заметила в кармашке фотографию — он с девушкой, видимо, на выпускном. Это меня успокоило. Он был нормальным парнем, и у него была девушка. У него даже фамилия была — Вайнтрауб.

— А это далеко? — спросила я.

— Полмили в ту сторону, — сказал он, указав в окно на что-то непонятное — бесформенные белые кучи, которые могли оказаться домами, деревьями или моделями Годзиллы в натуральную величину.

— Полмили?

— Ну, полмили, если напрямик. Если нет, то чуть больше мили. Не так уж далеко. Я мог бы дальше идти, но решил заскочить отогреться, раз уж тут открыто.

— А твои родители точно не будут против?

— Да мама меня шлангом выпорет, если я никому в Рождество не помогу!

Дон Кин перемахнул через барную стойку со шваброй в руке, едва не проткнув ею самого себя, и начал тереть пол у ног Эмбер Первой. Джеб там, на улице, наконец зашел в телефонную будку. Теперь он с головой ушел в собственные проблемы. Похоже, я оставалась одна.

— Ладно. Пойду с тобой, — согласилась я.

Мне показалось, что, кроме Чувака-в-фольге, никто не заметил, как мы встали и ушли. С полным безразличием повернувшись спиной к черлидершам, он салютовал нам, когда мы направились к двери.

— Тебе понадобится шляпа, — сказал Стюарт, когда мы вышли в холодный предбанник.

— Шляпы у меня нет. Я ехала во Флориду.

— У меня тоже нет шляпы. Но есть вот эти штуки...

Он продемонстрировал мне полиэтиленовые пакеты, обмотал один из них вокруг головы и подоткнул так, что эта штуковина стала похожа на странный вздутый тюрбан. Эмбер, Эмбер и Эмбер явно отказались бы натянуть на себя пакет... и мне захотелось показать, что я не такая. Я послушно намотала пакет на голову.

— На руки тоже лучше намотай, — сказал он, передав мне еще пару пакетов. — А что делать с ногами — не знаю. Они ведь наверняка замерзли.

Ноги и правда замерзли, но мне почему-то не хотелось, чтобы он думал, будто для меня это невыносимо.

— Нет, — соврала я. — Штаны у меня теплые. И обувь... крепкая. А вот руки я обмотаю, спасибо.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Я сама не знала, почему так сказала. Мне казалось, что, сказав правду, я

распишусь в собственной слабости.

Открыть дверь мешали ветер и скопившийся снег, и Стюарту пришлось навалиться на нее. Я не знала, что снег может сыпать как из ведра. Я видела снегопады, после которых оставалось сантиметров пять снега, но этот снег был липким и тяжелым, снежинки — размером с пятаки. За пару секунд я промокла до нитки. На нижней ступени я замешкалась, и Стюарт оглянулся, чтобы убедиться, все ли в порядке.

— Эй, ты уверена? — снова спросил он.

У меня был выбор: развернуться и остаться в «Вафельной» или пойти с ним?

Я представила, как трое Мэдисон выстроились в пирамиду прямо посередине зала.

— Да, — сказала я. — Пойдем.

(глава пятая)

Мы обогнули «Вафельную» и пошли по узкой тропинке, ориентируясь по мигающему пунктиру сигнальных фонарей, каждые две секунды разрезающему мрак. Мы шли прямо посередине улицы — как в фильме про апокалипсис. Минут пятнадцать царила полная тишина. На то, чтобы говорить, требовались силы, которые нужны были для того, чтобы идти вперед, к тому же, если бы мы открыли рты, в них бы попадал морозный воздух.

Каждый шаг был маленьким испытанием. Снег был такой глубокий и липкий, что каждый раз мне приходилось с силой вытаскивать из него ногу. Ноги у меня замерзли так, что я их не чувствовала, а вот пакеты на голове и руках и вправду немного помогали.

Когда мы все-таки набрали темп, Стюарт решился заговорить.

— Так где на самом деле твои родители? — спросил он.

— В тюрьме.

— Да. Ты говорила. Но когда я сказал «на самом деле»...

— Они в тюрьме, — сказала я в третий уже раз. Мне хотелось, чтобы он это запомнил.

Переспрашивать он больше не стал, но задумался над моим ответом.

— Но за что? — спросил он наконец.

— Они... эээ... участвовали в пикете.

— Они что, оппозиционеры?

— Они покупатели. Это был пикет покупателей.

Он остановился как вкопанный:

— Не говори мне, что они участвовали в беспорядках на фирме «Флоби» в Шарлотте.

— Ну да, участвовали, — согласилась я.

— Ни фиги себе! Твои родители из Пятерки «Флоби»!

— Из Пятерки «Флоби»? — слабым голосом спросила я.

— У нас на работе весь день только о Пятерке «Флоби» и говорят. Каждый второй клиент их упоминал. И в новостях это весь день показывали...

В новостях? Целый день? Ох, круто. Круто, круто, круто. Знаменитые родители — мечта любой девчонки.

— Пятерку «Флоби» все любят, — сказал он. — Ну, многие. И многие считают их забавными.

Но потом он, должно быть, понял, что то, что случилось, меня не особенно забавляло и именно поэтому я сейчас шла по улицам странного города с пакетом на голове.

— Ты теперь крутая, — сказал он и большими шагами, вприпрыжку обогнал меня. — У тебя же CNN интервью взять захотят! Дочь тех, кто в Пятерке «Флоби»! Ладно, не волнуйся. Я их задержу!

Он изобразил, что отгоняет репортеров и отбивается от папарацци. Это было похоже на сложный танец.

Стюарт и в самом деле немного меня развеселил. Я даже начала ему подыгрывать, закрывая руками лицо от воображаемых вспышек фотоаппаратов. Так продолжалось довольно долго, потому что это отвлекало нас от реальности.

— Это просто смешно, — наконец сказала я, чуть не упав, пытаюсь увернуться от воображаемого папарацци. — Мои родители в тюрьме. Из-за керамического домика!

— Ну, это ж лучше, чем если б они кокаином торговали, — сказал Стюарт, снова поравнявшись со мной. — Правда? Наверное, лучше.

— Ты всегда такой веселый?

— Всегда. Это обязательное требование к работникам «Таргет». Я Капитан Весельчак.

— Твоей девушке это, наверное, нравится!

Я сказала так только потому, что хотела показаться умной и наблюдательной, ожидая, что он скажет: «Откуда ты узнала, что я?...» И я скажу в ответ: «Я увидела фотку в твоём кошельке», — и тогда он подумает, что я просто Шерлок Холмс, и я больше не буду казаться ему такой психованной дурочкой, как раньше, в «Вафельной».

(Иногда такого удовольствия приходится подождать, но оно все равно того стоит.)

Вместо этого он резко обернулся, моргнул, а потом решительно зашагал вперед. Прежняя игривость пропала, вид у него теперь был совершенно деловой.

— Уже недалеко, но сейчас нам нужно кое-что решить. Отсюда к моему дому есть два пути. Можно пойти по дороге — это займет еще минут сорок пять. А можно пойти напрямик.

— Напрямик, — тут же ответила я. — Само собой.

— Так гораздо быстрее, потому что дорога делает крюк. Я бы и сам напрямик пошел полчаса назад, когда был один...

— Напрямик, — повторила я.

Я стояла посреди снежной бури, снег и ветер обжигали мне лицо, а

руки были обмотаны полиэтиленовыми пакетами. Поэтому я решила, что больше мне ничего знать об этом пути не нужно. Едва ли он был хуже той дороги, по которой мы шли. И если уж Стюарт собирался пойти напрямик один, ничто не мешало ему пойти напрямик со мной.

— Хорошо, — сказал Стюарт. — В общем, если идти напрямик, то нужно зайти за эти дома. Мой дом прямо за ними, ярдах в двухстах. Ну, примерно.

Мы сошли с мигающей огнями дороги и свернули в темный проход между домами. Я достала из кармана телефон, чтобы проверить, не звонил ли Ной. Нет, не звонил. Я постаралась проделать это незаметно, но Стюарт все равно увидел.

— Не звонил? — спросил он.

— Пока нет. Наверное, все еще занят.

— А насчет твоих родителей он знает?

— Знает, — сказала я. — Я от него ничего не скрываю.

— И он тоже? — спросил он.

— И он тоже что?

— Ты сказала, что ты от него ничего не скрываешь, — ответил он, — а не «мы друг от друга ничего не скрываем».

Это еще что за вопрос?

— Это само собой, — быстро ответила я.

— А какой он? Ну, кроме того, что чуточку швед?

— Он умный, — сказала я, — но не заумный, как парни, которые вечно намекают на свой IQ, оценки и все такое. Он не особенно напрягается, и ему на самом деле плевать, но оценки у него хорошие. Очень хорошие. Так само собой получается. Еще он играет в футбол, участвует в олимпиадах по математике, и у него куча друзей.

Да, я так и сказала. Да, это прозвучало так, будто рекламирую Ноя.

Стюарт снова ухмыльнулся и посмотрел на меня с таким видом, будто изо всех сил сдерживает смех. Но как я должна была ответить? Все мои знакомые знали Ноя. Они знали, кто он такой, какой у него характер. Обычно мне ничего не приходилось объяснять.

— Хорошее резюме, — сказал он, хотя, судя по тону, оно его не очень-то впечатлило. — Но какой он?

Боже! Эта беседа еще долго не закончится.

— Он... ну, такой, как я сказала.

— Нет, какой у него характер? Может, он тайно пишет стихи? Может быть, он танцует, кружась по комнате, когда думает, что его никто не видит? Может, он такой же забавный, как ты? В чем его сущность?

Стюарт наверняка дурачил меня этой своей «сущностью». Хотя мне даже понравилось, что он спросил: «Может, он такой же забавный, как ты?» Мило. Но ответ на все его вопросы один — нет. Ной бывал разным, но уж точно он не был забавным. Обычно он считал забавной меня, но как вы сами могли убедиться, иногда у меня не закрывается рот. Когда такое случалось, Ной уставал от меня.

— Серьезность, — сказала я. — Его сущность — серьезность.

— В хорошем смысле?

— Стала бы я иначе с ним встречаться! Далеко еще?

На этот раз Стюарт понял, что от него требуется, и замолчал. Мы шли молча, пока не дошли до пустыря с парой деревьев. Вдалеке, на вершине холма, стояли дома, сверкавшие праздничными огнями. Снега в воздухе было так много, что все расплывалось перед глазами. Это было бы даже красиво, если бы снег не жегся так сильно. Руки у меня замерзли до такой степени, что теперь даже казались теплыми.

Вдруг Стюарт остановил меня.

— О'кей, — сказал он. — Сейчас нам нужно перейти через ручей. Только он замерз. Я видел, как на нем люди поскальзывались.

— А он глубокий, этот ручей?

— Не очень. Футов пять.

— И где он?

— Где-то впереди, — ответил Стюарт.

Я взглядела в белую пелену. Где-то там, впереди, под снегом, таился ручеек.

— Мы можем вернуться, — сказал он.

— Но ты же собирался идти этой дорогой, несмотря ни на что? — спросила я.

— Да, но тебе вовсе не нужно мне ничего доказывать.

— Ничего страшного, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал уверенней, чем было на самом деле.

— Значит, будем идти вперед, и все?

— План такой.

Так мы и сделали. Мы поняли, что дошли до ручья, потому что снег уже не казался таким глубоким, плотным и хрустящим и под ним чувствовалось что-то скользкое.

В этот момент Стюарт снова решил заговорить.

— Вот везет тем ребятам в «Вафельной». Их ждет лучшая ночь в жизни, — сказал он.

В его голосе чувствовался какой-то вызов, как будто он хотел, чтобы я

заглотила наживку. Не стоило вестись на эту уловку. Но я повелась.

— Ох, — вздохнула я. — И почему все мальчики такие простые?

— В смысле? — спросил он, искоса посмотрев на меня, и тут же поскользнулся на льду.

— Ну, почему ты говоришь, что им везет?

— Потому что они заперты в «Вафельной» с дюжиной черлидерш.

— Ну вот откуда эти высокомерные фантазии? — сказала я чуть резче, чем хотела. — Неужели вы, мальчики, и правда думаете, что, если в округе хоть один парень отыщется, девочки сразу на него полезут? Что мы готовы наброситься на каждого и наградить сеансом групповых ласк?

— А что, такого не бывает? — спросил он.

Я даже не стала на это отвечать.

— А что плохого в черлидершах? — спросил он, довольный тем, что меня разозлил. — Я не говорю, что мне нравятся только черлидерши. У меня просто нет предубеждений.

— Это не предубеждение, — твердо сказала я.

— Нет? А что тогда?

— Меня раздражает сама идея черлидерш, — сказала я. — Красавицы по бокам спортплощадки, убеждающие парней в том, что они крутые.

— Ты судишь о людях, которых не знаешь, обсуждаешь их внешний вид и делаешь выводы. По мне, похоже на предубеждение, — сказал он.

— Нет у меня никаких предубеждений! — не сдержалась я.

Мы были одни в этом поле. Наверху — оловянно-розовое небо, а вокруг — только силуэты голых деревьев, похожие на тонкие руки, прорывающиеся из-под земли. Белый кружащийся снег, свист ветра и тени домов вдалеке.

— Слушай, — сказал Стюарт, не желая прекращать свою дурацкую игру, — откуда тебе знать, что в свободное время они не работают медсестрами? Или, может, котят спасают или кормят бедных.

— Потому что они не делают ничего такого, — сказала я и обогнала его. Я поскользнулась, но удержала равновесие. — В свободное время они делают эпиляцию воском.

— Ты все выдумываешь, — крикнул он мне в спину.

— Ною мне бы не пришлось объяснять. Он сам бы все понял.

— Знаешь, — спокойно сказал Стюарт, — может, этот Ной и вправду такой чудесный, как ты говоришь, но лично я пока не впечатлился.

Мне все это надоело. Я развернулась и решительно зашагала обратно.

— Ты куда? — спросил он. — Эй, да ладно тебе...

Он пытался сделать вид, что не произошло ничего особенного, но мне

все это надоело до чертиков. Я шла быстро, не останавливаясь.

— Обратно далеко идти! — прокричал он, стараясь догнать меня. — Не надо! Я серьезно.

— Прости, — сказала я, стараясь сделать вид, что мне все равно. — Просто я подумала, что мне лучше...

Раздался новый звук. Новый звук на фоне свиста ветра и скрипа снега. Он был похож на треск бревна в костре, и в этом чувствовалась какая-то неприятная ирония. Мы оба застыли. Стюарт бросил на меня тревожный взгляд:

— Не двиг...

И лед ушел у нас из-под ног.

(глава шестая)

Вы, наверное, никогда не проваливались под лед на замерзшем ручье. Вот как это происходит.

1. Вам холодно. Так холодно, что Отдел оценки и регулирования температуры, узнав об этом, заявляет: «Нет, это вы без нас, мы пас», вывешивает табличку «Обед» и возлагает всю ответственность на...

2. Отдел боли и реакции на нее, который, получив из температурного отдела абракадабру, в которой ничегошеньки не понимает («А наше ли это дело?»), начинает жать на все кнопки подряд, вызывая у вас странные ощущения и подключая к работе...

3. Отдел замешательства и паники, где всегда найдется тот, кто готов по первому же звонку подойти к телефону. В этом отделе только и ждут, чтобы взяться за работу. Всем известно — в Отделе замешательства и паники обожают нажимать на кнопки.

Из-за этой бюрократической неразберихи в наших головах мы со Стюартом в первую секунду оказались неспособны что-либо сделать.

Когда мы немного пришли в себя, я смогла осознать, что происходит. Хорошие новости — мы ушли в воду только по грудь. Ну, не мы, а я. Я ушла в воду по грудь, а Стюарт — по середину живота. Плохие новости — мы провалились в дыру во льду, а выбраться из дыры во льду сложно, если ты застыл от холода. Мы оба пытались выкарабкаться, но лед ломался всякий раз, когда мы пытались за него ухватиться.

— О'кей, — дрожа, произнес Стюарт. — Х-х-холодно тут. И с-стремно.

— Да? Серьезно? — сказала я и закричала. Только воздуха в легких на то, чтобы закричать, у меня не хватило, поэтому вместо крика я издала

какое-то шипение.

— Мы д-д-должны его с-с-сломать, — сказал Стюарт.

Мне эта идея тоже приходила в голову, но было приятно слышать, что он произнес это вслух. Мы оба начали ломать лед, работая окоченевшими руками, как роботы, пока не добрались до толстой корки. Вода здесь была не такая глубокая, но все равно не по щиколотку.

— Я тебе помогу, — предложил Стюарт, — подсажу снизу.

Когда я попыталась пошевелить ногой, она не сразу согласилась мне подчиниться. Ноги у меня онемели так, что отказывались шевелиться. Когда я наконец смогла закинуть коленку на лед, руки Стюарта уже слишком замерзли, и поддерживать меня он не мог.

Получилось не сразу, но я все-таки выкарабкалась на лед и вытащила Стюарта. На льду я сделала важное открытие — оказывается, он скользкий, и поэтому на него невозможно опереться, чтобы подняться, особенно если руки обмотаны мокрыми пакетами. Как ни странно, в ручье было намного лучше, чем на суше. Не так холодно.

— Эт-то... н-не-д-д-д-дал-е-к-к-о, — простучал зубами Стюарт.

Я едва поняла, что он хотел сказать. Мне казалось, что мои легкие вибрируют.

Стюарт схватил меня за руку и потащил к дому на холме. Если бы он меня не тащил, я бы не смогла подняться на холм.

Я еще никогда в жизни не радовалась так тому, что увидела дом. Он был окутан слабым зеленоватым свечением, и на нем мигали красные лампочки. Задняя дверь была открыта, и мы вошли в рай. Этот дом вовсе не был сногшибательным, но в нем было тепло и пахло печеньем, жареной индюшкой и елкой.

Стюарт тащил меня за руку до тех пор, пока мы не дошли до двери, которая, как оказалось, вела в ванную со стеклянной душевой кабиной.

— Вот, — сказал он, втолкнув меня внутрь. — Горячий душ. Живо.

Он захлопнул дверь и убежал. Я сразу же сняла всю одежду — из-за снега, воды и грязи она страшно потяжелела — и открыла дверцы кабины. Потом я открыла воду, и вскоре кабина наполнилась паром. Несколько раз температура воды менялась, наверное потому, что Стюарт в это время тоже где-то принимал душ.

Я выключила воду только тогда, когда она стала холодной.

Выйдя из кабины, я заметила, что моя одежда пропала — кто-то незаметно для меня вынес ее из ванной. На ее месте лежали два больших полотенца, брюки, свитер, носки и тапочки. Вся одежда, кроме теплых розовых носков и белых пушистых изношенных тапочек, была мужской.

Я схватила первое, что попало под руку — это оказался свитер, — и прижала его к телу, хотя была в ванной одна. Но ведь кто-то заходил сюда. Кто-то убрал мою одежду, заменив ее другой, сухой. Неужели Стюарт зашел в ванную, пока я мылась? Неужели он видел меня нагишом? Хотя не все ли равно?

Я быстро оделась в то, что мне оставили. Затем приоткрыла дверь и выглянула.

Кухня казалась пустой. Я открыла дверь пошире, и из ниоткуда вдруг возникла женщина средних лет с кудрявыми светлыми волосами, которые выглядели так, будто она пережгла их, когда пыталась покраситься дома. На ней был свитер с изображением двух обнимающихся коал в колпаках, как у Санта-Клауса. Но сейчас меня волновало только то, что в руках у нее была кружка с горячим напитком.

— Бедняжка! — сказала она. Оказалось, что она жутко громкая — таких женщин слышно даже с другого конца автостоянки. — Стюарт на втором этаже. А я его мама.

Я приняла кружку из ее рук. Окажись в ней горячий яд, я бы его все равно выпила.

— Бедняжка, — повторила она. — Не бойся, мы тебя согреем. Прости, что не нашлось ничего по размеру. Это одежда Стюарта, другой чистой я не нашла. А твои вещи в стирке. Пальто и обувь сушатся на батарее. Если нужно кому-то позвонить, звони. Даже в другой город, ничего страшного.

Так я познакомилась с мамой Стюарта («Зови меня Дэбби»). Мы были знакомы всего секунд двадцать, а она уже видела мое нижнее белье и предлагала мне одежду своего сына. Она тут же усадила меня за кухонный стол и начала доставать из холодильника бесчисленные тарелки с едой, покрытые пищевой пленкой.

— Мы уже поужинали, пока Стюарт был на работе, но я приготовила много еды! Очень много! Ешь, ешь!

Еды и правда было много: индюшка с пюре, гарнир, фарш, все как положено. Мама Стюарта выставила все это на стол и настойчиво предлагала мне большую тарелку горячего куриного супа с клецками. К этому времени я уже проголодалась как волк.

В дверях появился Стюарт. Как и я, он был тепло одет: фланелевые пижамные штаны и растянутый свитер. Не знаю... может быть, дело было в чувстве благодарности, может быть, в том, что я радовалась жизни, а может, в том, что у него на голове больше не было пакета... но он показался мне симпатичным, и уже совсем не раздражал.

— Поможешь Джули устроиться на ночлег? — спросила Дэбби. — Не

забуди выключить елку в гостиной, чтобы она не мешала ей спать.

— Извините... — сказала я.

Только теперь я поняла, что свалилась им на голову в Рождество.

— Нет-нет, не извиняйся! Я очень рада, что ты пришла! Мы о тебе позаботимся. Не забудь о том, что ей нужно одеяло, Стюарт.

— Будет ей одеяло, — уверил он.

— Да ей же оно сейчас нужно! Посмотри, она же замерзла! Да и ты тоже. Садись здесь.

Дэбби деловито убежала. Стюарт поднял брови, как бы говоря: «Это не скоро закончится».

Вскоре его мама вернулась с двумя шерстяными одеялами и укутала меня в одно из них, темно-голубое, укутала так, что мне стало сложно двигать руками.

— Хочешь горячего шоколада? — спросила она, обращаясь к сыну. — Или супа?

— Нет, спасибо, мам, — ответил Стюарт.

— Домашний куриный супчик не хуже пенициллина, а вы ведь оба так замерзли...

— Нет, спасибо, мам.

Дэбби посмотрела на мою опустевшую тарелку, налила в нее еще супа и поставила в микроволновку.

— Покажи ей, где что у нас находится, Стюарт. Если ночью тебе что-нибудь понадобится, бери, не стесняйся, — обратилась она ко мне. — Устраивайся как дома. Теперь ты одна из нас, Джули.

Я была благодарна за такое отношение, но подумала, что выразилась она очень странно.

(глава седьмая)

Когда Дэбби ушла, мы со Стюартом принялись сосредоточенно уплетать еду в полной тишине. Мне, правда, показалось, что она и не уходила — я не слышала удаляющихся шагов. Да и Стюарт то и дело оборачивался — видимо, он тоже ощущал присутствие мамы.

— Суп восхитительный, — сказала я, потому что подумала, что, если это услышит Дэбби, ей будет приятно. — Никогда в жизни такого не ела. Наверное, это все клеточки...

— А, ну ты же не еврейка, да? — сказал он, встал и закрыл дверь. — Это шарики из мацы.

— А ты еврей?

Стюарт приподнял палец, веля мне помолчать. Потом немного повозился у двери, прислушиваясь. Снаружи раздались быстрые шаги, как будто кто-то на цыпочках побежал по лестнице.

— Извини, — сказал он. — Мне показалось, что мы не одни. Мыши, наверное. Да, у меня мама еврейка, так что технически я тоже еврей. Но она любит Рождество. По-моему, она его празднует, чтобы вписаться в общество. Правда, немного перебарщивает иногда.

Кухня была украшена к празднику. Полотенца, магнитики на холодильнике, занавески, скатерть... Здесь все напоминало о Рождестве.

— Заметила искусственный остролист у дверей? — спросил Стюарт. — Если так и дальше пойдет, не бывать нашему дому на обложке «Еврейства Юга».

— Тогда почему...

Он пожал плечами.

— Ну, все же так делают, — сказал он, сложил вдвое еще один ломтик индейки и проглотил его. — Особенно здесь. Не сказать, что тут активная еврейская диаспора. У нас в школе на занятиях по ивриту было всего два человека: я и еще одна девочка.

— Твоя девочка?

По лицу Стюарта словно волна пробежала — он наморщил лоб и скривил рот. Я подумала, что он с трудом сдерживает смех.

— То, что нас только двое, не означает, что мы — пара. Никто же не говорил нам «Ладно, еврейчики! Танцуйте!» Нет, она не моя девочка.

— Извини, — быстро проговорила я.

Я уже второй раз упомянула про его девушку, пытаюсь показать свою наблюдательность, и он во второй раз отмахнулся. Всё. Больше ни слова. Ясно же, что он не хочет о ней говорить.

Это было немного странно... с виду Стюарт был из тех мальчиков, которые готовы говорить о своих девушках по семь часов кряду.

— А, ничего. — Он снова потянулся за индейкой. — Наверное, соседям нравится, что мы здесь живем. Ну, мы вроде как украшение этого места. У нас тут есть детская площадка, эффективная система переработки отходов и две еврейские семьи.

— И правда странно, — сказала я, взяв в руки солонку в форме снеговика, — у вас столько рождественских украшений!

— Наверное. Но это же просто праздник, ты же понимаешь? Все настолько понарошку, что ничего такого в этом нет. Мама готова праздновать что угодно. Родственники удивляются, что мы ставим елку, но

елка — это же здорово! Она не связана с религией.

— Ну да. А что думает твой папа? — спросила я.

— Понятия не имею. Он с нами не живет.

Стюарта это, похоже, совсем не беспокоило. Он побарабанил пальцами по столу, чтобы закрыть тему, и встал.

— Я принесу подушки и еще одеял, — сказал он. — Сейчас вернусь.

Я встала и прошла в гостиную. Там были две елки: маленькая, у окна, и еще одна, большая, почти трехметровая, в углу; она почти согнулась под весом самодельных украшений, гирлянд и серебристой мишуры.

Чуть ли не большую часть гостиной занимал открытый рояль. На подставке стояли ноты с пометками, сделанными ручкой. Я ни на чем не играю, поэтому мне любые ноты кажутся китайской грамотой, но эти явно были еще сложнее обычного. Кто-то здесь хорошо разбирается в музыке. И этот рояль точно не был «мебелью».

Но сильнее всего мое внимание привлекло то, что стояло на рояле. Деревня Санта-Флоби, обвитая гирляндой! Она была гораздо меньше нашей, но самая настоящая.

— А что это такое, ты наверняка и сама знаешь, — сказал Стюарт, спустившись по лестнице с ворохом подушек и одеял в руках.

Да уж, знаю. У них было пять домиков: кафе «Весельчаки», магазин жвачки, праздничная лавка дядюшки Фрэнка, эльфетерий и кафе-мороженое.

— У вас их, наверное, больше, — сказал он.

— Ну да, у нас их пятьдесят шесть.

Он одобрительно свистнул и потянулся к переключателю, чтобы зажечь в домиках свет. У них не было такой хитроумной системы, как у нас, чтобы включалось все сразу, и поэтому, чтобы домики ожили, ему пришлось щелкать переключателем по очереди.

— Мама думает, что они чего-то стоят, — сказал он. — Обращается с ними как с драгоценностями.

— Все мамы так думают, — посочувствовала я и окинула домики взглядом эксперта. Обычно я об этом не распространяюсь, но по понятной причине о Деревне Санта-Флоби я знала довольно много. — Ну, — сказала я, показав пальцем на «Весельчаков», — вот этот кое-чего стоит. Видишь, он кирпичный, и тут вокруг окон зеленое? Это значит, что домик — первого поколения. В следующем году они покрасили подоконники в черный...

Я осторожно взяла домик и осмотрела основание снизу.

— Номера нет, — сказала я, — но любой домик первого поколения с

заметными отличиями — уже что-то. К тому же «Весельчаков» сняли с производства пять лет назад, поэтому они сейчас немного подорожали. Этот домик можно было бы продать долларов за четыреста, только у него, кажется, труба отвалилась. Видно, что приклеена.

— А, ну да. Это моя сестра натворила.

— У тебя есть сестра?

— Ага, Рейчел. Ей пять. Не волнуйся, ты с ней еще познакомишься. Так это же круто, правда?

— По-моему, круто — неподходящее слово. Скорее грустно.

Он выключил в домиках свет.

— А кто у вас играет на рояле? — спросила я.

— Я. Это мой талант. Ну, у всех же есть хоть какой-нибудь талант.

Стюарт скорчил дурацкую рожу, и я засмеялась.

— Зря ты себя недооцениваешь, — сказала я. — В университетах любят людей со способностями к музыке.

Боже, это прозвучало так... ну, так, будто я все делаю только для того, чтобы потом понравиться кому-нибудь в университете. Я с ужасом поняла, что процитировала Ноя. Раньше я и не задумывалась о том, как противно звучит эта фраза.

— Извини, — сказала я. — Я устала.

Он отмахнулся от моих слов, будто мне не нужно было ни объясняться, ни извиняться.

— Мама тоже любит, — сказал он. — И соседи. Я тут вроде ученой обезьянки. К счастью, мне играть нравится, так что ничего страшного. Ладно... устраивайся на диване и...

— Да, спасибо, — сказала я. — Здорово. Спасибо, что позволили мне остаться.

— Не за что.

Он развернулся, чтобы уйти, но остановился у лестницы.

— Слушай, — сказал он, — извини. Я вел себя как козел по пути сюда. Просто...

— Я знаю. Это все метель, — сказала я. — Мы замерзли, у нас было дурное настроение. Не переживай. Ты тоже меня извини. И спасибо.

Вид у него был такой, будто он собирался сказать что-то еще. Но вместо этого он просто кивнул и стал подниматься. Прежде чем исчезнуть, он спустился на пару ступеней вниз, перегнулся через перила и сказал:

— С Рождеством!

И тут меня накрыло, даже в глазах защипало. Я скучала по родителям. Я скучала по Ною. Я скучала по дому. Эти люди сделали для меня все что

могли, но они не были мне родными. Стюарт не был моим бойфрендом.

Я два часа лежала, ворочаясь на диване и слушая, как где-то наверху храпит собака (наверное, это была собака) и отсчитывают секунды часы.

Я больше не могла это терпеть.

Мой телефон лежал в кармане пальто, поэтому я стала искать свою одежду. Она обнаружилась в прачечной. Пальто висело на батарее. Судя по всему, моему телефону не понравилось купаться в холодной воде. Экран даже не засветился. Неудивительно, что Ной до меня не дозвонился.

Телефон у них стоял на кухонной стойке. Я тихо подошла к нему, сняла трубку и набрала номер Ноя. Он ответил после четвертого звонка. Голос был глухой, усталый и какой-то растерянный.

— Это я, — прошептала я.

— Ли? — прохрипел он. — Который час?

— Три часа ночи, — ответила я. — Ты мне так и не перезвонил.

Он принялся кричать и хмыкать, будто пытался собраться с мыслями.

— Прости. Я весь вечер был занят. Шведский Стол, то, другое. Ты же знаешь мою маму. Поговорим завтра? Я тебе позвоню, как только мы закончим разворачивать подарки.

Я молчала. Я попала в самую сильную метель за год — за много лет, — я провалилась под лед, мои родители сидели в тюрьме... и он все равно отказывался со мной поговорить?

Но... у него выдалась сложная ночь, и я не видела смысла рассказывать о том, что со мной произошло, полусонному человеку. Люди едва ли способны сочувствовать тем, кто их разбудил, а я нуждалась в сочувствии.

— Конечно, — сказала я. — До завтра.

Я вернулась в гостиную и снова залезла в свою пещеру из подушек и одеял. У них был незнакомый запах. Не противный — просто какой-то сильный отбеливатель.

Иногда я совершенно не понимала Ноя. В такие минуты мне казалось, что он встречается со мной для галочки в какой-нибудь анкете: «У вас есть неглупая подруга, разделяющая ваши устремления и готовая к тому, что вы не сможете уделять ей много времени? Она любит слушать, как вы часами говорите о своих достижениях?»

Нет. Я просто перепугалась и замерзла. Я просто попала в странное место. Я просто нервничала, потому что мои родители попали в тюрьму из-за керамических домиков. Мне нужно выспаться — и все встанет на свои места.

Я закрыла глаза, и весь мир показался мне снежным круговоротом. Голова кружилась, и начало немного подташнивать, а потом я крепко-

крепко уснула, и мне снились сэндвичи и черлидерши, садящиеся на шпагат на столах.

(глава восьмая)

Утро явилось ко мне в обличье пятилетней девочки, прыгавшей у меня на животе. Она с такой силой давила на меня, что у меня глаза выпучились.

— Как тебя зовут? — весело спросила девочка. — Меня — Рейчел!

— Рейчел! Перестань прыгать! Она же спит!

Это был голос мамы Стюарта.

Рейчел оказалась жутко веснушчатым мини-Стюартом с улыбкой до ушей и взъерошенными со сна волосами. От нее едва заметно пахло колечками Cheerios, и ей явно не помешало бы вымыться. Дэбби стояла рядом с кружкой кофе в руках. Она включила Деревню Санта-Флоби. Откуда-то со стороны кухни вышел Стюарт.

Я ненавижу просыпаться и обнаруживать, что чуть ли не целая толпа глазееет на то, как я сплю. Но, к сожалению, со мной такое часто бывает. Я ужасная соня. Я однажды проспала пожарную тревогу. Дрыхла три часа. Правда, в собственной спальне.

— Мы пока не станем открывать подарки, — сказала Дэбби. — Просто перекусим и побеседуем с утра.

Она явно решила на этот шаг ради меня, потому что для меня у них подарков не было. Лицо Рейчел стало похоже на переспелый фрукт, готовый распасться пополам. Стюарт посмотрел на маму, как бы спрашивая: «Ты уверена, что это хорошая идея?»

— Ну, для Рейчел мы сделаем исключение, — быстро добавила она.

Удивительно, как быстро у детей меняется настроение. Я и чихнуть бы не успела, а полное отчаяние на веснушчатом личике уже сменилось восторгом.

— Нет, — сказала я. — Лучше вы и свои откройте.

Дэбби решительно мотнула головой и улыбнулась.

— Мы со Стюартом подождем. Иди умойся перед завтраком.

Я прошмыгнула в ванную и уставилась на себя в зеркало. Волосы у меня выглядели так, будто я собиралась устроиться в цирк, кожа покраснела и шелушилась. Я попыталась привести себя в порядок при помощи холодной воды и мыла, но получилось не очень.

— Хочешь позвонить родителям? — спросила Дэбби, когда я вышла из ванной. — Поздравить с праздником?

Тут мне пришлось обратиться за помощью к Стюарту.

— Ты только не падай, — сказал он. — Ее родители из Пятерки «Флоби».

Тайное стало явным. Но Дэбби это совершенно не смутило. Наоборот, ее глаза заблестели, как будто она познакомилась со знаменитостью.

— Твои родители участвовали в протесте? — спросила она. — Ох, почему же ты сразу не сказала? Я обожаю Деревню Санта-Флоби! Какая глупость — арестовывать людей! Им обязательно должны разрешить поговорить с дочерью! В Рождество! Они же никого не убивали, в конце концов!

Стюарт посмотрел на меня, как бы говоря: «Вот видишь!»

— Я даже не знаю, в какой они тюрьме, — сказала я.

И мне сразу стало стыдно. Родители томятся где-то в тюрьме, а я даже не знаю где именно.

— Ну, это легко узнать. Стюарт, посмотри в Интернете, в какой они тюрьме. В новостях наверняка говорили.

Стюарт тут же вышел из комнаты со словами «Будет сделано».

— Стюарт в этом настоящий мастер, — сказала его мама.

— В чем?

— Ой, да он что угодно в Интернете найти может.

Дэбби, как и многие другие мамы, еще не поняла, что любой может отыскать в Интернете что угодно, для этого вовсе не обязательно быть волшебником. Но я ей об этом не сказала, потому что не люблю намекать людям на то, что они не понимают простых вещей.

Стюарт вернулся, добыв нужную информацию, и Дэбби набрала номер.

— Я заставлю их разрешить тебе поговорить с родителями, — сказала она, прикрыв трубку рукой. — Они еще не знают, какая я настой... а, здравствуйте!

Кажется, звонку Дэбби были не рады, но Дэбби их приструнила. Сэму бы это понравилось.

Она протянула мне телефон и, улыбаясь, вышла из кухни. Стюарт взял на руки извивающуюся Рейчел и вынес ее из комнаты.

— Джубили? — сказала мама. — Доченька, ты как? Добралась до Флориды? Как бабушка и дедушка? Ох, доченька...

— Нет, я не во Флориде. Туда поезд не доехал. Я в Грейстауне.

— В Грейстауне? Не доехал? Ох, Джубили... Где ты? Еще в поезде? Все хорошо?

Мне не хотелось рассказывать маме все, что случилось за последние сутки, поэтому я решила говорить коротко:

— Поезд застрял. Пришлось сойти. Я встретила новых знакомых. Сейчас я у них дома.

— У знакомых? — В голосе мамы прозвучали нотки волнения, которые говорили о том, что она подумала, уж не попала ли я к насильникам или наркодилерам. — У каких знакомых?

— У хороших знакомых, мам. У мамы с двумя детьми. У них есть Деревня Санта-Флоби. Не такая большая, как у нас, но некоторые домики совпадают. У них есть магазин жвачки с полным прилавком. И лавка дядюшки Фрэнка. И даже кафе «Весельчаки» первого поколения.

— Вот как, — с облегчением произнесла мама.

По-моему, мои родители считали, что коллекционерами домиков «Флоби» могут быть только порядочные люди. Социопаты не стали бы любовно выставлять малюсеньких пряничных человечков в витринах лавки. Хотя именно это многим казалось признаком неуравновешенности. Наверное, кто для одного — псих, тот для другого — образец здравомыслия. Я подумала, что очень находчиво описала Стюарта (хотя о нем и не было речи) как «одного из двух детей», а не как «какого-то парня с пакетами на голове, которого я встретила в „Вафельной“».

— Ты все еще там? — спросила мама. — А что с поездом?

— По-моему, он все еще на путях. Вчера он врезался в сугроб, и отопление и электричество отключили. Поэтому мы и сошли.

Я снова здорово придумала — сказать «мы», а не «я одна плелась по автострате в метель». И я не соврала. Джеб с Эмберами и Мэдисонами сошли с поезда сразу после того, как я проторила им дорогу. В шестнадцать лет за своими словами нужно следить со строгостью гениального дипломата.

— Как ты там в...

Как спросить у мамы, хорошо ли ей в тюрьме?

— Неплохо, — смело сказала она. — Ох, Джули, доченька! Мне так жаль... Мы не хотели...

Я слышала, что она вот-вот разрыдается, а это означало, что и я скоро разрыдаюсь, если ее не остановлю.

— У меня все хорошо, — сказала я. — Обо мне тут очень заботятся.

— Можно с ними поговорить?

«С ними» означало «с Дэбби», поэтому я позвала ее. Она взяла трубку, и они поговорили как мама с мамой: ну, в стиле «ох уж эти дети». Дэбби говорила с мамой очень убедительно, и, слушая ее, я поняла, что завтра она меня точно никуда не отпустит.

Я слышала, как она решительно отвергла идею о том, что мой поезд

скоро сможет тронуться с места и я наконец доеду до Флориды.

— Не волнуйтесь, — сказала она моей маме, — мы позаботимся о вашей дочке. У нас много вкусной еды. Мы ее накормим и согреем, а там все и образуется. Она хорошо проведет праздники, я вам обещаю. А потом мы отпустим ее домой.

Пауза, за которой скрывался высокий голос мамы, высказывающей искреннюю сестринскую благодарность.

— Что вы, она нас вовсе не беспокоит! — продолжила Дэбби. — Она просто чудесная гостя! Да и разве не для того нужны праздники, чтобы принимать гостей? Берегите себя. Мы, коллекционеры «Флоби», очень переживаем за вас.

Повесив трубку, Дэбби промокнула глаза и записала номер телефона в «Эльфийском списке», прикрепленном к холодильнику.

— Мне нужно позвонить насчет поезда. Если можно, — сказала я.

К телефону никто не подошел, наверное, из-за праздников, но автоответчик предупредил меня, что ожидаются «значительные задержки». Пока голос перечислял, что и зачем я могу нажать, я выглянула в окно. Все еще шел снег, сильный, но уже не похожий на конец света.

Дэбби ненадолго задержалась в кухне, но потом вышла. Я набрала номер Ноя. Он взял трубку после седьмого гудка.

— Ной! — сказала я полусшепотом. — Это я. Я...

— Привет! — сказал он. — Слушай, мы тут как раз собирались завтракать.

— У меня была тяжелая ночь, — сказала я.

— Ох. Очень жаль, Ли. Слушай, я тебе скоро перезвоню, ладно? Номер у меня есть. С Рождеством!

Он не сказал «Я люблю тебя». Не сказал «Мой праздник без тебя испорчен». Теперь уже я была готова разрыдаться. Слезы душили меня, но мне не хотелось выглядеть плаксой, рыдающей из-за того, что с ней не может поговорить мальчик... даже несмотря на то, что моя ситуация была не совсем обычной.

— Конечно, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Пока. С Рождеством.

А потом побежала в ванную.

(глава девятая)

Не вызывая подозрения, долго в ванной не просидишь. Через полчаса

люди уже начинают недоумевать и пялиться на дверь. А я просидела там точно не меньше получаса, в закрытой душевой кабине, рыдая в полотенце с надписью «Пусть идет снег!»

Да, пусть идет снег. Пусть идет снег, и пусть он похоронит меня под собой. Очень смешно, Жизнь.

Я немного боялась выходить, но когда все же вышла, то обнаружила, что на кухне никого, хотя ее успели немного прибраться к празднику. На столе горела рождественская свеча, весело пел Бинг Кросби, а на кухонной стойке ждали торт и дымящийся кофейник со свежим кофе. Дэбби вышла из прачечной, дверь в которую была прямо рядом с плитой.

— Я послала Стюарта к соседям, одолжить комбинезон для Рейчел, — сказала она. — Из нашего она уже выросла, а у соседей есть комбинезон как раз нужного размера. Он скоро вернется.

Она понимающе кивнула мне: «Я знаю, тебе нужно немного побыть одной. Я об этом позаботилась».

— Спасибо, — сказала я, усаживаясь за стол.

— Я говорила с твоими бабушкой и дедушкой, — добавила Дэбби. — Номер мне твоя мама дала. Они волновались, но я их успокоила. И ты не волнуйся, Джубили. Я знаю, что праздники — время тяжелое, но мы попытаемся, чтобы этот стал для тебя особенным.

Мама сказала ей мое настоящее имя. Дэбби тщательно выговорила его, словно хотела показать мне, что запомнила его, доказать свою искренность.

— Я всегда рада праздникам, — сказала я. — Мне еще ни разу не было скучно.

Дэбби налила мне кофе, поставила передо мной галлон молока и огромную сахарницу.

— Я понимаю, что тебе сейчас нелегко, — сказала она, — но я верю в чудеса. Знаю, звучит глупо, но правда верю. И, по-моему, то, что ты гостишь у нас, тоже маленькое чудо.

Наливая молоко в кофе, я засмотрелась на нее и чуть не налила через край. В ванной я заметила табличку «Обнимашки — здесь!». Дэбби была доброй, но до смешного сентиментальной, хотя в этом нет ничего плохого.

— Ну, спасибо... — сказала я.

— Я к тому, что... Стюарт сейчас выглядит счастливее, чем... Наверное, мне не стоит об этом говорить, но... Он тебе, наверное, уже говорил. Он всем рассказывает, а вы, кажется, нашли общий язык, и...

— Говорил про что?

— Про Хлою, — сказала она, широко раскрыв глаза. — Не говорил?

— Какую Хлою?

Дэбби ответила только после того, как отрезала мне большой кусок торта. Очень большой. Размером с седьмую книжку про Гарри Поттера. Таким можно было бы оглушить грабителя. Но когда я его попробовала, то подумала, что размер в самый раз. С сахаром и маслом Дэбби творила чудеса.

— Хлоя, — прошептала она, — была девочкой Стюарта. Они расстались три месяца назад, и он... он такой нежный мальчик... для него это был большой удар. Она ужасно с ним поступила. Ужасно. Вчера вечером, когда ты сидела рядом с ним, я впервые за долгое время узнала в нем прежнего Стюарта.

— Я... что?

— У Стюарта очень доброе сердце, — продолжила она, не обращая никакого внимания на то, что я застыла с куском торта около рта. — Когда папа Стюарта и Рейчел, мой бывший муж, бросил нас, Стюарту было всего двенадцать. Но видела бы ты, как он помогал мне, как возился с Рейчел. Он очень хороший мальчик.

Я не знала, что сказать. Было ужасно неловко обсуждать с мамой Стюарта его расставание с девушкой. Говорят, что мама — лучший друг мужчины. Это неправда. Мама — лучшая сваха мужчины. И это не случайно.

Хуже того — если могло быть хуже, а выходит, что могло... Я была бальзамом, заживляющим раны ее сына. Ее рождественским чудом. Она собиралась держать меня здесь вечно, кормить тортом и одевать в безразмерные свитеры. Я стала бы Невестой Флоби.

— Ты ведь в Ричмонде живешь, да? — не умолкала она. — Это два-три часа езды отсюда, да?

Я уже собиралась снова запереться в ванной, но в этот момент в дверях появилась Рейчел. Шаркая тапочками, она подошла ко мне, забралась мне на колени и посмотрела прямо в глаза. Ей все еще не мешало бы вымыться.

— Что случилось? — спросила она. — Почему ты плачешь?

— Она скучает по родителям, — сказала Дэбби. — Потому что не может провести с ними Рождество из-за метели.

— Мы о тебе позаботимся, — сказала Рейчел, взяв меня за руку. Таким милым голоском — «хочешь, я расскажу тебе секрет» — разговаривают только маленькие дети. Но после слов ее мамы это прозвучало несколько угрожающе.

— Очень мило, Рейчел, — сказала Дэбби. — Пойди почисти зубы, как большая девочка. Вот Джубили чистит зубы!

Чищу, но не почистила. Не захватила с собой щетку. Я была явно не в форме, когда собирала вещи.

Я услышала, как открывается входная дверь, и минуту спустя в кухню вошел Стюарт с зимним комбинезоном в руках.

— Я только что просмотрел двести фоток в цифровой рамке, — сказал он. — Двести. Миссис Хендерсон очень хотела, чтобы я оценил, что в нее вмещается двести фоток. Я уже говорил, что их было двести?

Он отложил в сторону комбинезон, а потом ушел, чтобы сменить джинсы, промокшие из-за снега.

— Не волнуйся, — сказала Дэбби, когда он ушел. — Вы со Стюартом вчера жутко замерзли. Поживешь у нас, пока мы не узнаем, что с поездом. Мы тебя отопреем. Я обещала твоей маме, что позабочусь о тебе. Мы с малышкой поиграем на улице, а вы со Стюартом оставайтесь дома. Можете заняться чем душе угодно. Выпейте горячего шоколада, покушайте, укройте одеялом...

В других обстоятельствах я бы подумала, что она имеет в виду «укройтесь двумя отдельными одеялами, сядьте в метре друг от друга и посадите между собой волка на цепи», ведь родители всегда имеют в виду именно это. Но сейчас мне показалось, что Дэбби готова разрешить нам что угодно. Если бы мы захотели укрыться одним одеялом, она бы не стала возражать. Да что там, она наверняка выключила бы отопление и спрятала все одеяла, кроме одного.

Дэбби взяла комбинезон и ушла искать Рейчел. Это так меня напугало, что я на время забыла о своей травме.

— Ты какая-то напуганная, — сказал Стюарт, вернувшись. — Мама перепугала?

Я рассмеялась так, что поперхнулась тортом. А Стюарт посмотрел на меня, как вчера в «Вафельной», когда я что-то плела ему про косвенного шведа и плохую телефонную связь. Но как и вчера, он ни слова не сказал о моем поведении. Только молча налил себе кофе и принялся наблюдать за мной уголком глаза.

— Мама с сестрой выйдут ненадолго, — сказал он. — Так что мы останемся одни. Чем хочешь заняться?

Я молча заглотила торт.

(глава десятая)

Пять минут спустя мы со Стюартом уже были в гостиной, около весело мигавшей Деревни Санта-Флоби. Мы сидели на диване, но не под одним одеялом, как наверняка надеялась Дэбби, а под двумя отдельными. Я подогнула ноги и отгородилась от Стюарта коленом.

С верхнего этажа доносились приглушенные крики Рейчел, на которую пытались надеть комбинезон.

Я осторожно наблюдала за Стюартом. Он был красивым, но не таким, как Ной. Ной был небезупречен. У него не было какого-то одного сногшибательного достоинства. Вместо этого в его характере и в его внешности было множество приятных черт, и все соглашались в том, что вместе они составляют очень и очень привлекательное целое. К тому же это целое всегда было безупречно одето. Он не был снобом в одежде, но удивительным образом предугадывал моду. Например, если он начинал заправлять рубашку в брюки только с одной стороны, то через какое-то время все парни в модных каталогах уже носили рубашки именно так. Он всегда шел на шаг впереди остальных.

А вот Стюарт вовсе не был стильным. Его вообще едва ли сильно интересовала одежда, и наверняка он даже не подозревал, что рубашку и джинсы можно носить по-разному. Он стянул с себя свитер, и под ним оказалась обычная красная футболка. Для Ноя она была бы слишком обычной, но Стюарт не стеснялся своей одежды, и потому она ему шла. И хотя она и не была облегающей, я заметила под ней мускулы. Мальчики умеют удивлять.

Если он и знал, что задумала его мама, то никак это не выказывал. Он весело рассказывал мне о подарках для Рейчел, а я натянуто улыбалась и притворялась, что слушаю.

— Стюарт! — позвала Дэбби. — Иди сюда! Рейчел застряла.

— Я сейчас вернусь, — сказал он.

Он поднялся по лестнице, перешагивая через две ступеньки разом, а я встала с дивана, подошла к домикам и осмотрела их. Может быть, если я заговорю с Дэбби об их стоимости, она перестанет говорить со мной о Стюарте. Хотя, конечно, такой план мог сработать и против меня: я могла понравиться ей еще сильнее.

С верхнего этажа слышалось бормотание — шел семейный совет.

Я не знала, что именно случилось с Рейчел и комбинезоном, но,

похоже, что-то серьезное.

— Может, мне ее вниз головой перевернуть... — сказал Стюарт.

И вот вопрос: почему он не сказал мне об этой Хлое? Конечно, мы не были лучшими друзьями, но нашли общий язык, и он чувствовал себя достаточно раскованно, чтобы позволить себе въедливо допрашивать меня о Ное. Если Дэбби права и он всем рассказывал о своей бывшей девушке, почему он промолчал, когда я упомянула ее?

Хотя мне, конечно, было все равно. Какое мне дело!

Скорее всего, Стюарт просто хотел скрыть душевную боль, не держать ее при себе. Наверное, потому, что не считал меня близким человеком. Мы были друзьями. Новыми друзьями. И не мне судить его за то, что он попал в неловкое положение из-за странного поведения мамы. Это у меня родители в тюрьме, это я в полночь плелась неизвестно куда в метель. И если мама у него с наклонностями противной свахи, не он в этом виноват.

Когда они втроем спустились по лестнице (Стюарт нес Рейчел на руках, потому что в комбинезоне она, похоже, ходить не могла), я уже успокоилась.

Мы со Стюартом стали жертвами поведения наших родителей. И в этом он был мне как брат.

Когда Дэбби наконец вытолкала Рейчел, укутанную, словно мумия, на улицу, я чувствовала себя совсем хорошо. Мне предстояло приятно провести часок-другой в дружеской компании Стюарта. С ним было весело, и мне не о чем было беспокоиться.

Я повернулась к нему, надеясь начать дружескую беседу, но заметила на его лице какое-то туманное выражение. Он осторожно посмотрел на меня.

— Можно спросить? — сказал он.

— Ну...

Он нервно сцепил пальцы:

— Я тут говорил с мамой, и... Не знаю, как сказать... У меня к тебе вопрос...

Нет. Нет, нет, нет, нет.

— Тебя правда зовут Джубили? — спросил он.

Я с облегчением рухнула на диван, рухнула так, что Стюарт даже немного подскочил. Разговор, которого я так боялась... теперь казался приятным и интересным. Я была ему даже рада.

— А... Правда. Она правильно расслышала. Меня называли в честь Джубили-Холла.

— А кто такой Джубили-Холл?

— Не кто, а что. Это один из домиков из набора. У вас его нет. Смейся, смейся. Я сама знаю, что это тупо.

— А меня в честь папы назвали, — сказал он. — Получается, что у меня два одинаковых имени. Это тоже жутко тупо.

— Разве? — удивилась я.

— Ну, твоя деревня хотя бы у тебя дома стоит, — беззаботно сказал он. — А папа с нами почти не жил.

Я не могла не признать, что он прав. Похоже, он не слишком злится на отца. Он говорил о нем так, будто все давно ушло в прошлое и больше не имело значения.

— Я в жизни не видела ни одного Стюарта. Кроме Стюарта Литтла. И тебя.

— Вот именно. Кому вообще в голову придет назвать сына Стюартом?

— А дочку — Джубили. Это же вообще не имя! Что это? Юбилей! А что такое юбилей?

— Это же праздник, да? Значит, ты — праздник, который всегда с тобой.

— Ой, не говори.

— Вот, — сказал он, встал и потянулся за одним из подарков Рейчел. Это была настольная игра «Мышеловка». — Сыграем?

— Но это же игра твоей сестры, — сказала я.

— Ну и что? Мне же все равно с ней потом играть. Хоть научусь. Похоже, тут много фишечек. Отличный способ убить время.

— Я не люблю убивать время. Мне все время нужно заниматься чем-то полезным.

— Например?

— Ну...

Я не знала, как ему ответить. Я все время куда-то бежала. Ной не любил тратить время попусту. Мы развлекались тем, что обновляли сайт школьного совета.

— Я понимаю, — сказал Стюарт и снял крышку с «Мышеловки», — я понимаю, что у вас, в этом вашем большом городе, насыщенная жизнь. Ну, там, откуда ты.

— Из Ричмонда.

— Ну вот, в этом вашем Ричмонде. Но здесь, в Грейстауне, ничего не делать — это целое искусство. Так... каким цветом ты хочешь играть?

Я не знала, чем занимались Дэбби и Рейчел, но они уже часа два бродили по снегу, а мы со Стюартом все это время играли в «Мышеловку». В первый раз мы попытались играть по правилам, но в «Мышеловке» куча

всяких крутящихся финтифлюшек и падающих бусинок. Жутко сложно для детской игры.

Во второй раз мы играли по правилам, которые придумали сами, и нам так гораздо больше понравилось. Со Стюартом мне было хорошо — так хорошо, что я даже (почти) не заметила, что время идет, а Ной мне не звонит. Когда телефон зазвонил, я вздрогнула.

Стюарт пошел в кухню, поднял трубку, послушал и передал ее мне со странным, немного недовольным выражением лица.

— Кто это был? — услышала я голос Ноя.

— Это Стюарт. Я у него дома.

— Ты же говорила, что едешь во Флориду?

Из трубки слышались музыка и разговоры гостей. Рождественский праздник шел своим чередом.

— Мой поезд застрял, — сказала я. — Мы врезались в сугроб. Я сошла с поезда, дошла до «Вафельной» и...

— Почему ты сошла с поезда?

— Из-за черлидерш, — вздохнула я.

— Черлидерш?

— Неважно. В общем, я познакомилась с парнем по имени Стюарт и сейчас у него дома. По пути сюда мы провалились под лед на ручье. Я в порядке, но...

— Ого, — удивился Ной. — Как все сложно. — Ну наконец-то. Он понял. — Слушай, — сказал он. — Нам нужно навестить соседей. Я тебе через час перезвоню, и ты мне все расскажешь, ладно?

Я была так ошарашена, что даже отнесла телефон от уха.

— Ной, — сказала я, снова поднеся трубку к уху. — Ты меня слышал?

— Слышал. Ты мне все расскажешь потом. Мы ненадолго, на час-два.

И он снова положил трубку.

— Быстро вы, — сказал Стюарт, снова появляясь на кухне. Он налил воду в электрический чайник и включил его.

— Ной ушел по делам, — нехотя ответила я.

— И поэтому он бросил трубку? Но это же глупо.

— Почему?

— Ну, не знаю. Я бы волновался, переживал. Я вечно переживаю.

— Что-то не похоже. С виду ты счастлив, — проворчала я.

— Можно переживать и одновременно быть счастливым. Я и сейчас волнуюсь.

— Насчет чего?

— Ну, эта метель, — сказал он, показывая пальцем в окно. — Мою

машину занесло, и я волнуюсь, как бы ее не расплющил снегоочиститель.

— Очень умно, — сказала я.

— А что еще я должен был сказать?

— Да нет, ничего такого, — ответила я. — Но вдруг эта метель — признак перемены климата? Вдруг люди из-за нее не могут добраться до больницы?

— Так сказал бы Ной?

Я вовсе не обрадовалась внезапному упоминанию о моем бойфренде.

Не то чтобы Стюарт ошибался. Наоборот, он попал в точку, и мне даже стало жутко. Именно так Ной и сказал бы.

— Ты задала мне вопрос, и я тебе ответил. Можно я скажу тебе кое-что неприятное?

— Нет.

— Он тебя бросит.

Как только он это сказал, кто-то словно кулаком под дых меня ударил.

— Извини, я просто пытаюсь помочь, — продолжил Стюарт, наблюдая за выражением моего лица. — Но он правда тебя бросит.

Стюарт еще не договорил, а я уже знала, что он коснулся чего-то ужасного, того, что, наверное... наверное, было правдой. Ной избегал меня, как избегают неприятного. Вот только это было не в его стиле. Ной не избегал неприятностей — он с ними справлялся. Он избегал меня одну. Безупречный, всеми любимый, прекрасный Ной отталкивал меня от себя. Осознавать это было больно. Я была зла на Стюарта за то, что он сказал, и хотела, чтобы он знал об этом.

— Ты так говоришь из-за Хлои? — спросила я.

Это сработало. Стюарт запрокинул голову и поскрипел зубами.

— Дай угадаю, — сказал он. — Моя мама тебе все рассказала.

— Она мне ничего не говорила.

— Хлоя тут ни при чем, — сказал он.

— Да что ты говоришь! — ответила я.

Я понятия не имела, что произошло между Стюартом и Хлоей, но отреагировал на мои слова он именно так, как я хотела.

Стюарт встал и показался мне невероятно высоким.

— Хлоя тут ни при чем, — повторил он. — Хочешь узнать, откуда я знаю, что будет?

На самом деле, нет. Я не хотела этого знать. Но Стюарт мне все равно сказал:

— Во-первых, он избегает тебя в Рождество. Знаешь, кто так делает? Люди, которые собираются кого-то бросить. Знаешь почему? Потому что

важные даты вгоняют их в панику. Праздники, дни рождения, годовщины... в эти дни они чувствуют себя виноватыми, а им этого не нужно.

— Он просто занят, — слабым голосом сказала я. — У него много дел.

— Ну, если бы у меня была девушка и ее родителей арестовали бы в Рождество, а потом ей пришлось бы долго ехать на поезде в такую метель... я бы весь вечер телефон из рук не выпускал. И отвечал бы. После первого же звонка. Каждый раз. И сам бы звонил ей, чтобы узнать, как она...

Я так опешила, что потеряла дар речи. Он был прав. Именно так Ной и должен был поступить.

— К тому же ты только что сказала ему, что оказалась в чужом городе и провалилась под лед на ручье. И он повесил трубку? Я бы на его месте что-нибудь сделал. Я бы приехал сюда, несмотря ни на какой снег. Может, глупо звучит, но это правда. Хочешь, дам тебе совет? Если он сам от тебя не уйдет, бросай его к черту.

Стюарт произнес это быстро и горячо, как будто какая-то буря подняла эти слова на поверхность из глубины его души. Но это прозвучало серьезно и... трогательно. Потому что он сказал то, что думал. Он сказал то, что я хотела бы услышать от Ноя. Но потом ему, кажется, стало стыдно, потому что он принялся раскачиваться взад-вперед, выжидая, что я оправлюсь от шока, нанесенного его словами.

Мне потребовалось минуты две, чтобы найти в себе силы заговорить.

— Мне нужно на минутку отлучиться, — наконец сказала я. — Куда здесь... можно пойти?

— В мою комнату, — предложил он. — Вторая дверь налево. Там, конечно, жуткий бардак, но...

Я встала и вышла из-за стола.

(глава одиннадцатая)

Стюарт не шутил. В его комнате царил хаос. Она была полной противоположностью комнаты Ноя. Единственной вещью, которая стояла на своем месте, была фотография в рамочке на комод — та самая, что я видела у него в кошельке. Я подошла и взглянула на нее. Хлоя была восхитительна, без шуток. Длинные темно-коричневые волосы. Ресницы, которыми можно было пол подметать. Широкая лучезарная улыбка, естественный загар, россыпь веснушек. Настоящая красotka.

Я села на незаправленную кровать и попыталась думать, но голова гудела слишком сильно. Внизу звучала музыка: Стюарт играл рождественские песни, играл хорошо, выразительно, с душой. Он легко мог бы устроиться пианистом в отель или в ресторан. Наверное, и куда-нибудь получше, но я, если честно, видела пианистов только в ресторанах и отелях. За окном отряхивались от снега две маленькие птички, приютившиеся рядом на ветке.

На полу лежал телефон. Я взяла его и набрала номер. В голосе Ноя, когда он ответил, прозвучала едва заметная нотка раздражения:

— Привет! Как дела? Мы собирались идти и...

— В последние двадцать четыре часа, — прервала его я, — моих родителей арестовали. Меня заставили сесть в поезд, который застрял из-за метели. Я прошла много миль по снегу с полиэтиленовым пакетом на голове. Я провалилась под лед, а теперь застряла в странном городе с незнакомыми людьми. И ты не можешь со мной поговорить... почему? Потому что сейчас Рождество?

Это заставило его замолчать. Я не этого хотела, но все же обрадовалась тому, что его пристыдила.

— Ты все еще хочешь со мной встречаться? — спросила я. — Скажи честно, Ной.

На другом конце провода повисла долгая пауза. Слишком долгая, чтобы можно было ждать ответа: «Да. Ты любовь всей моей жизни».

— Ли, — сказал Ной хрипло и напряженно. — Сейчас нам лучше об этом не говорить.

— Почему? — спросила я.

— Потому что сегодня Рождество.

— Разве это не лишний повод поговорить?

— Ты же знаешь наши семейные традиции.

— Что ж, — сказала я, удивившись злобе в собственном голосе. — Ты должен со мной поговорить, потому что нам нужно расстаться.

Мне самой не верилось в то, что я это сказала.

Слова возникли откуда-то из глубины, из какой-то кладовки внутри меня, о существовании которой я даже не подозревала.

Снова повисла долгая тишина.

— Ясно, — сказал он.

Я не могу утверждать точно, что слышалось тогда в его голосе. Может быть, грусть. А может, облегчение.

Он не стал просить меня взять свои слова обратно. Не прослезился. Он вообще ничего не сделал.

— Ну? — спросила я.

— Что «ну»?

— И ты даже ничего не скажешь?

— Я давно об этом догадывался, — сказал он. — И думал об этом. Если ты этого хочешь, то, наверное, это к лучшему, и...

— С Рождеством, — сказала я. И повесила трубку. Моя рука тряслась. Да и все тело тоже.

Я села на кровать Стюарта и обхватила себя руками. Музыка внизу умолкла, и дом захлестнула тишина.

Стюарт осторожно приоткрыл дверь.

— У тебя все хорошо? — спросил он.

— Я это сделала, — ответила я. — Взяла телефон — и сделала.

Стюарт подошел и сел рядом. Он не стал меня обнимать, просто сел рядом, но все же чуть поодаль.

— Он даже не удивился, — сказала я.

— Сволочи никогда не удивляются. А что он сказал?

— Что-то про то, что он давно об этом знал и, наверное, это к лучшему.

Сказав это, я почему-то икнула. Мы сидели в тишине. У меня кружилась голова.

— Хлоя была похожа на Ноя, — сказал он наконец. — Просто... совершенство. Красивая. Отличница. Она пела, занималась благотворительностью... и была... тебе понравится... черлидершей.

— Да она, похоже, просто сокровище, — мрачно буркнула я.

— Я так и не понял, почему она со мной встречалась. Она была Хлоей Ньюланд, а я — обычным парнем. Мы встречались год и два месяца. И мне казалось, что мы были счастливы. По крайней мере, я был счастлив. Была только одна проблема: Хлоя всегда была занята, и со временем дел у нее становилось все больше и больше. Слишком много, чтобы останавливаться

у моего шкафчика в школе, звонить, писать письма и приходить в гости. Так что я сам ходил к ней в гости. И звонил ей. И писал ей письма. — Все это звучало ужасно знакомо. — Однажды, — продолжил он, — мы договорились делать уроки вместе, а она не пришла. Я приехал к ней, но ее мама сказала, что ее дома нет, и я заволновался. Обычно, если у нее не получалось прийти, она посылала мне эсэмэску. Я решил поехать по городу и поискать ее машину — в Грейстауне не так уж много мест, куда можно пойти. Нашел ее я у «Старбакса», что было неудивительно. Мы там часто занимаемся, потому что, ну... общество не предоставляет нам другого выбора, да? «Старбакс» или смерть...

Он яростно заламывал руки.

— Я решил, — сказал он, выразительно подчеркнув эти слова, — что ошибся, просто забыл, что мы договорились делать уроки в «Старбаксе». Хлоя вообще не очень-то любила приходить к нам. Ее, веришь или нет, раздражала моя мама.

Он посмотрел на меня, будто ждал, что я засмеюсь.

Я слабо улыбнулась.

— Я ужасно расстроился, пока колесил по улицам, и очень обрадовался, когда увидел ее машину. И почувствовал себя полным идиотом. Ну конечно, она ждала меня в «Старбаксе». Я зашел внутрь, но ее ни за одним из столиков не было. Моя подруга Адди работает там баристой, и я спросил ее, не видела ли она Хлою, раз ее машина стоит у кафе.

Стюарт провел руками по волосам, и они взлохматились. Мне страшно хотелось пригладить их, но я поборол это желание. Мне даже нравилась такая прическа. Она меня даже развеселила — облегчила жгучую боль в груди.

— В общем, Адди посмотрела на меня грустными-грустными глазами и сказала: «По-моему, она в туалете». Что такого грустного в том, что она сидит в туалете, я не понимал. Так что я заказал себе и Хлое по напитку, сел и стал ждать. В нашем «Старбаксе» туалет только один, рано или поздно она должна была оттуда выйти. Ни компьютера, ни книжек у меня с собой не было, так что я просто уставился на стену около туалета. Я думал о том, какой я дурак, что на нее разозлился, что заставил ее ждать. Но потом я понял, что она сидит в туалете уже очень долго, а Адди все еще смотрит на меня жутко грустными глазами. Адди подошла, к двери туалета и постучала, и Хлоя вышла. И следом за ней — Пума Тодд.

— Пума Тодд?

— Это не прозвище. Он правда Пума. Наш талисман. Одевается в

костюм пумы, танцует и все такое. Минуту я стоял, пытаюсь понять, что к чему, почему Пума Тодд и Хлоя оказались вместе в туалете «Старбакса». Я надеялся, что ничего дурного они не делали, ведь все знали, что они там. Но, взглянув на Адди с Хлоей — на Тодда я не смотрел, — я все-таки понял, что произошло. Я до сих пор не знаю, спрятались ли они там, увидев меня, или сидели уже давно. Но, понимаешь, когда прячешься в туалете с Пумой от собственного бойфренда, детали, в общем, не так уж важны.

Я тут же забыла про свой звонок и оказалась в том «Старбаксе» со Стюартом, и незнакомая мне черлидерша вышла из туалета с Пумой Тоддом у меня на глазах. В моем представлении Пума Тодд в этот момент был одет в костюм пумы, хотя едва ли так было на самом деле.

— И что ты сделал? — спросила я.

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего. Я стоял молча и думал, что меня сейчас стошнит. Прямо там, на месте. Но Хлоя разозлилась. На меня.

— Это почему это? — возмутилась я.

— По-моему, она просто перепугалась из-за того, что ее застукали. Она обвинила меня в том, что я за ней шпионю. Она сказала, что я не даю ей прохода. Что я давлю на нее. Наверное, она имела в виду — эмоционально давлю, но это прозвучало ужасно. Так что после всего, что случилось, она еще и выставила меня развратником перед всеми посетителями «Старбакса», то есть, считай, перед всем городом — слухи здесь быстро расходятся. Мне хотелось сказать: «Ты целовалась с Пумой в туалете „Старбакса“. Не я в этой истории злодей». Но я этого не сказал, потому что потерял дар речи. И со стороны все, наверное, выглядело так, как будто я с ней согласился. Как будто я признал, что я сексуальный маньяк и сталкер... а не мальчик, который любит ее, больше года любил, и сделал бы все, о чем бы она ни попросила...

Может быть, когда-то Стюарт и рассказывал о своем расставании каждому встречному, но явно уже давно этого не делал и потерял сноровку. Выражение его лица несколько не изменилось — все эмоции выражались руками. Он перестал их заламывать, и теперь они едва заметно дрожали.

— В конце концов Адди вывела ее из кафе и прочитала ей нотацию, — сказал он. — Так все и закончилось. Ну, еще мне сделали латте за счет заведения, так что нет худа без добра. Но я стал парнем, которого у всех на глазах бросила девушка, изменив ему с Пумой. Но я к чему это все

говорил? К тому, что вон тот парень... — он обвинительно указал пальцем на телефон, — козел. Хотя ты с этим сейчас, наверное, не согласишься.

Передо мной стремительно проносились воспоминания о том, что случилось в прошлом году, но теперь я смотрела на все иначе. Вот Ной идет по школьному коридору на шаг впереди меня. Он держит меня за руку и практически тащит за собой, разговаривая по пути с кем угодно, кроме меня. Вот я сижу с ним на первом ряду во время школьного баскетбольного матча. Он знал, что с тех пор, как меня ударило мячом по лицу, сидеть там я боялась. Но все равно сидела рядом с ним, замерев от ужаса, и наблюдала за матчем, который на самом деле меня ни капельки не интересовал.

Да, я обедала в столовой с отличниками-старшеклассниками, но все разговоры с ними были одинаковыми. Они разговаривали только о том, как они заняты, как они пишут свои резюме для поступления в колледж. О том, как встречаются с вербовщиками студентов, как составляют в Сети свои расписания, и о том, кто пишет для них рекомендательные письма.

Боже... Целый год я маялась от скуки. И целую вечность не слышала, чтобы кто-то говорил обо мне.

Но Стюарт... Стюарт говорил обо мне. Он был ко мне внимателен. Это было непривычно и немного смущало, но это было так здорово.

В глазах защипало.

Стюарт повернулся ко мне. Между нами возникло какое-то напряжение. Что-то должно было произойти.

Я почувствовала, что вот-вот слезы хлынут ручьем. Это меня разозлило. Ной не заслуживал этого. Нет, я не буду плакать.

И тогда я поцеловала Стюарта. По-настоящему поцеловала. Он даже назад отклонился. И поцеловал меня в ответ. Это был очень приятный поцелуй. Не слишком сухой, не слишком влажный. Разве что немного суматошный — наверное, потому, что никто из нас не был к нему готов и мы оба думали: «А, да! Поцелуй! Быстрее! Быстрее! Двигаемся! Работаем языком!»

Только минуту спустя мы немного опомнились и стали целоваться медленнее.

Я почувствовала, что куда-то уплываю, но в это время снизу слышались топот и вопли. Видимо, Дэбби и Рейчел решили, что поездка на собачьих упряжках по улицам Грейстауна окончена, поставили собак на привязь и вернулись домой, жутко топая ногами, как всегда бывает, когда приходишь домой в дождь или снег. Почему в сырую погоду все шумят сильнее, чем обычно?

— Стюарт! Джубили! У меня для вас есть вкуснятина, кексики в подарок от Санты! — крикнула Дэбби.

Никто из нас не пошевелился. Я все еще сидела, прижавшись к нему. Мы слышали, как Дэбби поднялась до середины лестницы, а значит, наверняка увидела, что в комнате горит свет.

Нормальная мама сказала бы в такой ситуации: «Выходите сию же секунду, пока я не рассвирепела!» Но Дэбби была не обычной мамой, поэтому она хихикнула и ускользнула прочь со словами:

— Тс-с-с! Рейчел! Иди к мамочке! Стюарт занят!

От внезапного появления Дэбби у меня скрутило живот. Стюарт закатил глаза. Я отпустила его, и он вскочил.

— Я спущусь вниз, — сказал он. — Все хорошо? Тебе ничего не нужно?

— Нет, все отлично! — с неизвестно откуда взявшимся безумным энтузиазмом сказала я, но Стюарт уже привык, что я изо всех сил пытаюсь доказать ему, будто я в своем уме.

Приняв разумное решение, он стремительно выбежал из комнаты.

(глава двенадцатая)

Хотите знать, сколько времени мне потребовалось, чтобы бросить своего «идеального» парня и начать целоваться с другим? Мне потребовалось... подождите... двадцать три минуты. (Я посмотрела на часы, когда брала телефон. Секундомера у меня с собой, разумеется, не было.)

Как бы мне этого ни хотелось, но прятаться вечно в комнате Стюарта я не могла. Рано или поздно мне пришлось бы спуститься. Я села на пол в дверном проеме и прислушалась к тому, что происходит внизу. Слышно было только, как Рейчел гремит игрушками, но потом открылась дверь. Кто-то вышел на улицу. Я решила, что это знак, и тихонько выползла на лестницу.

В гостиной Рейчел возилась с «Мышеловкой», которая все еще лежала на столе. Она широко улыбнулась мне и спросила:

— Ты играла со Стюартом?

Это был провокационный вопрос. Даже пятилетняя девочка понимала, какая я пошлая, развратная женщина.

— Да, — сказала я, пытаюсь сохранять достоинство. — Мы играли в «Мышеловку». Как тебе снег, Рейчел?

— Мама говорит, Стюарту ты нравишься. А я могу засунуть бусинку в нос! Показать?

— Нет, не нужно...

Рейчел засунула один из шариков «Мышеловки» себе в нос, потом вынула его и продемонстрировала мне.

— Видишь? — сказала она.

О, я видела.

— Джубили? Это ты?

В дверях кухни возникла Дэбби, румяная и промокшая до нитки.

— Стюарт пошел помочь нашей соседке миссис Адлер расчистить дорожку к дому, — сказала она. — Он увидел, как ей тяжело. У нее ведь больная спина и один глаз стеклянный... Как вы... провели время?

— Неплохо, — коротко ответила я. — Мы играли в «Мышеловку».

— Так вот как это теперь называется? — спросила она, ухмыльнувшись (ужасная ухмылка!). — Пойду помогу Рейчел принять ванну. Угощайся чем хочешь, можешь сварить себе шоколад!

Она едва не добавила: «...будущая невеста моего единственного сына».

Дэбби с Рейчел ушли, оставив меня наедине со стыдом, позором и горячим шоколадом.

Я подошла к окну гостиной.

Конечно же Стюарт был на улице — с радостью помогал соседке в трудную минуту. На самом деле он просто избегал меня. Это было разумно, я бы и сама поступила так же. Не менее разумно было предположить, что дальше будет только хуже. Я буду скатываться по наклонной, все глубже и глубже погружаясь в болото необъяснимых и безрассудных поступков. Как и мои оказавшиеся в тюрьме родители, я была опасным оголенным проводом.

Лучше уж пойти к стеклянноглазой соседке и выгрести пару тонн снега, надеясь, что я уйду поскорее...

Именно так я и должна была поступить. Уйти. Уйти из этого дома, уйти из его жизни, пока у меня еще осталась хоть капля человеческого достоинства. Я уйду и найду свой поезд, который наверняка уже скоро отправится.

Приняв это решение, я сразу же бросилась на кухню. Я взяла свой телефон с кухонной стойки, где оставила его накануне, тряхнула им посильней и нажала кнопку «Вкл». Я не надеялась, что он включится, но он сжалился надо мной и через пару секунд ожил. Вместо букв на экране была какая-то абракадабра, но телефон явно работал.

Моя одежда, обувь и рюкзак были в прачечной рядом с кухней. Что-то уже высохло, а что-то еще нет. Я накинула пальто, оставив свитер на стиральной машине. В углу стоял контейнер с полиэтиленовыми пакетами, и я взяла десяток. Мне было стыдно брать вещи без спроса, но такие пакеты даже вещью не назовешь. Они вроде салфеток, только дешевле. Наконец, я взяла из органайзера на кухонной стойке наклейку с адресом. Напишу им, когда доберусь домой. Может быть, я и полный псих, но псих воспитанный.

Ясно, что выходить мне нужно было через заднюю дверь, ту самую, через которую мы вошли сюда вчера.

Если бы я вышла через парадную дверь, Стюарт меня бы заметил.

У задней двери намело не меньше шестидесяти сантиметров снега, и это был уже не тот скользкий, мокрый снег, что вчера. Он здорово подмерз на холоде. Но меня подстегивал Отдел замешательства и паники. Он, как я уже говорила, всегда готов приняться за работу, только и ждет этого.

Я изо всех сил навалилась на дверь, и она закричала. Я боялась, что сорву ее с петель, а это грозило усложнить ситуацию. Я ясно представила, как Стюарт или Дэбби находят в снегу дверь и полиция пишет в своем

отчете: «Она вошла в дом, совратила юношу, украла полиэтиленовые пакеты и сбежала, сорвав дверь с петель. Сейчас она наверняка собирается вызволить из тюрьмы своих родителей».

Дверь наконец поддалась, и я протиснулась наружу, порвав рюкзак и оцарапав руку.

Когда я выбралась, дверь заклинило, и еще минуты две-три ушло на то, чтобы ее захлопнуть.

Справившись с этим, я столкнулась с другой проблемой. Мне вовсе не хотелось снова купаться в ледяном ручье, поэтому я не могла вернуться обратно той же дорогой, какой пришла. Да и где эта дорога, я все равно не знала. Все наши следы уже замело. Я стояла на небольшом пригорке, глядя на островок голых деревьев и задние стены одинаковых с виду домиков. Я знала только то, что ручей где-то за деревьями. Безопаснее всего было держаться поближе к домам, петляя по задним дворам. Так я смогу вернуться на дорогу, а оттуда, подумала я, легко дойти до автострады, «Вафельной» и моего поезда.

Я уже говорила, что слишком много себе воображаю.

Улицы в районе Стюарта вовсе не были такими же прямыми, как в Деревне Санта-Флоби. Дома были расставлены пугающе хаотично, по диагонали, с неровными промежутками между ними, как будто архитектор города сказал: «Пойдем за котом, а где он сядет, там что-нибудь и построим».

Я так запуталась, что я даже не могла понять, где дорога.

Улицы не были расчищены, и фонари не горели. Небо теперь было белым, а не розовым, как вчера. Я никогда еще не видела такого темного горизонта, и дороги различить не могла.

Я плелась по улицам, и у меня было достаточно времени, чтобы задуматься над тем, что я натворила. Как я объясню своим родителям, что мы расстались? Они любили Ноя. Не так сильно, как меня, но все равно любили и гордились тем, что у меня такой замечательный бойфренд. Но с другой стороны, мои родители сидели в тюрьме из-за Отеля эльфов фирмы «Флоби». Возможно, им стоило пересмотреть взгляды на жизнь. Кроме того, если бы я сказала, что без Ноя я счастлива, они бы смирились с моим решением.

Мои друзья, ребята в школе... это уже другая история. Но я встречалась с Ноем не ради того, чтобы нравиться другим.

Ну и Стюарт, конечно.

Стюарт, который успел увидеть меня в самых разных обстоятельствах переживающей целую радугу эмоций. Он видел меня, застывшую в

незнакомом городе, потому что мои родители в тюрьме, он видел меня, сумасшедшую балаболку, дерзкую мальчику, который хотел помочь, он видел меня, расстающуюся с бойфрендом, и — самое популярное мое обличье — меня, бросающуюся на людей.

Я все, все испортила. Всё. Сожаление и стыд причиняли мне гораздо более сильную боль, чем снег, который снова летел в лицо. Только пройдя несколько улиц, я поняла, что жалею о расставании... не с Ноем, а со Стюартом. Стюарт спас меня. Стюарт хотел проводить время со мной. Стюарт говорил со мной откровенно и хотел, чтобы я ценила себя.

Но Стюарт будет только рад, что я ушла, — по вышеперечисленным причинам. Пока сюжеты в новостях об аресте моих родителей оставались не слишком подробными, найти меня он не может. Ну, почти. Конечно, меня не трудно обнаружить в Сети, но он не станет искать, думала я. Уж точно не после того представления, что я закатила.

Если я, конечно, сама не вернусь к двери его дома.

Проблуждав примерно час, я поняла, что именно это мне, скорее всего, и грозит. Я застревала в тупиках, снова и снова видела одни и те же дурацкие дома. Иногда я останавливалась и спрашивала дорогу у людей, разгребавших снег на дорожках, но все они сетовали, что я решила отправиться так далеко в такую погоду, и дорогу показывать не хотели. Каждый второй приглашал меня зайти к ним домой отогреться (что было бы очень кстати), но я больше не собиралась рисковать. В один дом в Грейстауне я уже зашла, и посмотрите, что из этого вышло.

Я проплелась мимо стайки хохочущих девчонок, и меня охватило настоящее отчаяние. Я уже не чувствовала ног и готова была расплакаться. Колени одеревенели. И тут я услышала за спиной его голос.

— Стой! — сказал Стюарт.

Я внезапно остановилась. Убегать — это позорно, но еще хуже — когда тебя ловят. Я застыла на месте, потому что не хотела (да и не могла) повернуться к нему лицом. Мне хотелось, чтобы выражение моего лица говорило: «Надо же, рада тебя снова встретить», — но судя по тому, как напряглись мышцы за ушами, было больше похоже на то, что я вывихнула челюсть.

— Извини, — сказала я с натянутой улыбкой. — Я решила, что мне лучше вернуться на поезд и...

— Ага, — сказал он, невозмутимо прервав меня. — Я так и подумал.

Стюарт даже не смотрел на меня. Он вынул из кармана смешную шапку с помпоном. Похоже, она принадлежала Рейчел.

— Я решил, что тебе это понадобится, — сказал он, протягивая мне

шапку. — Возьми. Рейчел она не нужна.

Стюарт, похоже, был готов стоять с шапкой в протянутой руке до тех пор, пока не растает снег, поэтому я взяла ее и натянула на голову. Шапка была мне немного маловата, но все равно приятно согревала уши.

— Я шел по твоему следу, — ответил он на немой вопрос. — По снегу это легко.

Меня выследили. Как медведя.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось так далеко забраться, — сказала я.

— Да не так уж много я и прошел, всего-то три улицы. Ты кругами ходила.

Да, как очень тупой медведь.

— Ты вышла из дому в полусырой одежде? Ничего себе! — сказал он. — Я тебя провожу. Этой дорогой обратно не дойти.

— Я сама дойду, — быстро ответила я. — Мне подсказали дорогу.

— Знаешь, тебе не обязательно уходить.

Я хотела сказать что-то еще, но не смогла придумать что именно. Он принял это за знак того, что я хочу, чтобы он ушел, и поэтому кивнул:

— Береги себя, ладно? И дай знать, когда доберешься. Позвони или...

И тут у меня зазвонил телефон. Наверное, звонок тоже сломался из-за воды, потому что теперь он стал высоким, пронзительным — такой звук могла бы издать русалка, которую ударили по лицу. Удивленный. Уязвленный. Обвиняющий. Булькающий.

Звонил Ной. На моем сломанном экране было написано «Мобг», но я знала, что это значит. Я не ответила, просто уставилась на телефон. И Стюарт тоже. А девочки уставились на нас. Телефон замолчал, а потом зазвонил снова, настойчиво пульсируя у меня в руке.

— Прости, если я вел себя как идиот, — сказал Стюарт, повысив голос, чтобы перекричать звонок. — Тебе, наверное, все равно, что я думаю. Можешь не отвечать.

— Почему это как идиот? — удивилась я.

Стюарт замолчал. Звон прекратился и начался снова.

Мобг очень хотел со мной поговорить.

— Я сказал Хлое, что буду ждать ее, — наконец сказал Стюарт. — Ждать столько, сколько будет нужно. Она сказала, что мне не на что надеяться, но я все равно ждал. Много месяцев я вообще не смотрел на девочек. Даже на черлидерш. Ну, ты понимаешь, в каком смысле не смотрел. — Я понимала. — Но я увидел тебя, — продолжил он. — И это свело меня с ума, с первой же минуты. И не просто увидел, но и понял, что

ты встречаешься с парнем, который кажется тебе совершенным, но на самом деле он тебя не заслуживает. Честно говоря, я и сам был в таком положении. Хотя он, кажется, осознал свою ошибку. — Он кивнул в сторону телефона, который снова зазвонил. — Я все равно рад, что ты гостила у нас, — добавил он. — Не поддавайся этому парню. Хорошо? Не поддавайся. Он тебя не достоин. Не позволяй ему себя дурачить.

А телефон все звонил и звонил. Я в последний раз посмотрела на экран телефона, потом на Стюарта, а потом размахнулась и бросила телефон как можно дальше (к сожалению, не так уж далеко), и он исчез под снегом. Восьмилетки, пристально наблюдавшие за нами, побежали к сугробу.

— Потеряла, — сказала я. — Упс.

И тут Стюарт впервые посмотрел на меня. Ужасная гримаса с моего лица уже сошла. Он подошел ко мне, приподнял мою голову за подбородок и поцеловал. Поцеловал меня. Поцеловал. Я забыла про холод, и мне было все равно, что девчонки, откопавшие мой телефон, подошли к нам сзади и дружно воскликнули:

— Ооооооооооо!

— Только вот что, — сказала я, когда голова перестала кружиться. — Маме своей не говори. По-моему, она что-то себе вообразила.

— Что? — невинно спросил он, приобняв меня за плечи. — Разве твои родители не глазают, когда ты с кем-то целуешься? Это в вашем городе считается странным? Хотя они такое, наверное, не часто видят. Ну, в тюрьме.

— Ой, помолчи, Вайнтрауб. А то уроню тебя в снег, и эти девчонки на тебя накинута и сожрут.

Мимо нас пропыхтел одинокий грузовик, Чувак-в-фольге за рулем натянуто поприветствовал нас. Все мы — Стюарт, я, девочки — расступились, чтобы пропустить его. Стюарт расстегнул пальто и пригласил меня идти с ним под руку, и мы снова зашагали по снегу.

— Обрато к дому пойдем долгой дорогой? — спросил он. — Или напрямик? Ты же, наверное, замерзла.

— Долгой, — ответила я. — Конечно, долгой.

Джон Грин

Рождественская пурга

Посвящается Айлин Купер, которая провела меня через множество снежных бурь

(глава первая)

Мы с Джем и Герцогом затеяли киномарафон, посвященный Джеймсу Бонду. На четвертом фильме, в шестой раз за пять часов, позвонила моя мама. Я даже не стал проверять, от кого вызов, и так знал, что это она. Закатив глаза, Герцог поставила фильм на паузу:

— Она думает, ты куда-нибудь уйдешь? Там же метель.

Я пожал плечами и взял трубку.

— Всё никак, — сказала мама.

Фоном кто-то громко рассказывал о том, насколько важно охранять свою базу.

— Мне жаль, мам. Отстойно.

— Это просто смешно! — закричала она. — Мы вообще никуда вылететь не можем, не то что домой.

Родители на три дня застряли в Бостоне. Медицинская конференция. Мама была на грани отчаяния из-за того, что Рождество светило праздновать там. Как будто в Бостоне война. Меня, честно говоря, от этого уже тошнило. Я в глубине души всегда любил непогоду и все, что с ней связано, причем чем хуже, тем лучше.

— Да, фигово, — поддакнул я.

— К утру ветер уже должен утихнуть, но вообще всё встало. Никто не гарантирует, что мы *завтра* сможем вернуться. Папа пытается взять машину напрокат, но за ними просто огромные очереди. Хотя *даже если* ехать всю ночь, мы будем дома только в восемь-девять утра! Но мы же не можем встретить Рождество не вместе!

— Да ладно, я к Герцогу пойду, — ответил я. — Ее родители согласны. Приду, открою подарки, расскажу, что моим родителям совершенно не до меня, и, может, Герцог растрогается из-за того, что мама меня не любит, и отдаст мне часть своих подарков. — Я бросаю на Герцога взгляд и вижу,

что она ухмыляется.

— Тобин, — сказала мама недовольно.

Она у меня не особо смешливая. Для ее работы это хорошо — вы же не хотели бы, чтобы хирург, которому предстоит вырезать вам раковую опухоль, зашел в кабинет и выдал что-нибудь вроде: «Заходит один чувак в бар, бармен у него спрашивает: „Чего будете?“, а тот отвечает: „А чё у вас есть?“ А бармен такой: „Чё у меня, я не в курсе, а вот у тебя меланома четвертой стадии“».

— Да я просто хотел сказать, что справлюсь. А вы в отель вернетесь?

— Наверное, если отцу не удастся машину взять. У него терпение просто ангельское.

— Ну, ладно. — Я бросил взгляд на Джея, и он проговорил одними губами: «*Вешай трубку*».

Мне уже не терпелось снова усестся между ними на диване и вернуться к новому Джеймсу Бонду, убивающему людей направо и налево всевозможными умопомрачительными способами.

— У тебя там все хорошо? — поинтересовалась мама.

Боже ж ты мой!

— Ага. Ну, снег, конечно, идет. Но у меня Герцог и Джей. И они никуда не денутся, потому что при первой же попытке выйти из дома замерзнут насмерть. Смотрим кино про Бонда. И свет есть, и все дела.

— Если что-нибудь случится, звони. *Хоть что-нибудь*.

— Ага.

— Ладно, — вздохнула мама, — хорошо. Тобин, мне очень жаль. Я тебя люблю. Извини, что так вышло.

— Да ничего страшного, — заверил ее я, потому что так оно и было. Я остался в большом доме без взрослых, сижу на диване со своими лучшими друзьями. Я против родителей ничего не имею, они у меня отличные, но даже если они задержатся в Бостоне до Нового года, я не буду иметь ничего против.

— Позвоню из отеля, — добавила мама.

Джей, по всей видимости, ее слышал, и он буркнул: «Уж не сомневаюсь», пока я прощался.

— Похоже, у нее какие-то проблемы в области личностных отношений, — заметил он, когда я положил телефон.

— Ну, Рождество же.

— А почему ты *не ко мне* идти собрался? — спросил Джей.

— У тебя кормят фигово, — ответил я и занял свою среднюю подушку на диване.

— Да ты расист! — воскликнул Джей.

— Это не расизм! — возразил я.

— Да ты только что назвал корейскую кухню фиговой, — напомнил он.

— Не говорил он такого, — вступилась Герцог и взяла пульт. — Он сказал, что *твоя мама* фигово готовит корейскую еду.

— Именно, — подтвердил я. — У Кеуна мне нравится.

— Говнюк ты, — сказал Джей, как всегда, когда ему нечего было ответить по существу. А это сам по себе хороший безответный ответ.

Герцог снова запустила кино, и тут Джей сказал:

— Можно позвать Кеуна.

Герцог снова нажала на паузу и подалась вперед, чтобы я не загораживал ей вид на Джея:

— Джей!

— Да.

— Я прошу тебя замолчать и дать мне спокойно насладиться возмутительно прекрасным телом Дэниела Крейга.

— Фу, ты что, педик? — засмеялся Джей.

— Я девчонка, — напомнила Герцог. — Так что когда мне нравятся мужчины — это нормально. Вот если бы я твое тело назвала соблазнительным, тогда меня бы можно было заподозрить в лесбийских наклонностях, ведь ты сложен, как девица.

— Ну, уела, — сказал я.

Герцог перевела взгляд на меня:

— Хотя Джей, блин, просто образчик мужественности по сравнению с тобой.

На это мне ответить было нечего.

— Кеун на работе — у него в рождественскую смену двойная оплата.

— А, точно, — вспомнил Джей. — Я и забыл, что «Вафельная» всегда открыта, как промежность у Линдсей Лохан.

Я рассмеялся. Герцог же просто скривила лицо и запустила фильм. Дэниел Крейг вышел из воды в обтягивающих трусах-шортах. Герцог удовлетворенно вздохнула, а Джей сидел с кислой миной. Через несколько минут я услышал тихий щелчок. Это Джей вскрыл упаковку с зубной нитью. Он на ней был просто помешан.

— Гадость, — высказался я.

Герцог остановила фильм и сердито посмотрела на меня. Не зло, просто сморщила свой нос-кнопку и поджала губы. Я всегда по глазам понимал, действительно ли довел ее, но сейчас девочка почти улыбалась.

— Что? — спросил Джей, между зубов у которого свисала зубная

нитка.

— Чистить зубы на людях. Это так... Убери, пожалуйста.

Он неохотно подчинился, но ему надо было, чтобы последнее слово всегда осталось за ним.

— Мой стоматолог говорит, что более здоровых десен ни у кого не видел. *Никогда.*

Я закатил глаза. Герцог убрала за ухо выбившуюся кудряшку и снова запустила фильм. С минуту я смотрел на экран, а потом поймал себя на том, что перевел взгляд за окно — в свете далекого фонаря казалось, что снег сверкает тысячами падающих звезд в миниатюре. И хотя мне не хотелось причинять родителям огорчения или лишать их возможности провести Рождество дома, я мечтал о том, чтобы снега навалило еще больше.

(глава вторая)

Через десять минут после того, как мы вернулись к просмотру фильма, снова зазвонил телефон.

— Господи боже! — возмутился Джей, хватаясь за пульт.

— Твоя мама еще более приставучая, чем некоторые парни, — добавила Герцог.

Перепрыгнув через спинку дивана, я схватил трубку.

— Да, — сказал я, — как дела?

— Тобин! — Это была не мама. Кеун.

— Кеун, ты разве не...

— Джей у тебя?

— Да.

— Громкая связь работает?

— Э, а зачем тебе...

— ГРОМКАЯ СВЯЗЬ РАБОТАЕТ? — заорал он.

— Погоди. — Я принялся искать нужную кнопку и сообщил остальным: — Это Кеун. Требуется громкой связи. Что-то с ним не так.

— Ну и ну, — сказала Герцог, — скажи еще, что солнце — это клуб светящегося газа или что у Джея крошечные яйца.

— А вот сюда не лезь, — огрызнулся Джей.

— Куда не лезть? К тебе в трусы с самой мощной лупой в поисках твоих малюсеньких яичек?

Я отыскал кнопку громкой связи и нажал на нее:

— Кеун, слышишь меня?

— Да, — ответил он. Рядом с ним кто-то шумел. Какие-то девчонки. — Слушайте.

— Туда, где владелица самых маленьких на свете сисек берется рассуждать о чужом достоинстве, — ответил Джей Герцогу, а она швырнула в него подушкой.

— СЛУШАЙТЕ СЕЙЧАС ЖЕ! — снова заорал из телефона Кеун. И все заткнулись. Кеун был поразительно умным и говорил всегда так, будто выучил все свои реплики заранее. — Так. Сегодня мой менеджер на работу не вышел, потому что его тачка застряла в сугробе. Поэтому я выступаю в роли и повара, и его помощника. Тут помимо меня еще два работника, а именно Митчелл Кроуман — раз, и Билли Талос — два. — Митчелл с Билли учились в той же школе, что и мы, хотя я не мог утверждать, что мы хорошо знакомы, потому что они бы меня из очереди не позвали. — Сначала все было спокойно, ситуация изменилась только минут двенадцать назад. Зашли всего два клиента, Алюминиевый и Дорис, самая старая курильщица Америки из тех, что живы. Но потом появилась эта девчонка, потом Стюарт Вайнтрауб (еще один наш одноклассник, хороший парень) с кучей пакетов из «Таргета». Они немного отвлекли Алюминиевого, а я читал «Темного рыцаря» и...

— Кеун, ты к чему это все рассказываешь? — поинтересовался я. Иногда он говорил слишком пространно.

— Да, повод есть, — ответил он. — Даже четырнадцать. Потому что минут через пять после появления Стюарта Вайнтрауба наш добрый и любящий Всемогуший оценил поведение своего раба Кеуна и ниспослал в нашу чудесную «Вафельную» четырнадцать черлидеров из Пенсильвании — *в танцевальных костюмах!* Джентльмены, я не шучу. «Вафельная» битком набита черлидерами. Их поезд отменили из-за снежных заносов, так что они остаются тут на ночь. И все наглоотались кофеина. Делают шпагаты на столе для завтраков.

— То есть дай повторю для ясности: в «Вафельной» случилось рождественское чудо, черлидеры меня раздери. Я этих девчонок прямо сейчас перед собой вижу. И они такие классные, от их пылкости вот-вот снег растает, а в моем сердце могут оттаять уголки, заледеневшие так давно, что я уже забыл об их существовании... даже не могут, нет, оттают.

И тут из телефона послышался девчачий голос, одновременно радостный и сладострастный. Я к этому времени уже стоял около телефона, глядя на него буквально с благоговением. Рядом оказался и Джей:

— Это что, твои друзья? Круто, пусть тащат «Твистер»!

Снова заговорил Кеун:

— Вы же понимаете, что тут на кону! Началась самая крутая ночь в моей жизни! И я приглашаю вас, потому что я самый лучший на свете друг. Засада только вот в чем: как только мы договорим, Митчелл с Билли позвонят своим друзьям. Мы заранее договорились, что пацанов пустим только одну группу. Иначе девчонок будет мало. Я позвонил первый, потому что я помощник менеджера. Так что у вас небольшая фора. Я знаю, что вы не подведете. И не сомневаюсь, что могу рассчитывать на вас в доставке «Твистера». Джентльмены, пусть ваша поездка будет быстрой и безопасной. Но если же вам сегодня суждено погибнуть, то пусть перед смертью вас утешит мысль, что вы пожертвовали жизнью для достижения самой благородной цели из всех возможных — в гонке за черлидерами.

(глава третья)

Мы с Джем даже трубку вешать не стали.

Я лишь сказал:

— Я переоденусь.

— Я тоже, — ответил он.

— Герцог, «Твистер»! В шкафу с другими играми! — добавил я и бросился наверх, проехав на носках по деревянному полу кухни, и, споткнувшись, влетел в свою комнату.

Распахнув дверцу шкафа, я принялся яростно рыться в лежащих на полу кучей рубашках в тщетной надежде, что среди них каким-нибудь чудом окажется идеальная: красивая, в полосочку, на пуговках, без единой складочки, которая так и будет говорить: «Я сильный и крутой, но на удивление хорошо умею слушать, к тому же всем сердцем люблю черлидерские речовки и тех, кто их произносит». К сожалению, такой рубашки у меня не нашлось. Я поспешно удовольствовался хоть и грязной, но крутой желтой футболкой фирмы «Тредлесс» под черным свитером с вырезом лодочкой. Скинув джинсы, предназначенные для просмотра бондианы с Герцогом и Джем, я поспешно натянул хорошие темные джинсы. Потом сунул нос под футболку, понюхал, побежал в ванную и на всякий случай отчаянно поводил под мышками дезодорантом. Затем посмотрелся в зеркало. Выглядел я нормально, разве что прическа не совсем аккуратная.

Я бросился обратно в комнату, поднял с пола зимнюю куртку, сунул

ноги в «пумы» и полетел вниз полуобутый, горлая на ходу:

— Все готовы? Я готов! Едем!

Спустившись, я увидел, что Герцог сидит на диване и смотрит фильм про Бонда.

— Герцог. «Твистер». Куртка. Машина. — Потом я повернулся и заорал вверх: — Джей, ты где?

— У тебя запасная куртка есть? — прокричал он в ответ.

— Нет, в своей иди!

— Да я только в джемпере был!

— Давай поторопись!

Герцог же по какой-то причине продолжала смотреть фильм.

— Герцог, — повторил я. — «Твистер». Куртка. Машина.

Она нажала на паузу и повернулась ко мне:

— Тобин, ты как себе ад представляешь?

— На этот вопрос я тебе в машине смогу ответить!

— А вот мой ад — это застрять навечно в «Вафельной» с кучей черлидеров.

— Да ладно, — ответил я, — не будь душой.

Герцог поднялась, нас все еще разделял диван.

— Ты настаиваешь на том, чтобы мы вышли на улицу в самую страшную за последние полвека метель и проехали по ней сорок километров к каким-то незнакомым телкам, желающим сыграть в игру, про которую на коробке сказано, что она для шестилеток, — и я при этом дура?

Я снова повернулся в сторону лестницы:

— Джей! Быстрее!

— Я стараюсь! — крикнул он в ответ. — Но мне приходится идти на компромисс между спешкой и стремлением выглядеть на все сто!

Я обошел диван и обнял Герцога. Улыбнулся ей. Мы с ней уже давно дружили. И я знал, что она ненавидит черлидеров. И холод ненавидит. И ненавидит вставать с дивана, когда идет фильм про Бонда.

Но Герцог любила хашбрауны из «Вафельной».

— Есть две вещи, перед которыми ты не можешь устоять, — улыбнулся я. — Первая — это Джеймс Бонд.

— Это точно, — согласилась она. — А вторая?

— Хашбрауны, — ответил я. — Золотистые вкусные хашбрауны из «Вафельной».

Герцог на меня даже не посмотрела. Ну, конечно, не совсем. Она посмотрела сквозь меня, сквозь стены дома, куда-то вдаль, слегка сощутив глаза. Задумавшись об этих самых хашбраунах.

— На гриле, с лучком, посыпанные сыром, — добавил я.

Отчаянно заморгав, Герцог покачала головой:

— Боже, эта любовь к хашбраунам всякий раз меня подводит! Но всю ночь я там торчать не хочу.

— Всего часок. Если весело не будет, уедем, — пообещал я.

Герцог кивнула. Пока она надевала куртку, я достал из шкафа помятую коробку с «Твистером».

Когда я повернулся, передо мной стоял Джей.

— О боже! — В каком-то темном углу папиного шкафа он отыскал нечто ужасное: пушистый васильковый комбинезон с зауженными штанинами, а на голову нацепил шапку-ушанку. — Ты похож на дровосека, остановившегося в развитии на младенческой фазе.

— Заткнись, говнюк, — ответил Джей незатейливо. — Это сексуально и по-горнолыжному. Мой костюм как бы говорит: «Я лыжный патруль, только что спустился с заснеженных вершин, где целый день занимался спасением жизней».

Герцог рассмеялась:

— На самом деле он говорит: «Даже если мне не удалось стать первой женщиной, слетавшей в космос, это не значит, что я не могу надеть ее скафандр».

— Боже мой, ну ладно, пойду переоденусь.

— У нас нет времени! — заорал я.

— Ботинки бы обул, — сказала Герцог, глядя на мои «пумы».

— Нет времени! — снова крикнул я.

Я вывел их обоих в гараж, и мы сели в «Карлу», родительскую «хонду»-внедорожник. После окончания разговора с Кеуном прошло восемь минут. Наверное, наша фора к этому времени уже иссякла. На часах было 23:42. В обычный день мы добрались бы до «Вафельной» минут за двадцать.

Но, как оказалось, тот день обычным не был.

(глава четвертая)

Когда я нажал на кнопку, открывающую гараж, то стал осознавать масштаб стоящей перед нами задачи: перед дверью оказалась стена снега высотой больше полуметра. С обеда, когда приехали Герцог с Джейм, наверное, сантиметров сорок еще нападало.

Я перевел Карлу на полный привод:

— Я, типа, попробую... как думаете, проеду?

— Двигай, — отозвался Джей с заднего сиденья.

Герцог успела запрыгнуть на переднее. Я вздохнул поглубже, сдал чуть назад. Когда мы въехали в сугроб, колеса немного приподнялись, но «Карла» почти весь снег примяла, после чего я двинулся задним ходом по дорожке. Больше это походило на попытку ехать задом на коньках, но дело шло. Так что вскоре, больше благодаря удаче, чем моему водительскому мастерству, мы оказались на дороге, ведущей в сторону «Вафельной».

На улицах были заносы. В нашем районе дороги солью не посыпали и не расчищали.

— Какая нелепая будет смерть, — отметила Герцог, и я уже начал с ней соглашаться.

Джей сзади прокричал:

— Спартанцы! Сегодня мы ужинаем в «Вафельной»!

Я кивнул, перевел машину на передний ход и нажал на газ. Первое время колеса лишь прокручивались, но потом мы рванули вперед, и падающий снег в свете фар был как живой. Тротуара я не видел, уж не говоря про разделительную полосу, так что просто старался держаться где-то между почтовых ящиков.

Гроув-парк похож на глубокую тарелку, и, чтобы отсюда выехать, надо взобраться на горку с приличным уклоном. Джей, Герцог и я выросли в этом районе, и я въезжал на этот холм тысячу раз.

Так что, когда мы только начали подъем, о возможных проблемах я не подумал. Но вскоре заметил, что, хотя я и жму на газ, наша скорость нисколько не увеличивается. Меня охватил легкий ужас.

Потом мы начали замедлять ход. Я судорожно давил на газ, но шины прокручивались на снегу. Джей матерился. Однако мы все же потихоньку ползли вперед, я уже видел вершину холма и черную полосу расчищенного шоссе.

— Давай, Карла, — шептал я.

— Поддай газу, — посоветовал Джей.

Я поддал, колеса закрутились быстрее, но тут вдруг Карла перестала карабкаться вверх и забуксовала.

Пауза затянулась надолго. Очень надолго, я многое успел подумать. Вообще я не очень склонен рисковать. Я не из тех, кто пройдет пешком всю аппалачскую тропу или отправится на лето учиться в Эквадор, да я даже суши не отваживаюсь есть. В детстве я, бывало, так переживал из-за чего-нибудь по ночам, что не мог уснуть, и мама всегда меня спрашивала: «Ну, какой самый худший вариант?» Она почему-то думала, что меня

сильно утешит, если я пойму, что ошибки, сделанные в домашней по математике за второй класс, не слишком скажутся на моей последующей жизни. Но эффект получался совершенно иной. Я принимался выдумывать самый страшный вариант. Скажем, я разволновался из-за того, что сделал ошибку в домашнем задании по математике за второй класс. Может, учительница миссис Чепмен наорет на меня. Ну, орать она не станет, выскажет мягкое неодобрение. Может, это ее мягкое неодобрение меня расстроит. Может, я разревусь. Меня начнут обзывать плаксой, и я почувствую себя еще более одиноким, а из-за того, что у меня нет друзей, я начну искать утешения в наркотиках и к пятому классу буду уже торчать на героине. А потом умру. *Вот вам* самый худший вариант. И такое действительно *возможно*. На мой взгляд, надо все это постоянно просчитывать, чтобы не подсесть на героин и/или не умереть. Но в тот день я на все это забил. И ради чего? Ради каких-то незнакомых черлидеров? Нет, против них в целом я ничего не имею, но явно есть более достойные цели, ради которых можно было пожертвовать жизнью.

Я почувствовал взгляд Герцога и повернулся в ее сторону. Глаза у нее были огромные, круглые и перепуганные — и, может, немного недовольные. И только сейчас, в эти затянувшиеся минуты, когда Карла была неподвижна, я подумал о том, каков может быть самый худший вариант — вот таков. Даже если я сейчас останусь жив, меня убьют родители за то, что испортил тачку. И посадят на несколько лет под домашний арест — может, даже на несколько десятков лет. И мне придется летом работать без перерыва, чтобы оплатить ремонт машины.

А затем случилось неизбежное. Мы, петляя, покатались вниз, обратно к дому. Я изо всех сил давил на тормоза, но Карла без остановки мчалась вниз, лишь иногда реагируя на мои отчаянные попытки хоть как-то ею рулить.

Ощувив легкий толчок, я подумал, что мы наскочили на бордюр; мы катились под гору мимо соседских домов, оставляя в снегу глубокие колеи. Мы оказались настолько близко к ним, что я видел через окна наряженные елки. Карла каким-то чудом объехала припаркованный у дороги пикап. Следя в зеркало заднего вида за тем, как мы движемся, я заметил лицо Джея. Он улыбался. Вот и случилось худшее. Наверное, в этом заключалось и какое-то облегчение. В общем, по какой-то причине, увидев его улыбку, заулыбался и я сам.

Потом я посмотрел на Герцога и отпустил руль. Она покачала головой, как будто злилась, но и ей уже стало смешно. Чтобы показать, насколько Карла мне неподвластна, я снова схватился за руль и начал театрально

крутить его из стороны в сторону. Герцог смеялась все сильнее.

— Мы в полной жопе.

А потом вдруг включились тормоза, в то же время я почувствовал, как меня сильно вдавило в сиденье, а когда мы доехали до ровного отрезка дороги, мне удалось наконец остановиться. Джей почти орал:

— Вот это офигеть, поверить не могу, что мы не сдохли. Блин, мы не сдохли!

Я осмотрелся по сторонам, пытаюсь прийти в себя. Справа метрах в полутора от нас стоял дом этих пенсионеров, стариков Олни. У них горел свет, так что через секунду мне удалось рассмотреть миссис Олни в белой ночной сорочке, она буквально прижалась лицом к стеклу и таращи́лась на нас разинув рот. Герцог повернулась к ней и приветственно помахала рукой.

Я осторожно принялся выезжать со двора Олни, пока не оказался, как и надеялся, на дороге. Затем я остановил Карлу и с трудом отцепил от руля трясущиеся руки.

— Так, — проговорил Джей, пытаюсь успокоиться. — Так, так, так. — Вдохнув поглубже, он добавил: — Это было *круто!* Самые *отпадные* американские горки!

— Я изо всех сил держусь, чтобы не обоссаться, — сказал я, мечтая вернуться домой — к фильму про Джеймса Бонда и попкорну, — просидеть до утра, поспать несколько часов и отпраздновать Рождество с Герцог и ее семьей. Я семнадцать с половиной лет прожил без пенсильванских черлидеров. И еще один день как-нибудь протяну.

А Джей все не унимался:

— Я все это время думал об одном: твою же мать, я сдохну в голубеньком лыжном костюме. Маме придется опознавать труп, после чего она до конца жизни будет считать, что ее сын, когда она не видела, любил переодеться вечно мерзнущей порнозвездой семидесятых.

— Думаю, я без хашбраунов сегодня смогу обойтись, — объявила Герцог.

— Да, — согласился я. — Точно.

Джей принялся горланить, что он снова хочет на американские горки, но мне уже с лихвой хватило.

Дрожащим пальцем я ткнул в телефон, чтобы позвонить Кеуну:

— Чувак, слушай, мы даже с Гроув-парк не можем выехать. Снега слишком много.

— Дружище, ну постарайся еще. По-моему, друзья Митчелла даже еще не стартовали. А Билли позвонил паре ребят из колледжа и велел им

привезти бочонок пива, потому что трезвыми эти очаровательные дамы не снизойдут до общения с нами... Эй! Извини, это Билли ударил меня бумажным колпаком. Билли, я сейчас ассистент менеджера! И я доложу о твоём поведении... Эй! Ну приезжайте, пожалуйста. Я не хочу застрять тут с Билли и кучей пьяного народа. Они разгромят мне ресторан, меня уволят, и... прошу вас.

Джей тем временем скандировал сзади:

— Горки! Горки! Горки!

Я захлопнул свою раскладушку и повернулся к Герцогу. Я собирался настаивать на том, чтобы немедленно вернуться домой, но тут раздался очередной звонок. Мама!

— Машину взять не удалось. Мы вернулись в отель, — сообщила она. — До Рождества всего восемь минут, я собиралась подождать, но папа устал и хочет лечь, так что скажем это сейчас...

Папа присоединился к ней, и они закричали в трубку, его безрадостное «Счастливого Рождества!» прозвучало на октаву ниже, чем мамино громогласное.

— Счастливого Рождества! — ответил я. — Звоните, если что, у нас еще два фильма про Бонда.

Прямо перед тем, как мама повесила трубку, пискнул второй входящий вызов. Кеун. Я включил громкую связь.

— Скажите, что вы выехали.

— Да мы же с тобой только что говорили. Мы все еще торчим в низине. И думаю, мы вернемся домой, — добавил я.

— Нет! Сюда! Сейчас же! Я только что узнал, кого позвал Митчелл — Тимми и Томми Рестонов. Они выехали. Но вы можете их сделать. Можете, я знаю! Вы просто обязаны! Я не допущу, чтобы мое рождественское черлидерово чудо испоганили эти близнецы! — И Кеун повесил трубку.

Кеун любил все драматизировать, но сейчас я его понимал. Рестоны могли испоганить почти все что угодно. Тимми с Томми были однойлицевыми близнецами, совершенно не похожими друг на друга. Тимми весил сто пятьдесят килограммов, но он не был жирным, просто он был очень сильным и еще невероятно быстро бегал — лучший игрок в нашей футбольной команде. Томми же влез бы в одну братову штанину, но эта нехватка в размере с лихвой компенсировалась дикой агрессией. В средней школе Тимми с Томми устраивали супербойни на баскетбольной площадке. Мне кажется, зубов ни у одного из них не осталось.

Герцог повернулась ко мне:

— Ладно, речь уже не о нас, как и не о черлидерах. Надо спасти Кеуна от близнецов.

— Если их заметет снегом в «Вафельной» на несколько дней и закончатся запасы еды, сами знаете, что их ждет, — сказал Джей.

Герцог подхватила — уж это она умела делать хорошо:

— Каннибализм. И первым съедят Кеуна.

Я покачал головой:

— Но машина же...

— Подумай о черлидерах, — взмолился Джей.

И хотя я кивнул, думал я не о них. А о вершине холма и расчищенных дорогах, по которым мы можем попасть вообще куда угодно.

(глава пятая)

У Герцога, как обычно, родился план. Повела она его, пока мы все так же стояли посреди дороги:

— Значит, проблема в том, что, когда мы ползли в гору, скорости не хватило. А почему? Потому что мы начали медленно. Так что отъезжай как можно дальше по прямой и мчи. Мы въедем на холм на более высокой скорости и по инерции доберемся до вершины.

Особо соблазнительным мне этот план не показался, но лучше я ничего придумать не мог, так что медленно отъехал задом до высокого сугроба, холм возвышался прямо перед нами, хотя из-за непрекращающегося снега я его едва видел.

Остановился я только тогда, когда въехал к кому-то во двор так, что у Карлы прямо перед бампером оказался огромный дуб. Колеса чуть-чуть покрутились, и машина наконец замерла на снегу.

— Пристегнулись? — спросил я.

— Да, — ответили Джой и Герцог вместе.

— Воздушные подушки включены?

— Ответ положительный, — кивнула Герцог.

Я посмотрел на нее. Она улыбнулась и вскинула брови.

Я кивнул:

— Так, давайте обратный отсчет.

— Пять, — хором начали друзья. — Четыре. Три... — Я начал давить на газ. — Два. Один. — Я перешел на передний ход, и мы рванули, ускоряясь рывками, временами глиссирюя по снегу.

На холм мы въехали со скоростью шестьдесят километров в час, что на тридцать километров больше допустимой в нашем районе скорости. Я привстал, натянув ремень, всем своим весом давя на педаль, но машина пробуксовала, и скорость начала падать.

— Давай, — сказала Герцог.

— Ты можешь, Карла, — тихонько бурчал сзади Джей, и машина продолжала двигаться вперед, хотя с каждой секундой скорость потихоньку падала.

— Карла, давай-ка затаскивай свою тяжелую задницу на холм! — крикнул я, ударив по рулю.

— Не ругай ее, — сказала Герцог, — лучше нежно подбодрить. Карла, девочка, мы тебя любим. Ты такая хорошая машина. Мы в тебя верим. На сто процентов.

У Джея началась паника.

— У нас не получится.

— Не слушай его, Карла, — ласково продолжала Герцог. — Ты справишься. — Я уже снова увидел и вершину холма, и свежерасчищенную трассу. Карла как бы говорила: «Кажется, я смогу, кажется, я смогу», а Герцог все гладила приборную панель, приговаривая: — Карла, я тебя люблю. Ты же знаешь это, да? Каждое утро я просыпаюсь и первым делом думаю о своих чувствах к машине матери Тобины. Малышка, я понимаю, что это звучит странно, но это правда. Я тебя люблю. И я знаю, что ты можешь.

Я остервенело жал на газ, колеса крутились. Скорость упала до тринадцати километров в час. Мы приближались к сугробу высотой около метра — это снегоуборочная машина скидывала снег на обочину, заблокировав нам дорогу. А мы были уже так близко. Но спидометр показывал уже восемь километров в час.

— Боже, а до низа теперь так далеко, — сказал Джей со смехом в голосе.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. И правда.

Мы продвигались вперед всего по несколько сантиметров, не более того. Холм тут был уже не такой крутой, но нам все же не хватит скорости. Я тщетно изо всех сил давил на газ.

— Карла, — продолжала Герцог, — пришла пора сказать тебе правду. Я в тебя влюблена. Карла, я хочу быть с тобой. У меня раньше таких чувств к машине никогда не возни...

Я уже буквально вдавил педаль в пол, и тут вдруг машина перестала пробуксовывать, и мы рванули вперед сквозь сугроб, доходивший до

лобового стекла, и сумели его преодолеть — наполовину разметав по сторонам, наполовину переехав. Теперь мне пришлось резко жать на тормоза, потому что мы приближались к знаку остановки. Карла завиляла из стороны в сторону, и внезапно вместо того, чтобы остановиться, мы оказались уже на шоссе, развернутыми в нужную сторону. Я погнал по трассе.

— ДААААААААА! — кричал Джей. Подавшись вперед, он потрепал Герцог по растрепанной кудрявой голове. — МЫ ТАК КРУТО НЕ СДОХЛИ!

— Умеешь ты с машинами разговаривать, — сказал я Герцог.

Я буквально всем своим телом ощущал силу своего кровяного давления. А она, отбросив волосы назад, выглядела поразительно спокойной.

— На войне как на войне, — ответила она.

Первые восемь километров пути были просто прекрасны: шоссе петляет по горам, так что дорога не очень надежная, но машин, кроме нашей, не было, а асфальт, хоть и мокрый, не замерзал — его посыпали солью. К тому же я ехал осторожно, со скоростью всего тридцать километров в час, так что эти повороты не казались особенно страшными. Мы довольно долго молчали — наверное, вспоминали, как мы карабкались на этот холм. Время от времени Джей громко выдыхал через рот и говорил: «Не могу поверить, ни фиги не сдохли» — либо что-нибудь подобное. Снег валил очень густой, дорога была очень мокрой, так что музыку я включать не стал, и мы ехали в полной тишине.

Через какое-то время заговорила Герцог:

— А что вам дались эти черлидеры?

Я знал, что обращается она ко мне, потому что я несколько месяцев встречался с девчонкой по имени Бриттани, которая как раз этим и занималась. У нас, вообще-то, собралась довольно хорошая команда черлидеров; их спортивная форма была куда лучше, чем у нашей футбольной команды, которую они «разогревали». Помимо этого, девчонки прославились кучей разбитых сердец — например, Хлоя полностью растоптала Стюарта Вайнтрауба, который заходил к Кеуну в «Вафельную».

— Может, потому что они все сексапильные? — высказал свое предположение Джей.

— Нет. — Я попытался ответить серьезно. — Это совпадение. Мне она нравилась не *потому*, что она из черлидеров. Ведь она же классная, да?

Герцог фыркнула:

— Ага, так по-сталински: «Всех врагов растопчу».

— Бриттани отличная девчонка. Просто ты ей не нравилась, потому что она просто не догоняла.

— Чего не догоняла? — уточнила Герцог.

— Ну, типа, что ты не представляешь собой опасности. Понимаешь, обычно, если у девчонки есть парень, она против того, чтобы он тусовался с другими девицами. Бриттани не догоняла, что ты и не совсем девчонка.

— Если ты под этим подразумеваешь, что я не читаю журналы про поп-звезд, нормально ем и не страдаю анорексией, не смотрю передачи про моделей и ненавижу розовый цвет, то да. Я горжусь тем, что не совсем девчонка.

Это правда, Бриттани Герцога не любила, но и Джей ей не нравился. Впрочем, и я сам не особенно. Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше ее бесили мои шутки, мое поведение за столом, да и все прочее, из-за этого мы и расстались. Хотя, честно говоря, я к этому не очень серьезно отнесся. Ну, я ныл, конечно, когда она меня бросила, но для меня это была не такая катастрофа, как для Вайнтрауба. Наверное, я Бриттани никогда и не любил на самом деле. В этом вся разница. Она была симпатичная, умная... не то чтобы неинтересная, хотя мы, по сути, мало о чем разговаривали. Я никогда не переживал из-за того, как у нас с ней все будет, потому что всегда знал, чем кончится. И никогда не считал, что это будет большая потеря.

Блин, мне ужасно не нравилось разговаривать о Бриттани, но Герцог постоянно поднимала эту тему — может, чисто для того, чтобы побесить меня. Или потому, что у нее у самой никаких жизненных драм еще не было. Она нравилась многим ребятам, но ее как будто никто не интересовал. То есть она не имела обыкновения прожужжать все уши каким-нибудь парнем, типа, какой он милый, и прочей такой пургой. Это мне в ней нравилось. Герцог попросту была нормальная, более естественная, чем другие девчонки: с ней можно было обменяться шутками, поболтать о фильме, она могла в раздражении на тебя наорать, на нее тоже можно было разозлиться, и она не обижалась.

— В целом черлидеры меня не интересуют, — повторил я.

— Но, — вставил Джей, — нас обоих интересуют классные девчонки, которые любят «Твистер». Герцог, дело не в черлидерах: мы просто любим свободу и неукротимый американский дух.

— Ну, считайте меня не патриоткой, но я черлидерства не понимаю. Эта их веселость не возбуждает. Возбуждает мрачное. Возбуждает

амбивалентное. Возбуждает то, что оказывается глубже, чем показалось с первого взгляда.

— Точно, — согласился Джей. — Поэтому ты встречаешься с Билли Талосом. Ведь что может быть мрачнее и серьезнее официанта из «Вафельной».

Я бросил взгляд в зеркало, пытаюсь понять, шутит ли Джей, и мне так не показалось. Герцог развернулась и стукнула его по коленке:

— Это всего лишь работа.

— Что? Ты встречаешься с Билли Талосом? — Я удивился не только потому, что вообще не ожидал, чтобы наша Герцог стала с кем-то встречаться, но еще и потому, что Билли Талос увлекался футболом и пивом, а Герцог любила Ширли Темпл и театр.

Секунду она молчала.

— Нет. Он просто пригласил меня на зимний бал.

Я промолчал. Странно, что она рассказала об этом Джею, а мне — нет.

— Не хочу тебя обидеть, но у Билли Талоса волосы какие-то *сальные*. По-моему, если их отжимать раз в день-другой, то Америке, может, и не надо будет больше нефть импортировать, — сказал Джей.

— Я не обиделась, — со смехом ответила Герцог.

Видимо, он ей не так уж и *нравился*. Но я все равно не мог представить их вместе, даже если не брать в расчет сальные волосы. Билли не казался прикольным или интересным. Но да фиг с ним.

Герцог с Джем перешли к пылкому обсуждению меню «Вафельной», в частности к вопросу о том, какой тост лучше — обычный или с изюмом. Как для поездки, такая болтовня годилась отлично.

Снежинки, касаясь лобового стекла, немедленно таяли. Дворники работали вовсю. Передний дальний свет падал на снег и мокрую дорогу, и я видел ровно столько, чтобы понимать, где моя полоса и куда я двигаюсь.

Я мог бы ехать по этой дороге очень долго, но уже надо было сворачивать на Санрайз-авеню, чтобы проехать через центр и вывернуть на магистраль к «Вафельной». Было 00:26.

— Слушайте, — перебил я ребят.

— Что? — спросила Герцог.

Я перевел взгляд с дороги на нее:

— С Рождеством!

— С Рождеством! — улыбнулась она. — С Рождеством, Джей!

— С Рождеством, говнюки!

(глава шестая)

По обе стороны Санрайз-авеню тянулись огромные сугробы, высотой с машину, и казалось, что мы едем по дну бесконечного огромного хафпайпа для сноуборда. Джей с Герцогом притихли, мы все сосредоточились на дороге. До центра оставалось километра три, а потом еще полтора на восток до «Вафельной». Наше молчание прервал какой-то рэп из девяностых — зазвонил телефон у Джея.

— Это Кеун, — сообщил он, включая громкую связь.

— РЕБЯТА, БЛИН, ВЫ ГДЕ?

Герцог обернулась, чтобы ее было лучше слышно:

— Кеун, выгляни в окно и скажи мне, что ты видишь.

— Я лучше скажу, чего я не вижу! Ни тебя, ни Джея, ни Тобина перед «Вафельной» нет! Друзья Митчелла из колледжа на связь не выходили, но Билли только что звонили близнецы, и они поворачивают на Санрайз-авеню.

— Тогда все нормально, мы уже здесь, — ответил я.

— БЫСТРЕЕ. Черлидеры хотят «Твистер»! Погодите-ка... они делают пирамиду, и мне надо их *подстраховать*. Подстраховать! Вы знаете, что это означает? Если они упадут, то в *мои объятия*. Так что поспешу. — И Кеун повесил трубку.

— Газуй, — велел мне Джей.

Я рассмеялся и не послушался. Нам главное не потерять свою лидирующую позицию.

С точки зрения скольжения по снегу на внедорожнике Санрайз-авеню — удачное место, так как, в отличие от большинства других улиц Грейстауна, она почти ровная. Поскольку я теперь ехал по колее, скорость потихоньку возросла до 40 километров. По моим подсчетам, уже через две минуты мы должны были быть в центре города, а через десять — уже объедаться особыми сырными вафлями Кеуна, которых нет даже в меню. Я уже воображал себе это чудесное лакомство: вафля, а на ней пластинка плавленого сыра «Крафт», — этот одновременно сладкий и соленый вкус, такой насыщенный и сложный, что его даже сравнивать нельзя с другими вкусами — только с эмоциями. Сырные вафли, думал я, это как любовь, и на крутом повороте перед центром я буквально ощутил возжеланный вкус.

К повороту я подъехал точно так, как учили в автошколе: одна рука на два часа, другая — на десять, я слегка поворачивал руль, нежно давя на тормоз. Но Карла отреагировала неадекватно — продолжила ехать прямо.

— Тобин, — сказала Герцог. — Поворачивай, поворачивай, Тобин,

поворачивай.

Я, не отвечая, продолжал вертеть руль вправо, нажимая на тормоз. Приближаясь к сугробу, машина начала снижать скорость, но на поворот и намёка никакого не было. Вместо этого мы с грохотом въехали в стену из снега.

Проклятие. Карла наклонилась влево. Лобовое стекло стало белым с краплениями дегтярно-черного. Как только мы остановились, я развернулся и увидел, что на нас валятся, засыпая машину, огромные комья снега. На этот поворот судьбы я отреагировал изощренной тирадой, которыми я вообще знаменит:

[illegible]

(глава седьмая)

Герцог протянула руку и выключила двигатель.

— Рисуем отравиться угарным газом, — констатировала она прозаично, как будто мы не оказались в самой холодной на свете жопе в пятнадцати километрах от дома. — Вылезаем через зад, — приказала она, и ее властный голос меня успокоил.

Джей перебрался в хвост и открыл люк в крыше. Потом выпрыгнул наружу. За ним Герцог, а там и я, ногами вперед. Собравшись с мыслями, я наконец смог достаточно красноречиво высказать свои чувства относительно сложившейся ситуации.

— Черт-черт-черт! — Я бил ногой по заднему бамперу Карлы, а на лицо мне падал мокрый снег. — Идиотская затея, господи, родители, боже, черт-черт-черт...

Джей положил руку мне на плечо:

— Все будет хорошо.

— Нет, — ответил я. — Не будет. И ты это прекрасно понимаешь.

— Будет, — настаивал Джей. — Знаешь что? Все будет *просто отлично*, потому что я отрою машину, кто-нибудь поедет мимо, поможет нам, пусть даже эти близнецы. Ну, не оставят же они нас тут *замерзать* насмерть.

Герцог осмотрела меня с ног до головы и ухмыльнулась.

— Могу ли я отметить, как скоро ты расквасешься в том, что не послушал моего совета насчет обуви, который я дала тебе еще дома?

Я посмотрел на то, как мои «пумы» засыпает снег, и содрогнулся.

Джей еще не растратил своего оптимизма:

— Да! Все будет хорошо! Господь же не просто так дал мне мускулистые руки и торс, дружище. А для того, чтобы я мог выкопать твою машину из снега. Я и без помощи обойдусь. Вы пока поболтайте, а Халк будет творить свои чудеса.

Я посмотрел на Джея. Он весил, наверное, килограммов шестьдесят пять. У белочек мускулатура и то более впечатляющая. Но Джей был непоколебим. Завязал уши на шапке. Достал из карманов своего суперобтягивающего комбинезона шерстяные перчатки и повернулся к машине.

Помогать ему мне особо не хотелось, потому что я понимал, насколько это безнадежно. Карла почти на два метра въехала в сугроб с меня ростом, а у нас даже лопаты не было. Так что я встал на дороге рядом с Герцогом, вытер прядь мокрых волос, выбившихся из-под шапки.

— Извини, — сказал я ей.

— Гм, да не ты же виноват. А Карла. Ты руль крутил. А она не послушалась. Знала я, что зря ее полюбила. Тобин, она как все: стоит мне признаться в любви, как меня бросают.

Я рассмеялся:

— Я-то не бросил. — И похлопал подругу по спине.

— Да, но я а) тебе в любви никогда не признавалась, б) я в твоих глазах даже не девушка.

— Мы в жопе, — рассеянно проговорил я, повернувшись к Джею, роющему тоннель вдоль правой стороны машины. Он напоминал маленького крота, и дело у него шло на удивление хорошо.

— Ага, мне уже как-то холодно, — вздохнула Герцог, встав со мной бок о бок.

Не представляю, как можно было мерзнуть в этой огромной лыжной куртке, хотя какая разница. Главное, что я тут не один.

Я протянул руку, сдвинул ей шапку набок и обнял:

— Герцог, что же нам делать?

— Думаю, получилось все равно прикольное, чем было бы в «Вафельной», — сказала она.

— Но в «Вафельной» же *Билли Талос*, — с издевкой ухмыльнулся я. — Я теперь знаю, почему ты туда так хотела. Хашбрауны ни при чем!

— Хашбрауны при всем, — возразила Герцог. — Как сказал один поэт, «так многое зависит от хашбраунов, блестящих от масла, лежащих рядом с омлетом».

Я ничего не понял. Просто кивнул и посмотрел на дорогу, гадая, когда

приедет какая-нибудь машина и спасет нас.

— Ситуация, конечно, фиговая, но зато это самое невообразимое рождественское приключение.

— Да, и прекрасная иллюстрация к тому, почему я в целом не люблю приключений.

— Небольшой риск время от времени совсем не лишний, — засмеялась Герцог, подняв на меня взгляд.

— Абсолютно не согласен, это лишь подтверждает мою позицию. Я рискнул, и Карла застряла в сугробе, родители теперь от меня отрекутся, — вздохнул я.

— Поверь мне, все будет нормально, — спокойно и размеренно сказала Герцог.

— Это у тебя хорошо получается, — констатировал я. — Говорить всякий бред так, чтобы я в него поверил.

Она встала на цыпочки, обняла меня за плечи, и ее лицо с красным мокрым носом оказалась прямо рядом с моим.

— Тебе не нравятся черлидеры. Ты невысокого о них мнения. Ты предпочитаешь приятных прикольных девчонок-эмо, с которыми и я бы не прочь подружиться.

Я пожал плечами:

— А вот это почему-то не сработало.

— Черт! — Герцог улыбнулась.

Джей вылез из своего снежного тоннеля, стряхнул снег с василькового комбинезона и объявил:

— Тобин, у меня не слишком хорошая новость, только держи себя в руках.

— Хорошо. — Я занервничал.

— Не знаю, как сказать... Как ты, гм, думаешь, сколько колес у Карлы должно быть на данный момент в идеале?

Я закрыл глаза, запрокинув голову; свет от уличного фонаря ярко светил мне в лицо, а на губы медленно падал снег.

Джей продолжал:

— Если быть абсолютно честным, я бы назвал оптимальным число четыре. А на данный момент чисто физически у Карлы имеются три колеса — неидеальное количество. К счастью, четвертое находится на очень небольшом от нее расстоянии. Но, к несчастью, я не специалист по монтажу колес.

Я натянул на лицо шапку, ощутив всю глубины жопы, в которую попал,

и вдруг впервые почувствовал холод — в районе запястий, где перчатки не доходили до куртки, на лице и в ногах — от тающего снега уже промокли носки. Родители не станут меня бить или выжигать клеймо раскаленными щипцами, нет. Они слишком воспитанные люди, чтобы доходить до такой жестокости. Именно из-за этого мне и было по-настоящему паршиво: родители не заслуживают сына, который отломал колесо их возлюбленной Карлы, направившись среди ночи праздновать Рождество с черлидерами.

Кто-то убрал шапку с моего лица.

— Я надеюсь, ты согласишься с тем, что такая небольшая неприятность, как отсутствие машины, не должна помешать нам добраться до «Вафельной», — улыбнулся Джей.

Герцог, опершись на торчащий из снега зад Карлы, рассмеялась, а я — нет.

— Джей, сейчас не время для нелепых шуточек, — заметил я.

Он распрямился во весь рост, словно для того, чтобы напомнить, что он чуточку выше меня, затем сделал два шага к центру дороги и встал прямо под фонарем.

— Это не нелепые шуточки, — заявил он. — Верить в свою мечту — разве это нелепые шуточки? Преодолевать трудности, следуя за мечтой, — разве это нелепые шуточки? Когда Гекльберри Финн проплыл сотни километров на плоту по Миссисипи на встречу с черлидерами девятнадцатого века — разве это были нелепые шуточки? Тысячи мужчин и женщин посвятили свои жизни исследованию космоса, чтобы Нил Армстронг мог встретиться с черлидерами на Луне, — разве это нелепые шуточки? *Нет!* И верить, что в эту грандиозную ночь чудес мы, трое великих мужей, должны хоть и с трудом, но все же идти на великий свет желтой вывески «Вафельной», — не нелепые шуточки!

— *Не мужей*, — с разочарованием произнесла Герцог.

— Да бросьте вы! — продолжал Джей. — Я что, ничего не добьюсь? Ничего?! — Ему уже приходилось орать во всю глотку, перекрикивая ветер, а мне стало казаться, что его голос стал единственным звуком во Вселенной. — Вам этого мало? Вот вам еще. Дамы и господа, мои родители уезжали из Кореи без ничего, кроме одежды, которая была на них, и кучи денег, накопленных за годы работы в экспедиторском бизнесе, но у них была мечта. Они надеялись, что однажды в заснеженных холмах Северной Каролины их сын потеряет девственность в объятиях черлидера в женском туалете «Вафельной», что неподалеку от автомагистрали. Они стольким пожертвовали ради осуществления этой мечты! И поэтому мы обязаны продолжить свой путь вопреки всем невзгодам и препонам! Не

ради меня и уж точно не ради несчастной девчонки, которой суждено сыграть эту роль, но ради моих родителей, да и ради всех иммигрантов, присоединившихся к этой великой нации в надежде, что у их детей будет то, чего не могло быть у них самих: секс с черлидером!

Герцог захлопала. Я засмеялся и кивнул Джею. Хотя чем больше я об этом думал, тем глупее мне казалась затея тащиться к девчонкам, которых я даже не знаю и которые тут все равно лишь на одну ночь. В целом я не против интима с черлидерами, некоторый опыт у меня в этой сфере имелся, и хотя это было прикольно, но пробираться ради такого через сугробы не стоило. Но в сложившейся ситуации мне просто больше нечего было терять. Разве только жизнь, но я рассчитал, что сохранить ее удастся надежнее, если пройти пять километров до «Вафельной» вместо пятнадцати километров до дома. Я залез в машину, достал оттуда одеяла, проверил, чтобы все двери были как следует закрыты. Положив руку на бампер, я пообещал:

— Карла, мы за тобой вернемся.

— Обязательно, — нежно добавила Герцог. — Мы павших в бою не бросаем.

Мы прошли всего триста метров после поворота, когда я услышал, что сзади едет машина.

Близнецы.

(глава восьмая)

У близнецов был старенький мощный вишнево-красный «форд-мустанг» с низкой посадкой — не самая подходящая машина для неблагоприятных погодных условий. Так что я не сомневался, что они тоже не впишутся в поворот и, вероятно, поцелуют Карлу в зад. Но когда двигатель заревел, Герцог все равно столкнула нас с Джем на обочину.

С ревом близнецы выехали из-за угла, «мустанга» тоже совсем занесло снегом, но каким-то образом ему удалось удержаться на дороге, при этом крошка Томми Рестон отчаянно крутил руль в разные стороны. В общем, этот маленький гаденыш оказался просто каким-то виртуозом по части езды по снегу.

Разница близнецов в весе была настолько велика, что «мустанг» накренился налево, на ту сторону, где каким-то чудесным образом разместилось гигантское тело Тимми Рестона. Видно было, что он улыбается — на его огромных щеках появились ямочки глубиной сантиметра три. Томми резко затормозил метрах в десяти от нас, опустил окно и высунул голову.

— Какие-то проблемы с тачкой? — поинтересовался он.

Я двинулся в его сторону:

— Ага, въехали в сугроб. Рад вас видеть. Вы нас не подвезете, хотя бы до центра?

— Конечно садитесь. — Томми посмотрел мне за спину и напевным голоском продолжил: — Энджи, привет. — Это настоящее имя Герцог.

— Привет, — ответила она.

Я повернулся к своим друзьям и начал махать им, подзывая. Я сам уже почти подошел к машине близнецов, держась со стороны Томми, поскольку думал, что втиснуться за спиной Тимми будет невозможно.

— Знаете что? — сказал Томми, когда я был у капота. — У нас тут хватит места на двух неудачников. — После чего закричал громче, чтобы Джей с Герцогом тоже его услышали: — Но вот два неудачника и шлюха тут не поместятся. — Он надавил на газ, колеса закрутились, но машина не тронулась.

Я бросился открывать дверцу, но тут «мустанг» сорвался с места. Я не смог устоять на ногах и упал в сугроб, да еще и от промчавшейся машины навалило снега на лицо и за шиворот. Отплевываясь, я смотрел, как «мустанг» приближается к Джею с Герцогом...

Мои друзья стояли у обочины, Герцог при этом показывала им средний палец на обеих руках. Когда они подъезжали, Джей чуть вышел на дорогу и занес ногу, а потом ударил по заднему крылу. Не сильно, скорее как-то по-девчачьи. Я даже не слышал удара. Но при этом неустойчивое равновесие машины поколебалось, и «мустанг» сразу же занесло набок. Томми, кажется, попытался увеличить обороты и проскочить, но не получилось. Тачка съехала с дороги в сугроб так, что остались видны лишь задние фары.

Я с трудом поднялся на ноги и побежал к Джей с Герцогом.

— Ни фиги себе! — сказал Джей, осматривая собственную ногу. — Ну я, мать твою, силен!

Герцог целенаправленно потопала к «мустангу».

— Надо их откопать, — сказала она, — они ж там помрут.

— К черту, — ответил я. — После того, как они сейчас себя повели? Да они тебя шлюхой назвали!

У Герцог щеки уже давно были красные от мороза, но я все равно заметил, как на них проступил румянец. Мне это слово вообще не нравилось, а уж когда так называли Герцого, я особенно злился, поскольку, хоть это и было смешно и совершенная неправда, она все равно смущалась, и знала, что мы знаем, что она смутилась, и... да не важно. Меня это просто бесило. Но я обычно предпочитал молчать.

Но Герцог тут же принялась отшучиваться:

— О, да! — Она даже закатила глаза. — Томми Рестон назвал меня шлюхой. *Буа-га-га*. Оскорбил всех женщин в моем лице. Не важно. Я вообще-то рада, что хоть кто-то допускает вероятность того, что я не бесполое существо!

Я недоуменно посмотрел на Герцого, но пошел вместе с ней к «мустангу».

— Ничего личного, но я предпочту считать бесполом *любое* существо, которое заинтересовалось Билли Талосом, — наконец сказал я.

Герцог остановилась и посмотрела на меня. И сказала очень серьезно:

— Ты заткнешься уже? Оставь эту тему. Он мне и не нравится-то.

Я не понял, почему среди всего бардака ее именно *это* расстроило — мы же друг друга постоянно подкалывали.

— Ну в чем дело? — спросил я, начав обороняться.

— Боже, просто забудь. Лучше помоги мне спасти этих дремучих женоненавистников.

И не сомневаюсь, что именно этим мы бы и занялись. Если бы потребовалось, мы бы часами рыли к ним тоннель. Но оказалось, что мы не

нужны, поскольку Тимми, самый сильный человек на свете, успешно открыл дверцу, сдвинув с места тонну снега. Когда он встал на ноги, над сугробом виднелись лишь его голова и плечи.

— Убью! — заорал он.

Я не совсем понял, кого он имел в виду — одного Джея, который уже бросился удирать, либо всех нас, включая меня. Но на всякий случай и я побежал, потащив за собой Герцога. Потом я пропустил ее вперед, потому что не хотел, чтобы она поскользнулась и упала или что-нибудь вроде того, а я и не заметил. Я повернулся посмотреть на близнецов и увидел голову и плечи Тимми, плывущие над сугробом. В том месте, где первым вылез Тимми, теперь появилась и башка Томми, который кричал что-то громко, но неразборчиво; слова в этом шквале сливались друг с другом, и я понял лишь одно — он в ярости. Мы миновали близнецов раньше, чем они выбрались из сугроба, и не остановились.

— Давай, Герцог, — сказал я.

— Я... стараюсь, — ответила она, пыхтя.

За спиной послышались крики, и, обернувшись, я увидел, что близнецы уже выбрались из сугроба со все нарастающей скоростью. Бежать мы могли только по дороге, никуда не сворачивая, потому что по обе стороны тянулись огромные сугробы. Но долго мы протянуть не могли, близнецы вскоре бы нас обязательно поймали и вынудили сожрать собственные почки.

Я слышал, что иногда, в ситуации сильного стресса, на короткое время может произойти такой выброс адреналина, что человек становится сверхъестественно сильным. Наверное, благодаря этому мне и удалось схватить Герцога, взвалить ее себе на плечо и понестись по скользкому насту подобно спринтеру на Олимпиаде.

Я тащил Герцога несколько минут, прежде чем начал уставать. Я бежал, не оглядываясь, да и не нужно было — Герцог смотрела назад за меня:

— Давай не останавливайся, ты бежишь быстрее, чем они, да-да-да.

И хотя говорила она со мной точно так же, как с Карлой, когда мы карабкались на холм, я значения этому не придавал, потому что это работало. Ноги продолжали бежать, руки обхватывали ее талию и поясницу, и мы долетели до небольшого мостика через двухполосную дорогу.

Я увидел, что Джей лежит с краю моста на брюхе, и подумал, что он упал. Я сбавил скорость, чтобы ему помочь, но он заорал:

— Нет-нет, беги, беги!

И я повиновался. Герцог всем весом давила на плечо, так что мне стало трудно дышать.

— Слушай, можно я тебя поставлю? — спросил я.

— Да, у меня уже все равно голова кружится.

Я остановился и опустил ее:

— Давай вперед.

Она побежала, а я согнулся, уперев руки в коленки и глядя на Джея, который мчался ко мне. Вдалеке виднелись близнецы, ну, Тимми, по крайней мере; и я предположил, что Томми скрывается за необъятной спиной брата. Я уже понял, что ситуация безнадежная — теперь они нас непременно поймают, — но считал, что побороться все равно следует. Я сделал несколько коротких вдохов и, когда Джей со мной поравнялся, побежал дальше, но он схватил меня за куртку:

— Нет, посмотри.

Мы встали на дороге, легкие просто жгло от влажного воздуха, а на нас несся Томми с хмурым выражением лица. И вдруг, совершенно ни с того ни с сего, Томми рухнул лицом на дорогу, как будто ему выстрелили в спину. Он даже руки не успел вытянуть, чтобы подстраховаться. Тимми налетел на него и тоже растянулся на снегу.

— Ты чё, блин, сделал? — спросил я Джея, когда мы рванули вслед за Герцогом.

— Когда вы пробежали, я натянул между перилами всю свою зубную нить, — объяснил он.

— Круто, — признал я.

— Десны не сказали мне спасибо, — буркнул Джей.

Мы мчались не останавливаясь, хотя пыхтения близнецов я больше не слышал, а бросив взгляд через плечо, увидел лишь так и не прекратившийся снегопад.

Герцога мы нагнали уже среди кирпичных домов в центре города и, наконец, свернули с Санрайз-роуд на свежерасчищенную главную улицу. И все равно мы продолжали бежать, хотя я уже ног под собой не чувствовал — и от холода, и от усталости. Близнецов по-прежнему слышно не было, но страх не прошел. Оставалось всего полтора километра. Бегом доберемся минут за двадцать.

— Позвони Кеуну, узнай, может, эти парни из колледжа нас уже сделали, — сказала Герцог.

Не сбавляя хода, я достал из кармана джинсов телефон. После первого же звонка ответили, но не Кеун.

— Кеун там?

— Это Тобин? — Я уже узнал голос: трубку взял Билли Талос.

— Да, привет, Билли.

— А Энджи с тобой?

— Ага.

— Вы уже близко?

Я предпочел ответить расплывчато, поскольку не был уверен, что он не использует мой ответ против меня и в пользу своих друзей.

— Достаточно близко, — сказал я.

— А вот и Кеун, — объявил Билли, и тут же прогремел голос моего друга:

— Ну что? Вы где? Чувак, кажется, Билли влюбился. Вот сейчас он сидит рядом с Мэдисон. С одной из них. Мэдисон тут несколько. О, этот мир полон магических Мэдисон!

Я бросил взгляд на Герцога, пытаюсь понять, слышала ли она что-нибудь из сказанного мне, но она бежала, глядя строго вперед. Я сначала подумал, что Билли спросил о ней, потому что хотел ее увидеть, а оказывается, только для того, чтобы она не застучала его с другой. Отстойно.

— ТОБИН! — крикнул Кеун мне в ухо.

— Да, что?

— Ну, это ты мне позвонил, — напомнил он.

— А, да. Мы недолго. На углу главной и третьей. Будем через полчаса.

— Отлично, думаю, что вы придете первыми. Пацаны из колледжа, кажется, застряли где-то на обочине.

— О, супер! Позвоню, когда будем совсем рядом.

— Отлично. Вы же с «Твистером», да?

Я посмотрел на Джея, потом на Герцога и прикрыл пальцем микрофон:

— «Твистер» у нас?

Джей остановился. Герцог тоже.

— Черт, в Карле остался, — вздохнул Джей.

Я убрал палец с микрофона:

— Извини, Кеун, но мы оставили его в тачке.

— Нехорошо. — В его голосе прозвучал намек на угрозу.

— Понимаю, паршиво. Прости.

— Я перезвоню, — сказал он и повесил трубку.

Дальше мы бежать не стали, и вскоре Кеун перезвонил:

— Слушай, мы тут проголосовали, и, к сожалению, вам придется вернуться за игрой. Большинство за то, чтобы без «Твистера» никого не

пускать.

— Что? Кто проголосовал?

— Билли, Митчелл и я.

— Ну ладно, Кеун, хватит. Лоббируй их или типа того! До Карлы идти двадцать минут по ветру, к тому же там где-то Рестоны. Заставь кого-нибудь изменить свое мнение!

— К сожалению, исход голосования был три-ноль.

— Что? Кеун? Ты *против нас* голосовал?

— Я не рассматриваю это как то, что я голосовал против вас, — объяснил он. — Я голосовал за «Твистер».

— Ты шутишь, — запаниковал я.

Герцог с Джеем Кеуна не слышали, но я видел, что они занервничали.

— Насчет «Твистера» не шучу, — ответил Кеун. — Но вы все еще можете быть первыми! Поторопитесь!

Я захлопнул телефон и снова натянул шапку на лицо.

— Он говорит, что без «Твистера» нас не пустят, — пробормотал я.

Стоя под навесом кафе я стучал ногами, пытаюсь стряхнуть снег с заледеневших «пум». Джей ходил по улице из стороны в сторону, не на шутку разволновавшись. Какое-то время мы все молчали. Я посматривал на дорогу, не покажутся ли Рестоны, но близнецов не было видно.

— Мы пойдем в «Вафельную», — объявил Джей.

— Ага, — ответил я.

— Пойдем, — настаивал он. — Вернемся другой дорогой, чтобы на Рестонов не наткнуться, возьмем «Твистер» — и в «Вафельную». Если поторопимся, за час успеем.

Я повернулся к Герцогу, она стояла рядом со мной под навесом. Сейчас скажет Джею, что надо бросить эту затею, набрать 911 и узнать, нет ли кого рядом, кто мог бы нас подобрать.

— Я хочу хашбраунов, — сказала она. — С лучком и сыром. Горкой и поштучно.

— Билли Талоса ты хочешь, — ответил я.

Герцог двинула мне локтем в бок:

— Боже, я ж просила заткнуться. И нет. Я хочу хашбраунов. И все. Я голодная, и это такой голод, что дело поправят только они, так что мы возвращаемся за «Твистером». — И она пошла, а Джей за ней.

Я постоял еще пару секунд, но в итоге решил, что быть в плохом настроении с друзьями лучше, чем быть в плохом настроении без них.

Когда я их нагнал, все мы натянули капюшоны, закрываясь от ветра, и

пошли по улице, параллельной Санрайз-роуд. Чтобы слышать друг друга, нам приходилось орать.

— Рада, что ты с нами, — прокричала Герцог.

— Спасибо, — ответил я.

— Честно говоря, без тебя бы хашбрауны были совсем не то.

— «Хашбрауны без тебя совсем не то» — хорошее название для группы, — со смехом отметил я.

— Или для песни, — сказала Герцог и запела в стиле глэм-рок, поднеся к лицу перчатку с воображаемым микрофоном; она горланила а-капелла свою рок-балладу. — Когда ты чувствуешь любовь, / Всегда хашбрауны готовь. / И на двоих накрой ты стол, / Ведь без тебя-уа-уа ХАШБРАУНЫ ВАЩЕ САВСЕМ НЕ ТО-УО.

(глава девятая)

Герцог с Джем шли быстро — не бежали, но шагали довольно бодро. А у меня замерзли ноги, я устал, когда тащил Герцога, так что стал немного отставать. Поскольку ветер дул в лицо, я слышал, о чем говорят они, а вот они меня — нет.

Герцог (в который раз) сказала, что черлидеры — не спортсмены, а Джей показал на нее пальцем и строго встряхнул головой:

— Больше ни одного плохого слова о черлидерах. Если бы не они, откуда бы мы узнали, как мы счастливы на спортивных матчах? Если бы не они, разве стали бы самые красивые американки делать упражнения, столь полезные для их здоровья?

Я постарался своих друзей нагнать, чтобы тоже вставить слово.

— К тому же, если бы не черлидеры, индустрия синтетических мини-юбок зачахла бы, — сказал я. За беседой идти было проще, и ветер не так кусался.

— Вот именно, — согласился Джей, вытерев нос рукавом отцовского комбинезона. — Я уж не говорю про производителей помпонов. Ты хоть представляешь себе, сколько людей во всем мире заняты изготовлением, распространением и сбытом помпонов?

— Двадцать? — предположила Герцог.

— Тысячи! — ответил Джей. — В мире должны быть миллионы помпонов, точнее, они должны быть у миллионов черлидеров! И если я неправ, когда говорю, что миллионы черлидеров должны водить миллионами помпонов по моей обнаженной груди, то я и не хочу быть

прав, Герцог. Я не хочу быть прав.

— Ты такой клоун, — сказала она. — И такой гений.

Я снова стал отставать, но старался держаться, не особенно клоун и не особенно гений. Я всегда радовался, когда Джей умничал и когда Герцог ему подыгрывала. За четверть часа, минуя Санрайз-роуд (чтобы не столкнуться с близнецами), мы вернулись к Карле. Я забрался в машину через багажник и взял «Твистер», после чего мы перелезли в чей-то двор через проволочное ограждение и направились напрямик на запад, в сторону автомагистрали, решив, что близнецы пошли по той дороге, по которой поначалу направлялись мы. Тот маршрут был быстрее, но поскольку ни у Тимми, ни у Томми «Твистера» мы не видели, мы решили, что и не страшно будет, если мы придем позже.

Мы довольно долго шли молча мимо темных деревянных каркасных домов, я при этом держал коробку с «Твистером» над головой, чтобы хоть как-то защитить лицо от снега. На одной стороне улицы его нанесло до самых дверных ручек, и я подумал о том, как сильно снег все меняет. Я всю свою жизнь прожил в этом районе. По этому кварталу ходил и ездил тысячи раз. Я вспомнил, как несколько лет назад здесь погибли все деревья от какой-то болезни. Через ажурные заборы простирался весь квартал до главной улицы, его я знал еще лучше: каждую рассчитанную на туристов галерею, торгующую произведениями местных ремесленников, каждый спортивный магазин, предлагающий большой ассортимент обуви для треккинга, от которой я бы сейчас не отказался.

Но теперь все это — совершенно все! — стало абсолютно другим, под покровом снега город выглядел почти угрожающе чистым. Подо мной не было ни дороги, ни тротуара, пожарные гидранты тоже исчезли. Улицы словно завернули в белоснежную бумагу, как подарок. Все изменилось не только на вид; запах тоже стал другим — бодрящий аромат холодного воздуха смешивался с кисловатым запахом влажного снега. Да еще и зловещая тишина, царящая вокруг и нарушаемая лишь поскрипыванием обуви. Джей с Герцогом шли примерно на метр впереди меня, и я, затерявшись в этом выбеленном мире, их уже не слышал.

Я мог бы даже поверить в то, что мы остались единственными неспящими людьми во всей Северной Каролине, если бы не увидел светящиеся витрины продуктового магазина «Герцог и Герцогиня», когда мы свернули на Мейпл-стрит.

Герцога все называли Герцогом потому, что в восьмом классе мы

однажды пришли в этот магазин, который отличался от остальных тем, что работники там должны обращаться к покупателям со словами не «сэр» и «мэм» и не «эй, ты», а «герцог» или «герцогиня».

Так вот, а у Герцога половое развитие слегонца припоздало, к тому же она всегда ходила в джинсах и бейсболках, особенно в средней школе. И произошло вполне предсказуемое: мы пришли в «Герцога и Герцогиню» за «Биг Лиг», или «Маунтин Дью: Коуд Ред», или чем там у нас было модно портить зубы в тот период, и, когда Герцог расплатилась за свою покупку, парень на кассе сказал ей: «Благодарю вас, Герцог».

Ну и к ней прилипло. Однажды, наверное в девятом классе, за обедом мы втроем — я, Джей и Кеун — предложили называть ее Энджи, но она это имя не любила. Так что мы и дальше звали ее Герцогом. Ей эта кличка подходила как нельзя лучше — она прирожденный лидер; и хотя теперь она уже не выглядела как мальчишка, все равно вела себя по большей части как один из нас.

Джей замедлил ход и оказался рядом со мной.

— Что? — спросил я.

— Слушай, ты в порядке? — поинтересовался он, взял у меня «Твистер» и сунул его себе под мышку.

— Да, а что?

— Да ты идешь как я не знаю что. Словно у тебя с ногами не все в порядке.

Я опустил взгляд и увидел, что я действительно двигаюсь как-то странно, широко расставив ноги, будто на шарнирах; колени у меня едва гнулись. В общем, я выглядел как ковбой после продолжительной гонки на коне.

— Ой! — воскликнул я, наблюдая за своей странной походкой. — Гм... Наверное, ноги очень замерзли.

— СРОЧНАЯ ОСТАНОВКА! — завопил Джей. — Кажется, у нас тут обмороженный!

Я покачал головой: нет, все было нормально, — но когда Герцог развернулась и увидела меня, она сразу же сказала:

— В «Г и Г»!

Герцог и Джей побежали, а я поковылял. Ребята меня здорово обогнали, и когда я добрался до магазина, Герцог была уже у прилавка с комплектом из четырех пар белых хлопковых носков.

Мы оказались не единственными посетителями. Усаживаясь в крохотном кафе магазина, я бросил взгляд на дальний столик, за которым с чашкой дымящегося чая сидел Аллюминиевый.

(глава десятая)

— Здрасьте, — сказал ему Джей, пока я снимал мокрые кроссовки.

Алюминиевого описать непросто, это седой, но в целом нормальный пожилой мужик, за исключением того, что он никогда, ни при каких обстоятельствах, не выходит из дому, не обернув предварительно все свое тело с головы до ног алюминиевой фольгой.

Я стянул свои почти обледеневшие носки, ноги были почти синего цвета. Джей подал мне салфетку, чтобы я мог растереть их.

— А у вашей троицы хорошая ночька выдалась? — Алюминиевый всегда разговаривал так, будто жизнь — это фильм ужасов, а он — маньяк с ножом. Но никто его не боялся. Спросил он про всех нас, но смотрел только на меня.

— Да вот как-то так, — ответил я, — у машины колесо отвалилось, а я ног не чувствую.

— Ты таким одиноким там выглядел, — продолжил Алюминиевый, — как легендарный герой, борющийся со стихиями.

— Ага. А у вас как дела? — спросил я из вежливости. «Зачем?» — ругал себя я. Ох уж эти клятые южные манеры.

— Я вот питательную вермишельку ем. Люблю хорошо покушать. А потом, наверное, пойду еще прогуляюсь.

— А не мерзнете? В фольге-то? — Я все никак не мог остановиться.

— В какой фольге? — удивился Алюминиевый.

— Ладно, не важно. — Герцог подала мне носки.

Я надел одну пару, потом вторую, потом третью. Четвертую я приберег на случай, если потом понадобится. В кроссовки я еле влез, но все же, встав, ощутил себя другим человеком.

— Рад был пообщаться, как всегда, — сказал мне Алюминиевый.

— Ага, — согласился я. — С Рождеством!

— Пусть свиньи судьбы успешно донесут вас до дому, — ответил он. — Да-да!

Я очень посочувствовал девушке за прилавком — ей так не повезло с клиентом. Когда я выходил, она меня окликнула:

— Герцог?

Я повернулся:

— Да?

— Я услышала про машину, — сказала девушка. — Сочувствую.

— Ага, — согласился я, — хренотень.

— Мы можем ее оттащить, — продолжила она. — У нас свой грузовик.

— Правда?

— Да. Есть что-нибудь, чтобы номер записать?

Я порылся в карманах куртки и извлек чек. Она записала свой номер и имя, Рейчел, почерком с огромными петельками.

— Ух ты, Рейчел, спасибо.

— Не за что. Пятьсот баксов плюс пять за каждую милю — с учетом погоды, праздников и всякого такого.

Я скривился, но кивнул. Вытащить тачку задорого лучше, чем не вытащить вообще.

Как только мы вышли на улицу — я заново ощущал свои пальцы и очень радовался тому, что они у меня есть, — ко мне подкатил Джей:

— По правде сказать, тот факт, что Алюминиевому уже лет сорок и он все еще не скопытился, внушает мне надежду на то, что меня ждет довольно успешная взрослая жизнь.

— Ага.

Впереди шла Герцог и жевала «Читос».

— Дружище, — улыбнулся Джей, — ты что, на задницу Герцога смотришь?

— Что? Нет. — И, только соврав, я осознал, что действительно смотрел на ее спину, хотя не сказать, что конкретно на задницу.

Герцог развернулась:

— Вы о чем там разговариваете?

— О твоей заднице! — закричал Джей против ветра.

Она расхохоталась:

— Я знаю, Джей, она снится тебе по ночам.

Герцог замедлила ход, и мы поравнялись.

— Вот если честно, — начал Джей, обнимая ее, — надеюсь, что не задену тебя своими словами, если ты когда-нибудь явишься мне в эротическом сне, мне придется отыскать свое подсознание и вырезать его, а потом забить палкой до смерти.

Герцог отреагировала с характерным для нее высокомерием:

— Это меня нисколько не оскорбляет. И если ты сам этого не сделаешь, мне придется тебе помочь.

Затем она повернулась ко мне и пристально посмотрела.

Мне показалось, что она хочет проверить, засмеялся ли я, — да, я тихонечко хихикал.

Мы шли мимо губернаторского парка, в котором была разбита самая большая спортивная площадка в городе, и вдруг вдалеке послышался рев

мощного двигателя. На миг я испугался, что это машина близнецов, но, когда обернулся, увидел мигалки на крыше.

— Копы, — быстро сказал я и бросился в парк.

Джей с Герцогом тоже поспешили убратся с дороги. Мы присели, прячась за сугробом, а машина медленно проехала мимо, освещая прожектором парк.

И только когда полицейские скрылись, до меня дошло.

— А они же могли нас подвезти, — вздохнул я.

— Ага, в *тюрьму*, — согласился Джей.

— Мы же закон не нарушаем, — возразил я.

Джей задумался. Когда оказываешься на улице в полтретьего в ночь на Рождество, *складывается ощущение*, будто ты делаешь что-то не то, но это не значит, что это *противозаконно*.

— Не будь козлом, — сказал Джей.

И он был прав. Так что я совершил самый некозлиный поступок, который пришел мне в голову: сделал несколько шагов по снегу, доходившему мне до колен, в сторону парка, а там упал на спину, раскинув руки, — я знал, что меня ждет мягкая снежная подушка. Полежав какое-то время, я принялся делать снежного ангела. Герцог нырнула в снег животом.

— Будет снежный ангел с сиськами, — сказала она.

Джей разбежался, тоже прыгнул в снег и растянулся на боку, прижимая к груди «Твистер». Потом встал осторожненько рядом с отпечатком своего тела и объявил:

— Это контур тела на месте преступления!

— Что с погибшим случилось? — поинтересовался я.

— Кто-то пытался отобрать у него «Твистер», и он погиб, героически его защищая, — объяснил Джей.

Я отбежал от своего ангела и сделал еще одного, только в этот раз с помощью перчаток приделал ему рожки.

— Снежный дьявол! — радостно закричала Герцог.

Снега вокруг было столько, что я чувствовал себя как ребенок на надувном батуте — падаешь, и не больно. Совсем не больно. На меня налетела Герцог; опустив голову и плечо, она толкнула меня в грудь. Мы вместе рухнули на землю, по инерции покатались по снегу, я оказался сверху, лицом к лицу, и наше дыхание на морозе перемешалось. Ощувив под собой тело Герцог и заметив ее улыбку, я почувствовал, что у меня что-то как будто оборвалось в животе. Был момент, когда я мог слезть с Герцог, но я не сделал этого, затем она сама меня оттолкнула, поднялась и

принялась стряхивать на меня снег, потому что я все еще валялся на земле.

Затем мы все поднялись, дотопали до дороги и возобновили свой путь. Я промок и замерз еще больше, чем раньше, но до магистрали оставалось всего километра полтора, а оттуда до «Вафельной» мы вообще быстро добежим.

По пути Герцог говорила мне о том, как важно не обморозиться, а я — о том, что готов на все, лишь бы она встретилась со своим грязноволосым парнем. Она пнула меня ногой, а Джей назвал нас обоих паразитами. Через какое-то время, когда дорога снова стала утопать в снегу, я пошел по свежему следу машины, уверенный, что тут проезжали копы. Джей шагал по одной колее, я — по другой, а Герцог держалась на несколько шагов впереди.

— Тобин, — сказал он ни с того ни с сего.

Я повернулся, друг шел ко мне через снег.

— Не сказать, чтобы меня это восхищало, — начал он, — но мне кажется, что тебе нравится Герцог.

(глава одиннадцатая)

Герцог шагала впереди в невысоких сапогах, натянув капюшон и опустив голову. Есть что-то необыкновенное в девчачьей походке, особенно если они не в модных туфлях, а в кедах или в чем-нибудь таком. И я злился на самого себя за то, что думаю об этом. В том смысле, что мои двоюродные сестры, наверное, так же ходят, все дело в том, что иногда ты на это обращаешь внимание, а иногда — нет. Если видишь черлидера Бриттани, то обращаешь. А если перед тобой Герцог — то нет. Ну, как правило.

Я так долго думал о Герцог, ее походке и мокрых вьющихся волосах, о том, что куртка у нее такая толстая, что руки как будто немножко отстают от тела, и тому подобном, что Джею я ответил не сразу. Но наконец сказал:

— Не будь таким мерзотным.

— Что-то ты слишком долго эту остроту выдумывал.

— Нет, — снова после паузы ответил я. — Герцог мне не нравится. Если бы это было так, я бы тебе сказал. Но это же все равно что на собственную сестру засть.

— К слову об этом, у меня вообще-то очень сексапильная кузина.

— Фу!

— Герцог, — крикнул Джей, — ты мне на днях что-то рассказывала о

сексе с братьями? Ничего, говоришь, страшного?

Герцог повернулась к нам лицом и пошла дальше, ветер дул ей в спину, снег ее облетал и несясь в нашу сторону.

— Нет, не совсем. Риск уродцев среди детей слегка повышается. Но я в книжке по истории вычитала, что с вероятностью 99,9999 процента хотя бы один из твоих прапрапрадедов женился на своей двоюродной сестре.

— То есть, иными словами, ничего страшного не будет, если переспать с кузиной.

Герцог остановилась, а потом развернулась и пошла рядом с нами. Она громко вздохнула:

— Нет, я не так сказала. А вообще, я устала уже обсуждать половые отношения с родственниками и сексуальность черлидеров.

— А о чем же еще разговаривать? О погоде? Кажется, снег на улице, — констатировал Джей.

— Честно говоря, да, лучше о погоде.

— Знаешь, Герцог, — сказал я, — мальчики-черлидеры тоже существуют. Можешь с ними замутить.

Герцог замолчала, а потом вдруг психанула и заорала на меня, аж лицо искривилось:

— Знаешь что? Это сексизм. Ясно? Мне, конечно, противно защищать женскую честь... или как там это назвать, но вы же всю ночь только и говорите о том, чтобы трахнуть кого-нибудь, о соблазнительности помпонов и мини-юбок... и что там еще было? Это сексизм, понятно? Девочки в сладострастных мини из ваших эротических грез — сексизм! Даже сама *мысль* о том, что они только и мечтают с вами переспать, — сексизм! Я понимаю, конечно, что вас просто распирает от нереализованной потребности потереться о девичью плоть, но не могли бы вы хоть при мне так эту тему не мусолить?!

Я смотрел на снег. Меня словно застукали, когда я списывал на экзамене. Мне бы сказать, что я уже и идти в «Вафельную» не хочу, но я тупо смолк. Мы так и шли дальше, выстроившись в ряд. Ветер продолжал дуть в спину, я опустил голову и позволил ему толкать меня по направлению к «Вафельной».

— Извини, — сказала Герцог Джею.

— Не, мы виноваты, — ответил он не поворачиваясь. — Я как гад себя вел. Нам бы... не знаю, иногда просто забываешь об этом.

— Да, наверное, мне почаше надо сиськи выпячивать, — крикнула Герцог погромче, словно чтобы и я услышал.

Риск есть всегда: все идет так хорошо и хорошо, а потом становится

неловко. Все сразу: она замечает, что ты на нее смотришь, и больше не желает с тобой шутить, чтобы ты не подумал, будто она флиртует, потому что не хочет, чтобы ты вообразил, будто ей нравишься. Это просто катастрофа, когда кто-то начинает подтачивать стену, разделяющую дружбу и поцелуи. И когда такая стена рушится, у истории может быть счастливая середина — ой, посмотрите-ка, стена рухнула, я увидел в тебе девчонку, а ты во мне — парня, и теперь мы поиграем в веселую игру под названием «А можно я положу вот сюда руку, а сюда, а сюда?». И иногда все это так здорово, что кажется, продлится вечно. Но середина — это не конец. Например, так было с Бриттани, бог свидетель. А мы с ней даже особенно и не дружили сначала. Уж точно не как с Герцогом. Герцог была моим самым лучшим другом — я был уверен в этом. Ну, кого бы я взял с собой на необитаемый остров? Герцога. Какой диск я взял бы с собой? Сборник «Земля такая синяя, словно апельсин», который она подарила мне на прошлое Рождество. Моя самая любимая толстая книга — «Книжный вор», которую мне порекомендовала Герцог. И я не хочу внести разлад в нашу крепкую дружбу.

Но опять же (это одна из моих основных претензий к человеческому мышлению), если мысль появилась, отказаться от нее ужасно трудно. А *эта* мысль уже родилась в моей голове. Мы пожаловались на холод. Герцог постоянно шмыгала носом, потому что платков у нас не было, а сморкаться на землю ей не хотелось. Джей согласился не поднимать больше тему черлидеров и переключился на хашбрауны.

Но под ними он подразумевал именно черлидеров, что было весьма очевидно, потому что говорил он что-нибудь вроде: «Что мне больше всего нравится в хашбраунах из „Вафельной“, так это то, что они носят очаровательнейшие короткие юбочки», «Хашбрауны всегда в отличном настроении. И это заразительно. Я, даже когда просто вижу хашбрауны, становлюсь радостнее».

Когда Джей болтал об этом, Герцог не особенно-то бесилась, смеялась и говорила в ответ тоже что-нибудь о хашбраунах, только настоящих:

— Тепленькие, хрустящие, золотистые. Закажу четыре большие порции. И еще тост с изюмом. Боже, как я его обожаю. Вот это будет углеводный экстаз.

Я уже видел возвышающуюся вдалеке автомагистраль, по краям моста лежали высокие сугробы. До «Вафельной» оставалось метров восемьсот, но это была уже финишная прямая. Я мечтал о сырных вафлях, хитрой улыбочке Кеуна и девчонках, благодаря которым отделаться от нежелательных мыслей будет проще.

Мы шли и шли, и вдруг сквозь плотную снежную пелену я заметил свет. Поначалу это была даже не вывеска, а ее сверкание. Но наконец показалась и она сама — огромные буквы сверкали над крошечной «Вафельной», куда более величественные, чем само заведение. Черные буквы в желтых клетках обещали тепло и еду: «Вафельная».

Рухнув посреди дороги на колени, я заорал:

— Нам суждено найти спасение не во дворце и не в богатом доме, а в «Вафельной»!

Герцог рассмеялась, схватила меня под мышки и принялась поднимать на ноги. Заледеневшая шапка съехала ей на лоб. Я во все глаза смотрел на нее, она на меня, и мы никуда не пошли. Мы остались стоять на месте, а глаза у Герцога были такие *интересные*. Не в обычном смысле, не яркосиние, обрамленные неприлично длинными ресницами или типа того. Заинтересовала меня неопределенность их цвета — сама Герцог всегда сравнивала свои глаза с дном помойного ведра, в них было намешано и зеленого, и коричневого, и желтого. Но она себя недооценивала. Всегда и во всем.

Боже! Вот от этой мысли уже никак не отделаться.

Возможно, я таращился бы на Герцог целую вечность, и она бы тоже так странно смотрела на меня, но я услышал рев мотора вдалеке и увидел красный «форд-мустанг», вывернувший из-за угла на солидной скорости. Я схватил Герцога за руку, и мы рванули к сугробу. Я посмотрел на дорогу — Джей уже довольно далеко ушел вперед.

— Джей! — закричал я. — БЛИЗНЕЦЫ!

(глава двенадцатая)

Джей резко развернулся и посмотрел на нас, сидящих рядом в снегу. Затем на машину. На миг он замер. А потом повернулся и побежал, энергично перебирая ногами, только пятки сверкали. Он хотел прорваться в «Вафельную». «Мустанг» с ревом промчался мимо нас с Герцогом. Крошка Томми Рестон высунулся из окна, помахал «Твистером» и объявил:

— Вас мы чуть позже убьем.

Казалось, что пока близнецы удовольствуются убийством Джея — они на всех парах гнали к нему, — и я прокричал:

— Беги, Джей! Беги!

Из-за рева «мустанга» он наверняка меня не слышал, но я все равно орал, это был последний отчаянный вопль в спину стихии. После этого мы с Герцогом лишь играли роль свидетелей.

Джея мы видели все хуже, бежал он очень быстро, но у него все равно не было шансов опередить «форд-мустанг» с таким гениальным водителем.

— А мне так хотелось хашбраунов, — мрачно сказала Герцог.

— Да, — согласился я.

«Мустанг» уже поравнялся с Джеем, но он отказывался останавливаться или уходить с дороги. «Мустанг» забибикал, потом включил фонари, но Джей бежал. И тут я разгадал его стратегию: он понял, что дорога из-за сугробов недостаточно широка, чтобы «Мустанг» его объехал, и поставил на то, что близнецы не станут его давить. Мне показалось, что он слишком уж высоко оценил благодушие братьев, но, по крайней мере, пока это работало. «Мустанг» отчаянно, но тщетно сигналил, а Джей бежал перед ним.

В это время на мосту показались две крупные мужские фигуры, они тихонько двигались в направлении съезда с него с очень тяжелой на вид бочкой. Пиво. Чуваки из колледжа. Я показал на них Герцог, она посмотрела на меня широко распахнутыми глазами.

— Можно срезать! — крикнула Герцог и рванула в сторону автомагистрали, вихрем прорвавшись через сугроб.

Впервые на моей памяти Герцог бежала так быстро, и уж не знаю, о чем она при этом думала, но о чем-то же думала, так что я бросился вслед за ней. Мы взлетели на насыпь, тянущуюся вдоль магистрали, сделать это благодаря плотному насту оказалось легко. Перепрыгивая через

ограждение, я увидел с другой стороны дороги Джея, он все еще бежал. А вот «мустанг» остановился, и Томми с Тимми уже неслись вслед за ним.

Мы же с Герцогом бежали к пацанам из колледжа. Один из них наконец посмотрел на нас:

— Привет, вы... — Но он даже не закончил.

Мы пролетели мимо них, и Герцог закричала:

— Доставай игровое полотно! Доставай!

Я открыл коробку с «Твистером» и бросил ее на трассу. Потом взял стрелку в зубы, а игровое полотно — в руки, поняв наконец, что задумала Герцог. Конечно, может быть, близнецы окажутся быстрее. Но план Герцога был настолько гениальным, что у нас все равно оставался шанс.

Добежав до съезда с моста, который шел под гору, я бросил полотно «Твистера» на дорогу. Герцог прыгнула на него прямо задницей, я — за ней, а руку со стрелкой отвел за спину.

— Дави правой рукой, и мы будем поворачивать вправо, — прокричала Герцог.

— Хорошо, — ответил я.

Мы заскользили вниз, все быстрее и быстрее, на повороте я стал давить на снег правой рукой, и мы начали поворачивать, набирая скорость. Я увидел, как Джей повис на спине у Тимми, тщетно пытаясь остановить этого великана, шагавшего к «Вафельной».

— Мы сможем, — сказал я, хотя и сомневался в этом.

Затем сверху послышался гулкий грохот, я повернулся и увидел, что вслед за нами с приличной скоростью катится бочонок пива. Они пытались нас *убить*! Не очень спортивно!

— ПИВО! — закричал я, и Герцог резко повернула голову.

Бочонок пугающе скакал в нашу сторону. Я не представлял, сколько он весит, но судя по тому, с каким трудом ребята его ташили, наверное, достаточно, чтобы убить двух школьников, рождественским утром катящихся с горы на санках из «Твистера». Герцог так и смотрела в ту сторону, на приближающийся бочонок, но мне было слишком страшно.

— Сейчас давай поворачивай, поворачивай! — в какой-то момент закричала она.

Я надавил рукой на снег, а Герцог навалилась на меня, столкнув с игрового полотна. Мимо нас пронесся бочонок, он прокатился прямо по красному пунктиру игрового полотна, где незадолго до этого сидела Герцог, затем ударился об ограждение автомагистрали, перескочив через него. Что было потом, я не видел, но слышал: бочонок сильно вспенившегося пива налетел на что-то острое и взорвался, словно огромная

пивная бомба.

Грохот был такой, что Томми, Тимми и Джей замерли секунд на пять. А когда снова побежали, Томми поскользнулся и рухнул лицом вниз. Увидев, что брат упал, великан Тимми сменил тактику: вместо того чтобы гнаться за Джейм, он прорвался сквозь сугроб на обочине и бросился к «Вафельной». Джей, который бежал чуть впереди, сразу же сделал то же самое. Мы с Герцогом были уже рядом, в самом низу спуска, так что скорость стала падать, и оказались настолько близко к близнецам, что нам стало слышно, как они перекрикиваются друг с другом и Джейм. Окна «Вафельной» частично запотели, но я уже видел, что происходит внутри. Черлидеров в зеленых костюмах, в которых они обычно разминаются. Их задорные хвостики.

Но когда мы встали и я поднял игровое поле от «Твистера», я понял, что на самом деле мы еще далеко. Тимми неся к входной двери по обледеневшей дорожке, энергично размахивая руками, в его мясистых лапах коробка с «Твистером» казалась до комичного крошечной. Джей бежал чуть под другим углом, по щиколотку в снегу, выкладываясь на полную. Мы с Герцогом тоже старались как могли, но сильно отставали. Я еще надеялся на победу Джейа, но лишь до тех пор, пока Тимми не осталось всего несколько шагов до двери: тогда я осознал, что он будет первым. У меня душа ушла в пятки. Ведь Джей был так близко от цели. Его родители-иммигранты стольким пожертвовали ради него! Герцог останется без хашбраунов, а я — без сырных вафель.

Когда Тимми протянул руку к двери, Джей сделал внезапный рывок, подпрыгнул, вытянувшись всем телом, как баскетболист, пытающийся взять слишком высокий мяч, ударил плечом Тимми Рестона в грудь, и они оба упали в засыпанные снегом кусты. Джей выбрался первым и кинулся к двери, открыл ее и запер у себя за спиной. Мы с Герцогом были уже совсем рядом и услышали из-за стекла его ликующий крик. Джей вскинул над головой руки, потрясая кулаками, и этот его радостный крик длился несколько минут.

Джей с поднятыми руками смотрел во тьму на нас, к нему сзади подбежал Кеун в черном козырьке с эмблемой «Вафельной», бело-желтой полосатой футболке и коричневом фартуке. Он обхватил Джейа за живот и поднял, а тот все размахивал руками. Столпившись, за происходящим наблюдали черлидеры. Я посмотрел на Герцога, которая тоже смотрела на меня, а не на них, я рассмеялся, она — тоже.

Томми с Тимми какое-то время колотили в окна, но Кеун лишь развел

руками, типа: «Что я могу поделаться?», так что они вскоре двинулись обратно к машине. Когда мы с ними поравнялись, Тимми сделал в мою сторону угрожающий выпад, но этим все и ограничилось. Обернувшись, чтобы посмотреть вслед близнецам, я увидел, что парни из колледжа скользят по съезду с автомагистрали.

Наконец мы с Герцогом добрались до двери, я потянул ее на себя.

— Формально я не должен вас впускать, поскольку Рестонов обогнал только Джей, — сказал Кеун. — Но у вас «Твистер».

Мы протиснулись мимо него, мне в лицо хлынул поток теплого воздуха. До этого я даже не замечал, насколько окоченел, но теперь стал отогреваться, и тело покалывало. Я бросил мокрую насквозь коробку с игрой на кафельный пол.

— «Твистер» прибыл! — прокричал я.

— Ура! — заорал Кеун, но стайка девчушек в зеленом едва удостоила эту новость вниманием.

Одной рукой я обнял друга, а другой взъерошил ему волосы:

— Срочно требуются сырные вафли.

Герцог попросила хашбраунов, а потом плюхнулась за столик рядом с музыкальным автоматом. Мы с Джем бочком уселись на стол и стали болтать с Кеуном, пока он готовил нам поесть.

— Не могу не отметить, что черлидеры, скажем так, на тебя не вешаются.

— Ну, — начал он, стоя к нам спиной у своих вафельниц, — надеюсь, что «Твистер» изменит ситуацию. Они все-таки пытались флиртовать с мистером «Я-мачо-несмотря-на-хвостик». — И Кеун кивнул в сторону парня, заснувшего за столиком. — Но он, по всей видимости, только о своей подружке и думает.

— Да, «Твистер» оказался очень в тему, — согласился я.

Игра валялась на полу, никому не нужная.

Джей наклонился в мою сторону, чтобы посмотреть на черлидеров, и покачал головой:

— До меня только что дошло, что бросать на них смущенные взгляды я могу почти каждый день за обедом.

— Ага, — кивнул я.

— Они явно не настроены с нами общаться.

— Точно, — поддакнул я.

Девчонки сбились в кучку у одного из столиков. Разговаривали они друг с другом очень быстро и эмоционально.

До меня долетали некоторые слова, но смысла беседы я понять не мог

— всякие черлидерские термины: видимо, обсуждали соревнования. В жизни есть темы, которые интересуют меня меньше, чем эта. Но их немного.

— Эй, вон соня очнулся, — заметил Джей.

Я посмотрел на парня: темноглазый, с хвостиком. Я довольно быстро его узнал.

— Он в Грейстауне учится, — сказал я.

— Ага, — подтвердил Кеун. — Это Джеб.

— Точно.

Этот парень был студентом первого курса колледжа. Я с ним не был знаком, но замечал его здесь раньше. Он меня, видимо, тоже узнал — судя по тому, что встал и направился ко мне.

— Ты Тобин? — спросил он.

Я кивнул и пожал ему руку.

— Эдди знаешь?

Я недоуменно смотрел на него.

— С первого курса, красотка.

Я захлопал глазами:

— Э, вроде нет.

— Длинноволосая блондинка, похожая на актрису? — В голосе Джеба звучало и отчаяние, и недоумение по поводу того, что я не знаю эту девчонку.

— Извини, чувак, — вздохнул я. — Вообще ни о чем не говорит.

Он закрыл глаза. И словно поник.

— Мы начали встречаться за день до Рождества, — сказал он, глядя куда-то вдаль.

— Вчера? — И подумал: «Вы были вместе всего один день, и тебя так колбасит? Очередной повод избегать этих отношений».

— Не вчера, — устало сказал Джеб. — Год назад.

Я посмотрел на Кеуна:

— Дружище, человеку плохо.

Кеун кивнул, вывалив на гриль Герцоговы хашбрауны.

— Утром подброшу его до города, — предложил он. — Хотя какие у нас правила, Джеб?

Джеб проговорил, словно Кеун повторял ему это уже тысячу раз:

— Никто не уходит до последнего черлидера.

— Правильно, дружище. Тебе бы в постель вернуться.

— Только это... — попросил Джеб, — если вы ее вдруг увидите... или типа того, передайте, что меня задержали.

— Ладно, — согласился я.

Прозвучало это, наверное, не очень убедительно, потому что Джеб после этого развернулся и посмотрел на Герцога:

— Скажи ей, что я иду.

И, как ни странно, она его поняла. Ну, по крайней мере, так показалось. Она кивнула, словно говоря: «Да, если я вдруг увижу эту незнакомку где-нибудь в четыре утра в метель, я непременно передам». Герцог улыбнулась парню с сочувствием, и у меня опять возникла такая мысль, от которой никак не отделаться.

Улыбка Герцога как будто успокоила Джеба, и он снова опустился на стул с поникшей головой.

Я болтал с Кеуном, пока тот не подал мне дымящуюся вафлю.

— Боже, Кеун, какая красотища! — воскликнул я, но он уже отвернулся, чтобы выложить на тарелку хашбрауны для Герцога.

Тут же появился Билли Талос, выхватил тарелку у него из рук и понес Герцогу. Он сел рядом с ней.

Я несколько раз бросал на них взгляды, они буквально лежали на столе лицом друг к другу и о чем-то оживленно разговаривали. Мне хотелось встрять и рассказать подружке, что он заигрывал с одной из множества Мэдисон, пока мы тащились сюда по сугробам, но решил, что это все же не мое дело.

— Пойду поговорю с кем-нибудь, — объявил я Джею и Кеуну.

Джей как будто не поверил:

— С кем? С черлидером?

Я кивнул.

— Дружище, — вздохнул Кеун, — я пытался всю ночь. Их слишком много, чтобы пытаться разговаривать с одной. А если со всеми, то тебя просто игнорируют.

Но мне надо было хотя бы создать видимость.

— Вспомните льва, охотящегося на газелей, — сказал я, пристально наблюдая за стайкой девчонок. — Выбираешь отбившуюся от стада и... — одна крошечная блондиночка смотрела не в ту сторону, что и все, — бросаешься.

Я соскочил со стула. И целенаправленно подошел к ней.

— Я Тобин, — представился я, протягивая руку.

— Амбер, — ответила она.

— Красивое имя.

Девчонка кивнула, глаза у нее забегали. Амбер хотелось уйти, но я пока не мог ее отпустить. Так что попытался придумать, что бы еще спросить.

— Насчет вашего поезда что-нибудь известно? — поинтересовался я.

— Да, может, даже *завтра* не пойдет.

— Вот не повезло, — с улыбкой сказал я и бросил взгляд через плечо в сторону Билли с Герцогом, но она куда-то исчезла.

Хашбрауны все еще дымились на тарелке, на край которой она налила, как обычно, кетчупа, но после этого почему-то ушла. Я оставил Амбер и подошел к Билли.

— Она вышла, — сразу сказал он.

Какой нормальный человек *выйдет*, если все тепло, хашбрауны и четырнадцать черлидеров еще *внутри*?

Я схватил шапку, натянул пониже на уши, надел перчатки и тоже вышел на ветер. Герцог сидела на тротуаре возле стоянки, даже почти не под навесом, который защитил бы ее от все не прекращавшегося снега.

Я сел рядом:

— Что, нос давно не закладывало?

Она пошмыгала, а на меня и не взглянула.

— Возвращайся, — сказала она. — Ничего страшного.

— В чем?

— Ни в чем ничего страшного. Возвращайся.

— «Ни в чем ничего страшного» — хорошее название для группы. — Я хотел, чтобы Герцог на меня посмотрела, чтобы я мог оценить ситуацию, и, когда она наконец это сделала, я заметил, что у нее красный нос, и, несмотря на холод, заподозрил, что она плакала. Это показалось мне довольно странным, потому что Герцог обычно не плачет.

— Я... я бы просто предпочла, чтобы ты при мне этого не делал. Ну что в ней интересного? Серьезно, ответь, что в ней такого. Да или хоть в какой из них...

— Не знаю, — сказал я. — Ты же с Билли общалась.

Герцог пристально посмотрела на меня:

— Я сказала ему, что не пойду с ним на этот идиотский бал, потому что не могу заставить себя перестать думать о другом.

Я соображал очень долго.

— Да, они хихикают, а я смеюсь, у них декольте, а у меня нет, но чтоб ты знал — я тоже девушка.

— Я в курсе, — защищался я.

— Да? Неужели хоть кто-то? В магазин захожу, и там я Герцог. Я — один из трех великих *мужей*. Джеймс Бонд нравится только педикам. Да ты и не смотришь на меня, как на других девчонок, разве только... А, ладно. К черту! Когда мы сюда шли, еще до того, как появились близнецы,

мне на миг показалось, что ты увидел во мне женщину, и я подумала, а может, Тобин не самый жуткий на свете гаденыш, а потом я сижу объясняю все Билли, а ты болтаешь с какой-то девчонкой так, как никогда не разговаривал со мной, и... да фиг с ним.

И тут до меня хоть с запозданием, но дошло. Та мысль, от которой я пытался отделаться, пришла в голову и Герцогу, и мы оба пытались от нее избавиться. Я нравился ей. Я опустил глаза. Надо было все обдумать, прежде чем на нее смотреть. Так. *Ладно, решил я, я посмотрю на нее, и если она посмотрит на меня, я рассмотрю ее как следует, потом снова опущу взгляд и снова все обдумаю. Всего чуть-чуть посмотрю.*

И я посмотрел. Она сидела, склонив голову в мою сторону, не моргая, и в ее глазах была палитра цветов. Герцог поджала свои потрескавшиеся губы, затем улыбнулась, прядь кудрявых волос выбилась у нее из-под шапки, она шмыгнула красным носом. Я не хотел отводить взгляда, но все же отвел и снова уставился на снег под ногами.

— Скажи что-нибудь, пожалуйста, — попросила она.

И я заговорил, обращаясь к земле:

— Я всегда считал, что нельзя отказываться от счастливой середины в надежде на счастливый конец, потому что никакого счастливого конца нет. Ты меня понимаешь? Страшно все потерять.

— Знаешь, почему я рвалась сюда, Тобин? Почему хотела забраться на холм? Ты, разумеется, понимаешь, что не из-за того, что перед Кеуном маячила перспектива протусоваться всю ночь с Рестонами, и не для того, чтобы смотреть, как ты лебезишь перед черлидерами.

— Я думал, ты хотела встретиться с Билли.

Герцог смотрела на меня пристальнее некуда, я даже видел ее дыхание в окружившем меня морозе.

— Я хотела приключений. Я это люблю. Потому что я не такая, как вон она. Мне не кажется, что пройти шесть километров по снегу — это жуть как тяжело. Мне это прикольно. Я так хочу. Когда мы сидели и смотрели кино, я мечтала, чтобы навалило еще больше снега. Много-много! Так интересней. Может, конечно, я и ошибаюсь, но мне кажется, что и ты такой же.

— Да, я тоже этого хотел, — согласился я. Я еще не мог посмотреть Герцогу в лицо, потому что боялся того, что могу сделать, если увижу близко ее глаза. — Чтобы снег не прекращался.

— Да? Круто. Круто! И пусть из-за снега вероятность счастливого конца все меньше. Ну, машина, может, встанет — да плевать! Дружбу можем разрушить — плевать! Я целовала парней, которых не боялась

потерять, и после этого мне хочется только одного — такого поцелуя, когда на кону стоит всё...

Я взглянул на тех, «которых не боялась потерять», и выждал до «всё», после чего уже не смог сдерживаться. Я положил руку на затылок Герцога, ее губы коснулись моих, я ощутил тепло ее языка, мягкого, сладкого, со вкусом хашбраунов, открыл глаза и коснулся перчатками ее бледного от холода лица. Это был мой первый поцелуй с девушкой, которую я любил. Потом я робко посмотрел на Герцога и сказал:

— Ух ты!

Она рассмеялась и снова прижала меня к себе, а потом из-за спины раздался звон колокольчика, оповещающий о том, что дверь «Вафельной» открылась.

— ЧЕРТ! ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ?

Я смотрел на Джея, пытаюсь стереть с лица идиотскую улыбку.

— КЕУН! — заорал Джей. — ТАЩИ СЮДА СВОЮ КОРЕЙСКУЮ ЗАДНИЦУ.

В дверях появился Кеун.

— А НУ РАССКАЖИТЕ ЕМУ, ЧТО ВЫ ТОЛЬКО ЧТО ДРУГ С ДРУГОМ ДЕЛАЛИ!

— Гм... — пробормотал я.

— Мы поцеловались, — улыбнулась Герцог.

— Да вы педики, — констатировал Кеун.

— Я ДЕВУШКА.

— Это я знаю, но Тобин тоже, — сообщил ей Кеун.

Джей все продолжал орать, словно забыл, как регулировать громкость голоса:

— МЕНЯ ОДНОГО, ЧТО ЛИ, ЗАБОТИТ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАШЕЙ КОМАНДЫ? НИКОМУ ДЕЛА НЕТ ДО КОМАНДЫ?!

— Иди на черлидеров пялся, — ответила Герцог.

Джей какое-то время смотрел на нас, а потом улыбнулся:

— Только сильно не дурейте. — Он развернулся и ушел.

— Там хашбрауны стынут, — напомнил я.

— Если вернемся, с черлидерами не флиртовать.

— Я делал это, только чтобы привлечь твое внимание, — признался я. — Можно я тебя еще раз поцелую?

Она кивнула, и я сделал это. Хуже не стало, я мог бы продолжать вечно, но наконец, не отрываясь от меня, Герцог сказала:

— Я вообще-то хочу хашбраунов.

И я открыл перед ней дверь «Вафельной».

Герцог нырнула мне под руку, и мы поужинали — в три часа утра.

Потом мы спрятались между огромными металлическими холодильниками, и лишь иногда к нам заходил Джей и рассказывал подробности об их с Кеуном неудачных попытках завязать с черлидерами беседу. Через какое-то время мы с Герцогом заснули вместе на красном кафельном полу на кухне «Вафельной»; ей подушкой служила моя рука, а мне — моя собственная куртка. В семь нас разбудили, и Кеун даже ненадолго нарушил собственное обещание ни за что не покидать черлидеров и отвез нас в «Герцога и Герцогиню». Оказалось, что тягач, принадлежащий «Вафельной», водил Алюминиевый, и он вытащил машину, я поставил ее на домкрат перед домом, чтобы ось не сломалась, а колесо закатил в гараж, после чего мы с Герцогом пошли к ней домой и открыли подарки, и я старался не показывать ее родителям, что она окончательно свела меня с ума, а потом приехали и мои родители, и я сказал им, что машина сломалась, когда я попытался отвезти Герцога домой, они на меня покричали, но не слишком долго, потому что ведь Рождество, а у них есть страховка, да и вообще это всего лишь машина... Вечером, когда черлидеры наконец уехали и все съели свой праздничный ужин, я позвал к себе Герцога, Джея и Кеуна. Они пришли, мы посмотрели еще два фильма про Джеймса Бонда и еще полночи вспоминали свои приключения. А потом легли спать — все четверо в спальнях мешках, как всегда, — и ничего не изменилось, разве что я-то не заснул, и Герцог тоже, мы просто лежали и смотрели друг на друга, а потом, где-то в полпятого, встали и пошли в «Старбакс» — полтора километра по снегу — вдвоем. Я преодолел все трудности путаной французской системы заказов, по которой там работали, и получил латте с кофеином, в котором на тот момент страшно нуждался, после чего мы с Герцогом уселись рядышком в мягких фиолетовых креслах. Я растянулся в нем, уставший, как никогда, так, что даже улыбаться едва мог. Мы болтали о всякой ерунде, у Герцога это все еще весьма неплохо получалось, через какое-то время возникла пауза. Герцог посмотрела на меня сонными глазами и констатировала:

— Пока ничего не испортили.

— Боже, я тебя люблю, — признался я.

— О!..

— «О» в хорошем смысле?

— В самом лучшем.

Я поставил латте на столик. Счастье светилось в моих глазах.

Лорен Миракл

Покровитель свиней

*Папе и прекрасному горному городку Бреварду в Северной Каролине,
исполненному благодати*

(глава первая)

Быть мной — фигово. Быть мной в эту якобы чудесную ночь, когда за окном моей спальни намело почти двухметровые сугробы якобы восхитительного снега — фигово вдвойне. Если учесть тот факт, что сегодня Рождество, получится втройне фигово. Прибавьте к этому страшную, опустошающую тоску по Джебу — и *динь-динь-динь!* Колокольчик на верхушке фигометра звонил изо всех сил.

Все слушали «Джингл беллз», а я — «Фигли беллз». Замечательно.

Ну и фиговый же ты пудинг, сказала я себе. Скорей бы пришли Дорри и Теган. Я не знала, что за штука фиговый пудинг, но полагала, что это такое блюдо, которое сиротливо стынет на краю стола, потому что никто не хочет его есть. Он — как я. Холодный и одинокий. И комковатый, наверное.

Гррр. Я терпеть не могла жалости к себе и поэтому позвонила Теган и Дорри и уговорила их прийти. Но они до сих пор не пришли, и удержаться от жалости к себе мне не удалось.

Потому что я ужасно скучала по Джебу.

Потому что мы расстались всего неделю назад, и эта открытая рана саднила. И я сама была виновата во всем.

Потому что я написала Джебу (жалобное?) электронное письмо, в котором просила его, пожалуйста, пожалуйста, встретиться со мной вчера в «Старбаксе» и поговорить. Но он не пришел. Даже не позвонил.

И потому что, прождав в «Старбаксе» почти два часа, я возненавидела себя и свою жизнь так сильно, что потопала через автостоянку к салону «У Супер-Сэма» и в слезах упросила парикмахершу обчеккрыжить мне волосы и покрасить то, что останется, в розовый цвет. Она так и сделала. Если я решилась на волосяное самоубийство, ей-то до этого какое дело?

Конечно же мне было жалко себя: я была оципанным розовым цыпленком с разбитым сердцем, и я себя ненавидела.

— Ну и ну, Адди, — сказала мама вчера вечером, когда я наконец вернулась домой. — Как ты их... укоротила... и покрасила. Твои прекрасные светлые волосы.

Я одарила ее взглядом «ой, ну пристрели меня теперь за это», и она в ответ наклонила голову с видом: «Не дерзи мне, милая. Я знаю, что тебе больно, но это не означает, что ты можешь срывать зло на мне».

— Извини, — сказала я. — Наверное, я просто еще не привыкла.

— Да уж... привыкать придется долго. А почему ты решила

покраситься?

— Не знаю. Хотелось чего-то новенького.

Мама отложила в сторону венчик. Она готовила вишенки «джубили», наш традиционный семейный рождественский десерт, и от запаха вишневого пюре у меня защипало в глазах.

— Это случайно никак не связано с тем, что произошло на вечеринке у Чарли в прошлую субботу? — спросила она.

У меня покраснели щеки.

— Не знаю, о чем ты. — Я моргнула. — И откуда тебе известно, что случилось у Чарли на празднике?

— Милая, ты же каждую ночь рыдала в подушку...

— Неправда.

— И сутками зависала на телефоне с Дорри или с Теган.

— Ты подслушивала мои разговоры? — возмутилась я. — Шпионила за собственной дочерью?!

— Какое там «подслушивала», у меня просто не было выбора.

Я уставилась на нее, раскрыв рот. Притворяется доброй мамочкой в фартучке, готовящей вишенки «джубили» по семейному рецепту, а на самом деле... на самом деле она...

Ну, не знаю какая. Но подслушивать — плохо, мерзко, гадко.

— И *не говори* «сутками зависала», — прибавила я. — Ты слишком старая, чтобы так выражаться.

Мама засмеялась, и это разозлило меня еще сильнее, тем более что она уже не улыбалась, а смотрела на меня, как обычно смотрят мамы: «Она еще подросток, бедняжка. В этом возрасте всем нам разбивали сердце».

— Адди, милая, — проговорила она, — за что ты себя так наказала?

— О господи, ну кто *такое* говорит про новую стрижку? — сказала я.

И убежала в свою комнату, чтобы рыдать там в одиночестве.

Спустя двадцать четыре часа я все еще сидела в своей комнате. Я спустилась прошлой ночью, желая попробовать вишенки «джубили», и утром, чтобы открыть подарки, но удовольствия от этого не получила. Никакого волшебства и радости я точно не чувствовала. Да и вообще, честно говоря, больше не верила в волшебство и радость Рождества.

Я перекатилась на бок, взяла с прикроватной тумбочки iPad, выбрала плей-лист «Хмурый день», составленный из всех печальных песен на свете, и нажала «Пуск». Мой айПенгвин мрачно захлопал крыльями. Из пластикового корпуса планшета звучала песня «Влюбленные дурачки».^[1]

Я вернулась в меню и выбрала раздел «Фото». Я знала, что ступаю на минное поле, но мне было все равно. Я выбрала нужный альбом и открыла

его.

Первой на экране появилась самая первая фотография Джеба, которую я сделала украдкой, на телефон, чуть больше года назад. В тот день шел снег, и на фотографии в черных волосах Джеба путались снежинки. Он был одет в джинсовую куртку, хотя на улице стоял жуткий холод, и, помню, я подумала, что у них с мамой, наверное, нет денег. Я слышала, что они переехали в Грейстаун из резервации индейцев чероки, километрах в ста пятидесяти отсюда. По-моему, это круто. Джеб казался таким необычным.

Мы с ним учились английскому в одном классе. Он был сногшибательно красив: сердце замирало от его дымчатых глаз и иссиня-черных волос, собранных в хвост. Еще он был жу-у-тко серьезным, и для такой хохотушки, как я, это было страшно непривычно. Каждый день, списывая с доски, он подавался вперед, а я украдкой любовалась тем, какие у него блестящие волосы и красивые скулы. Но он оставался сдержанным и отчужденным, даже когда я была весела и общительна.

Когда я решила обсудить эту чрезвычайно важную проблему с Дорри и Теган, Дорри предположила, что Джебу неуютно в нашем маленьком горном городке, где живут сплошь белые южане-христиане.

— Ну, в этом же нет ничего плохого! — сказала я, белая южанка-христианка.

— Знаю, — кивнула Дорри. — Я к тому, что он, *возможно*, чувствует себя здесь чужим. Возможно.

Как одна из двух — раз и два — евреев в нашей школе, она наверняка знала, о чем говорила.

И я задумалась. Может, Джеб и правда *чувствовал* себя чужим среди нас? Может, поэтому в столовой он сидел с Натаном Круглом, который уж точно был среди нас чужим, с его неизменными футболками с картинками и цитатами из «Звездного пути»?^[2] Поэтому утром, перед тем как школу открывали, Джеб стоял в одиночестве, прислонившись к стене здания и засунув руки в карманы, а не обсуждал вместе с нами «Американского идола»?^[3] Может, поэтому он не поддавался моим чарам на уроках английского? Может, ему просто было *неловко* нам открыться?

Чем дольше я об этом думала, тем больше волновалась. Никто не должен чувствовать себя чужим в своей школе — и уж тем более не такой заяка, как Джеб. Особенно когда у него такие добрые одноклассники.

Ну, то есть одноклассницы. Я, Дорри, Теган и другие девочки. Мы были *очень* добрые. Парни, которые курили всякую фигню, — нет. Они были грубые. Натан Кругл тоже не был добрым, он был желчным и

злопамятным. И если честно, мне вовсе не нравилось, что он внушает Джебу свои безумные идеи и влияет на него.

И вот однажды, думая об этом в тысячный раз, я разозлилась *по-настоящему*. Почему Джеб проводит время с Натаном Круглом, а не со мной?

Поэтому в тот день, когда мы сидели в классе, я уколола его ручкой и сказала:

— Ради бога, Джеб. Ты хоть просто *улыбнись*.

Он вздрогнул, уронив свою книгу на пол, и мне стало ужасно стыдно. *Круто, Адди*, подумала я, *в следующий раз протруби ему в ухо*.

Но потом он улыбнулся уголком рта, и в его глазах промелькнула веселая искорка. И что-то еще — что-то, от чего мое сердце забилось быстрее. Он покраснел и быстро нагнулся, чтобы подобрать книгу.

Ой, внезапно поняла я. *Он просто стеснительный*.

Навалившись на подушку, я рассматривала фотографию Джеба на экране планшета до тех пор, пока боль внутри не стала слишком сильной.

Я нажала кнопку посередине, и появилась следующая фотография — сделанная во время Великого Холлихокского Блицкрига, который случился в прошлое Рождество, всего через несколько недель после того, как я попросила Джеба хоть улыбнуться ради бога. День перед Рождеством всегда жутко длинный, и остается только барабанить пальцами по чему придется и ждать, когда же оно настанет, поэтому мы с друзьями решили пойти гулять в парк Холлихок. Я заставила одного из парней позвонить Джебу, и тот каким-то чудом согласился пойти с нами.

В конце концов мы устроили бой снежками, мальчики против девочек, и это было здорово. Мы с Дорри и Теган построили снежную крепость и наладили систему снабжения снежками: Теган лепила, я подавала, а Дорри снайперски обстреливала наших противников. Мы выигрывали у мальчишек, пока Джеб не навалился на меня со спины, повалив прямо в нашу кучу снежков. Снег набился мне в нос, и я почувствовала жуткую боль, но мне было так весело, что даже все равно. Я перекатилась на спину, смеясь, и его лицо оказалось *очень близко*, в нескольких сантиметрах от моего лица.

Именно так нас и сфотографировала на телефон Теган. Джеб снова надел свою джинсовую курточку — бледно-голубой так шел к его темной коже — и смеялся. Глядя на наши счастливые лица, я вспомнила, что он слез с меня не сразу. Он приподнялся на локтях, чтобы меня не раздавить, и задал мне вопрос, от которого меня пробрала дрожь.

После боя снежками мы с Джебом пошли выпить мокка латте. Я

предложила, а Джеб, не раздумывая, согласился. Мы зашли в «Старбакс» и сели в одинаковые фиолетовые кресла у входа. Я была счастлива и весела, а он робел. Но потом Джеб собрался с духом и решился взять меня за руку. Я так удивилась, что даже пролила кофе.

— Боже мой, Адди, — сказал он, и его кадык дернулся. — Можно тебя поцеловать?

Мое сердце встрепенулось, и теперь уже я оробела: ужас какой. Джеб взял из моих рук чашку и поставил на стол, а потом подался ко мне и поцеловал в губы. Глаза его, когда он наконец отклонился, были теплыми, как растаявший шоколад. Он улыбнулся, и я тоже растаяла, как шоколадка.

Это было лучшее Рождество в моей жизни.

— Эй, Адди! — крикнул мне с нижнего этажа младший брат, вместе с мамой и папой игравший на «Вии»,^[4] доставшейся ему от Санты. — Хочешь, устроим боксерский поединок?

— Нет, спасибо, — отозвалась я.

— А как насчет тенниса?

— Нет.

— Боулинг?

Я застонала. Мне вовсе не хотелось играть. Но Крису было восемь. Он просто пытался меня подбодрить.

— Может, позже, — ответила я.

— О'кей, — сказал он и убежал.

Я услышала, как он сказал родителям: «Она отказалась», — и мне стало еще грустнее. Мама, папа и Крис весело лупили друг друга нунчаками на первом этаже, а я сидела наверху, мрачная и одинокая.

И кто в этом виноват? — спросила я себя.

Ответила: *Ой, заткнись.*

И продолжила просматривать фотографии:

Джеб по-дурацки позирует с арахисовой пироженкой. Он знал, что я такие обожаю, и тайно купил их мне в подарок.

Джеб летом, без футболки, у бассейна на вечеринке Меган Монтгомери. Боже, как он был красив.

Милашка Джеб в мыльной пене на благотворительной автомойке, которую устроил «Старбакс». Я долго смотрела на его фотографию и таяла. Тот день был прекрасен, потому что все мы трудились ради доброго дела. У Кристины, начальницы моей смены в «Старбаксе», начались преждевременные роды, и наше кафе решило помочь с оплатой услуг роддома, на которую не хватало страховки.

Джеб согласился помочь, и он был в тот день восхитителен. Он пришел

в девять и работал до трех, оттирая машины до седьмого пота, — и выглядел при этом как модель из календаря «Самые красивые парни Вселенной». Он сделал для меня гораздо больше, чем я бы потребовала от своего мальчика, и я была счастлива. Когда с автостоянки у кафе выехала последняя машина, я обняла Джеба и наклонила голову к нему.

— Тебе вовсе не обязательно было так усердно работать, — сказала я, вдохнув его мыльный запах. — Ты покориł меня уже с самой первой машины.

Я собиралась пофлиртовать с ним, как Рене Зеллвегер с Томом Крузом в фильме «Джерри Магуайер». Помните, она ему сказала: «Ты покориł меня уже с самого первого слова „Привет“».

Но Джеб нахмурился и сказал:

— Ага. Ну, хорошо. Только я не понимаю, о чем ты.

— Ха-ха, — произнесла я, решив, что он напрашивается на комплимент. — Ну, просто, по-моему, очень здорово, что ты не ушел. И если ты решил остаться, чтобы произвести на меня впечатление... ну, это было не обязательно. Вот и все.

Он удивленно поднял брови:

— Ты думала, я мыл машины, чтобы *произвести впечатление* на тебя?

Я залилась краской, потому что поняла, что он не шутит.

— Больше... так не думаю.

Мне стало стыдно, и я повернулась, желая отойти от него. Но Джеб мне не позволил. Он поцеловал меня в макушку и сказал:

— Адди, мама воспитывала меня одна.

— Я знаю.

— Я понимаю, как это тяжело. Вот и все.

Мне вдруг захотелось обидеться на него, хотя это и было глупо. Я понимала: то, что Джеб хочет помочь Кристине, это здорово, — но мне все равно хотелось, чтобы он делал это хоть отчасти ради меня.

Джеб прижал меня к себе.

— Я рад, что тебе это понравилось, — сказал он, и я почувствовала прикосновение его губ и теплоту его тела под влажной футболкой. — Больше всего на свете я хочу нравиться моей девушке.

Я была *совершенно* не готова к тому, чтобы флиртовали со мной.

— Ты назвал меня своей девушкой?

Он засмеялся так, будто я спросила, голубое ли небо над Грейстауном. Не собираясь спускать его с крючка, я отступила на шаг и пристально посмотрела на Джеба: «Ну?»

Серьезно глядя на меня, он взял обе мои ладони в свои руки.

— Да, Адди, ты моя девушка. И всегда будешь моей.

Я зажмурила глаза, потому что это было больно вспоминать. Слишком больно, как будто от меня отрезали кусочек, — и похоже, так и случилось. Я выключила iPad, и экран почернел. Музыка затихла, и айПенгвин перестал танцевать. Он грустно пискнул: «Ты меня выключаешь?», и я сказала:

— Мы с тобой одной крови, Пингвинчик.

Я улеглась головой на подушку и уставилась в потолок, снова и снова вспоминая о том, что произошло между мной и Джебом. Вспоминая, что я больше не его девушка. Я не могла не думать, почему так получилось, хотя и знала очевидный ответ (*плохой, фу, не думать о нем*). Мы начали ссориться задолго до вечеринки у Чарли. Дело было не в том, что он меня не любил, — Джеб любил, я знала. И я любила его — до безумия.

Но, по-моему, нас подвело то, как мы проявляли свою любовь. Или, как мне казалось, то, как Джеб ее не проявлял. Теган, любившая смотреть передачи доктора Фила, утверждала: все дело в том, что мы с Джебом разговаривали на разных языках любви.

Я хотела, чтобы Джеб был милым, нежным и романтичным, как в прошлое Рождество в «Старбаксе», когда он впервые меня поцеловал.

Через месяц я устроилась на работу в тот самый «Старбакс» и сразу подумала: *Как здорово, что наши поцелуй будет повторяться снова и снова.*

Но он ни разу не повторился. Джеб часто забегал к нам, и я, делая разные знаки, постоянно давала ему понять: хочу, чтобы ты меня поцеловал, — но он только перегибался через барную стойку и дергал за бретельки моего зеленого фартука со словами:

— Эй, кофейная волшебница.

Это было мило, но... этого же недостаточно.

Это раз. Были и другие случаи. Например, мне хотелось, чтобы он каждую ночь звонил мне и желал сладких снов, а ему было неуютно от того, что у него слишком маленькая квартира.

— Я не хочу, чтобы мама слышала всякие телячьи нежности, — говорил он.

А еще другие мальчики вовсе не возражали против того, чтобы держаться за руки со своими девушками в школе, а Джеб каждый раз быстро сжимал мою руку и сразу отпускал.

— Тебе не нравится ко мне прикасаться? — спросила я.

— Конечно нравится, — ответил он. Потом посмотрел на меня именно так, как я и хотела, и, немного помолчав, взволнованно сказал: — Ты сама

это знаешь, Адди. Я люблю оставаться с тобой наедине. Я просто хочу, чтобы мы оставались *наедине* на самом деле.

Я давно заметила это, но держала все при себе, потому что не хотела быть нытиком.

Но когда нашим отношениям исполнилось полгода (я подарила Джебу подборку самых романтических песен на свете, а он ничего мне не подарил), во мне что-то треснуло. Я любила его, и мне хотелось, чтобы между нами все было идеально, но не могла же я все делать сама. И если это значит, что я нытик, так тому и быть.

Джеб видел, что я недовольна, и все время спрашивал, почему да почему. И наконец я спросила:

— А ты как думаешь?

— Из-за того, что я тебе ничего не подарил? — угадал он. — Я не знал, что это обязательно.

— Ну и зря, — пробормотала я.

На следующий день он подарил мне ожерелье с сердечком из игрового автомата, только переложил его из пластикового яйца в нормальную коробочку. Из-за этого я только расстроилась. Еще день спустя Теган, отведя меня в сторону, сказала, что Джеб боится, что, раз я не надела ожерелье, мне не понравился подарок.

— Оно из «Герцога и Герцогини», — сказала я. — Это ожерелье из призового автомата, который у входа стоит! Опустит четвертак и выиграй!

— А ты знаешь, сколько четвертаков Джеб опустил в автомат, чтобы его выиграть? — сказала Теган. — Тридцать восемь. Он все время возвращался к кассе за мелочью.

Между нами повисла гнетущая тишина.

— Ты имеешь в виду...

— Он хотел подарить тебе именно такое. С сердечком.

Мне совсем не понравилось то, как Теган на меня посмотрела. Я отвела глаза:

— Все равно, оно же дешевле десяти долларов.

Теган молчала. Я боялась взглянуть на нее. Наконец она сказала:

— Ты же не серьезно, правда, Адди? Не будь ничтожеством.

Я совсем *не хотела* быть ничтожеством, и конечно же для меня не имело значения, сколько стоит подарок. Но похоже, я и вправду хотела от Джеба большего, чем он мог мне дать, и чем дольше так продолжалось, тем хуже было нам обоим.

Прошло несколько месяцев — и что же? Я все еще его расстраивала, и он меня тоже. Не всегда, но гораздо чаще, чем положено, — или как еще

сказать?

— Ты хочешь, чтобы я стал тем, кем я быть не могу, — сказал он за день до нашего расставания.

Мы сидели вечером около дома Чарли в «королле» его мамы. Если бы можно было вернуть время назад, я бы *вообще* не стала входить в дом. Ни за какие коврижки.

— Это неправда, — возразила я.

Я нащупала прореху в покрытии пассажирского сиденья и запустила пальцы в поролон.

— Это правда, Адди, — сказал Джеб.

Я сменила тактику:

— Ну, хорошо, даже если я на самом деле этого хочу, разве это плохо? Люди постоянно меняются ради друг друга. Вспомни любую историю большой любви, и ты увидишь, что, если двое хотят, чтобы у них все получилось, они должны меняться. Как в «Шреке»: Фиона говорит Шреку, что ее бесит то, что он все время рыгает, портит воздух и все такое. И Шрек такой: «Я людоед. Смирись с этим». А Фиона отвечает: «А если я не могу?» Поэтому Шрек выпивает зелье и превращается в прекрасного принца. Он делает это из любви к Фионе.

— Это в «Шреке-два». В первой части не так, — улыбнулся Джеб.

— Неважно.

— А потом Фиона поняла, что не хочет, чтобы он был прекрасным принцем. Она захотела, чтобы Шрек снова превратился в великана.

Я нахмурилась. Я все запомнила совсем не так. И пояснила:

— Я хотела сказать, что он был не против меняться.

Джеб вздохнул:

— Почему меняться всегда должен парень?

— Девочка тоже может меняться, — сказала я. — Не в этом суть. Я о том, что, если кого-то любишь, ты должен это показывать. Потому что нам дана только одна жизнь, Джеб. *Только одна*. — Внутри у меня все привычно сжалось от отчаяния. — Неужели ты не можешь *попытаться* показать это, хотя бы потому, что знаешь, что для меня это важно?..

Джеб посмотрел в окно.

— Я... я хочу, чтобы ты прошел за мной на борт самолета и спел мне серенаду в салоне первого класса, как сделал Робби ради Джулии в «Певце на свадьбе», — продолжала я. — Я хочу, чтобы ты построил для меня дом, как Ной для Элли в «Дневнике памяти». ^[5] Я хочу, чтобы ты стоял со мной на носу океанского лайнера! Как тот парень в «Титанике», помнишь?

Джеб обернулся:

— Тот, который утонул?

— Ну, я, конечно, не хочу, чтоб ты *тонул*. Дело не в этом. Но мне хочется, чтобы ты доказал, что *готов* утонуть ради меня, если придется. — Я запнулась. — Я хочу... большого жеста.

— Адди, ты знаешь, что я тебя люблю, — проговорил Джеб.

— Или даже среднего жеста, — не унималась я.

На лице его отражалась борьба между волнением и досадой.

— Неужели ты не можешь просто поверить, что я тебя люблю, а не требовать, чтобы я доказывал это каждую секунду?

Судя по тому, что случилось потом, — нет, не могла.

Нет, не «что случилось». Что я наделала. Потому что я дура и потому что выпила тридцать восемь стаканов пива. Ну, может, не тридцать восемь. Много.

Хотя дело не в этом, конечно.

Мы с Джебом вошли в дом, но разошлись в разные стороны из-за ссоры. В конце концов я оказалась в подвале с Чарли и другими парнями, а Джеб остался наверху. Потом мне сказали, что он смотрел там по телевизору фильм «Незабываемый роман»^[6] в компании каких-то киноманов. Это было бы смешно, если б не было настолько грустно.

А я играла в подвале в четвертаки с Чарли и другими парнями, и Чарли бесил меня, потому что он играл чертовски круто. Когда мы доиграли, он попросил меня поговорить с ним наедине, и я, как послушная дурочка, пошла за ним в комнату его старшего брата. Меня немного удивила его просьба, потому что мы с ним никогда раньше не говорили по душам. Но он все равно был из нашей компании. Чарли был высокомерным и льстивым, и вообще полный жопень он был, как выражался один кореец из нашей школы. Но Чарли есть Чарли. Выглядел он как модель из каталогов одежды, так что всегда выходил сухим из воды.

Чарли усадил меня на кровать в комнате своего брата и сказал, что ему нужен мой совет насчет Бренны, девочки из нашего класса, с которой он иногда встречался. Потом посмотрел на меня, как бы говоря: «Да, я знаю, что я красавчик», и вслух произнес:

— Джебу очень повезло, что он встречается с такой девушкой, как ты.

Фыркнув, я проговорила:

— Ну да, да, конечно.

— У вас проблемы? — продолжал Чарли. — Успокой меня, скажи, что у вас нет проблем. Вы такая чудесная пара.

— Ага, именно поэтому Джеб занимается черт знает чем наверху, а я сижу здесь, с тобой.

А почему я сижу здесь, с тобой? — помню, подумала я. И кто закрыл дверь?

Чарли говорил со мной сочувственно и обходительно и настоял, чтобы я подробно рассказала ему о том, что случилось, и, когда я расплакалась, он подсел ближе, чтобы меня утешить. Я противилась, но он прижался ртом к моим губам, и в конце концов я поддалась. Парень оказывал мне внимание — красивый, обаятельный парень, — и разве не все равно, что он не всерьез, а просто заигрывает?

Нет. Мне было не все равно. Даже предавая Джеба, я помнила об этом, и именно это убивало меня сейчас, когда я снова и снова вспоминала случившееся. О чем я тогда думала? У нас с Джебом были проблемы, но я все равно его *любила*. Я его любила тогда и люблю сейчас. И всегда буду его любить.

Вот только вчера, когда он не пришел в «Старбакс», Джеб ясно дал мне понять, что больше меня не любит.

(глава вторая)

Мой праздник жалости к себе прервал стук в окно. Мне потребовалась минута, чтобы вернуться к реальности. Снова послышался стук, и, приподнявшись с постели, я увидела, что напротив моего окна на сугробе стоят Теган, укутанная тепло, и Дорри, укутанная еще теплее. Они махали мне руками в варежках и глухими голосами звали выйти на улицу.

Я лениво слезла с постели и, когда почувствовала, что моя голова стала до странности легкой, тут же вспомнила, какой ужас сотворила со своими волосами. Вот черт! Я оглянулась, схватила с кровати одеяло и обернула его вокруг головы на манер тюрбана. Потом, придерживая край одеяла под подбородком, подошла к окну и резко открыла его.

— Выходи на танцпол! — раздался неожиданно громкий голос Дорри.

— Это не танцпол, — сказала я. — Это снег. Холодный, мерзлый снег.

— Он такой красивый, — заметила Теган. — Иди посмотри. — Она замолчала и удивленно посмотрела на меня из-под полосатой шерстяной шапки. — Адди? Почему у тебя на голове одеяло?

— Э-э-э... — промычала я и махнула им рукой. — Идите домой. Я лузер. От меня одни проблемы.

— Ох, не знаю, не знаю, — покачала головой Дорри. — Первое: ты звонила и сказала, что у тебя проблемы. Второе: мы пришли. Давай спускайся. Посмотри на чудо природы.

— Я пас.

— Оно поднимет тебе настроение, честное слово.

— Это невозможно. Прости.

Дорри закатила глаза:

— *Такой* ребенок... Пойдем, Теган.

Они спустились с сугроба, и спустя несколько секунд прозвенел дверной звонок. Я поправила одеяло на голове, чтобы оно больше напоминало тюрбан. Села на край кровати и притворилась дикаркой-кочевницей с ослепительно зелеными глазами и печальным выражением лица. Ведь кому как не мне знать все о печали.

Из холла донеслись голоса родителей:

— С Рождеством, девочки! Вы что, по снегу пешком сюда пришли?

И Дорри и Теган, как назло, решили ответить. Их веселый рождественский щебет раздражал меня все сильнее и сильнее, и вскоре мне захотелось закричать: «Эй, девчонки! Страдалица, которую вы пришли утешать, здесь, *наверху!*»

Наконец по лестнице взбежали две пары ног в колготках. Дорри ворвалась в мою комнату первой.

— Уф! — выдохнула она, убрав волосы с шеи и обмахнувшись рукой. — Если я сейчас не сяду, то *взорвуся*.

Дорри обожала говорить «взорвуся», это было ее любимое словечко, которое означало, что она сейчас взорвется. Еще она обожала вишневую газировку «Чируайн» и пончики и притворялась, что она из Земли обетованной — видимо, это такая земля, где жили евреи до того, как переехать в Америку. Дорри очень гордилась своим происхождением и даже называла свои роскошные кудри «еврейское афро». Когда я в первый раз услышала от нее эти слова, они меня напугали и рассмешили одновременно. И в этом вся Дорри.

Следом за Дорри вошла Теган с румянцем на щеках.

— Ох, вспотела вся вообще! — сказала она, сняв фланелевую блузку, которую носила поверх футболки. — Чуть не померла, пока сюда добралась.

— Это ты говоришь? Я пять тысяч миль тащилась до этого дома! — воскликнула Дорри.

— Ты имеешь в виду... шесть метров? — сказала Теган. И повернулась ко мне: — Сколько метров между вашими с Дорри домами? Шесть, правильно?

Я сурово посмотрела на нее. Они пришли сюда вовсе не для того, чтобы обсуждать глупости вроде расстояния между домами.

— Что это у тебя на башке? — сказала Дорри, плюхнувшись рядом со

мной.

— Ничего, — ответила я, потому что об этом, как оказалось, мне тоже говорить не хотелось. — Я замерзла.

— Ага, конечно.

Дорри сдернула одеяло с моей головы и в ужасе ахнула:

— Что ты с собой сделала?!

— Вот спасибо, — проворчала я. — Ты хуже мамы.

— Фигасе, — произнесла Теган. — Не, ну фигасе...

— Так проблемы у тебя с волосами? — спросила Дорри.

— Вообще-то, нет.

— Ты уверена?

— Дорри! — осадила подругу Теган. — Это очень... мило, Адди. Очень смело.

Дорри фыркнула:

— Знаешь, что нужно делать, когда говорят, что у тебя смелая прическа? Идти в парикмахерскую и требовать вернуть деньги.

— Уйди, — сказала я и толкнула ее ногой.

— Эй!

— Ты груба со мной в трудную минуту, и на кровать тебе больше нельзя.

Я чуть напряглась, и — бац! — Дорри свалилась с постели.

— По-моему, ты мне копчик сломала, — пожаловалась она.

— Если ты сломала копчик, сядь на надувной пончик.

— Здесь нет надувных пончиков.

— Я к слову сказала...

— Я не груба с тобой в трудную минуту, — вставила Теган. И кивнула в сторону кровати: — Можно?

— Садись.

Теган села на место Дорри, а я вытянулась и положила голову ей на колени. Она принялась гладить меня по волосам, сначала робко, потом уверенней.

— Так... что происходит? — наконец спросила она.

Я молчала. Мне и хотелось, и не хотелось рассказать им обо всем. Забудьте про волосы, мои настоящие проблемы так ужасны, что о них без слез не расскажешь.

— О, нет, — проговорила Дорри. На ее лице, наверно, отразилось то, что я увидела на моем. — Ох, мамочки...

Рука Теган замерла.

— Что-то с Джебом?

Я кивнула.

— Ты его видела? — спросила Дорри.

Я мотнула головой.

— Ты с ним говорила?

Я снова мотнула головой.

Дорри подняла глаза, и я почувствовала, как между ними с Теган прошла какая-то искра. Теган толкнула меня в плечо, побуждая сесть.

— Адди, расскажи нам! — потребовала она.

— Я тупая, — прошептала я.

Теган положила руку мне на бедро, как бы говоря: «Мы здесь. Все хорошо».

Дорри наклонилась ко мне и уткнулась подбородком в мое колено.

— Однажды, давным-давно... — начала она.

— Однажды, давным-давно мы с Джебом были вместе, — жалко простонала я. — Я любила его, а он любил меня. А потом я все испортила.

— Катастрофа с Чарли... — вздохнула Дорри.

— Мы знаем, — сказала Теган, утешительно похлопав меня по спине. — Но это случилось неделю назад. В чем новые проблемы?

— Ну, кроме твоих волос, — прибавила Дорри.

Они ждали моего ответа. Ждали и ждали.

— Я написала Джебу письмо, — призналась я.

— О, нет! — воскликнула Дорри.

Она трижды стукнулась лбом о мое колено: *бам-бам-бам*.

— Я думала, ты даешь ему время, чтобы прийти в себя, — сказала Теган. — Ты же, кажется, говорила, что вам лучше пока не разговаривать, даже если это и будет очень тяжело. Помнишь?

Я беспомощно пожала плечами.

— Не хочу тебя расстраивать, но я думала, что Джеб теперь с Бренной, — сказала Дорри.

Я уставилась на нее.

— Ну, то есть нет, конечно, — поправилась она. — Ведь всего неделя прошла. Но она же с ним кокетничает, так? И, насколько мне известно, не сказать, что он ее отталкивает.

— Бренна, фу, — скривилась я. — Ненавижу Бренну.

— Я думала, Бренна снова с Чарли, — заметила Теган.

— Конечно, мы все не любим Бренну, — сказала Дорри, обращаясь ко мне. — Не в этом дело. — Она повернулась к Теган: — Мы *хотели*, чтобы она вернулась к Чарли, но этого не случилось.

— А-а-а, — понимающе произнесла Теган.

Выглядела она по-прежнему озадаченной.

Я вздохнула:

— Помните, чем хвасталась Бренна за день до зимних каникул? Как она все время повторяла, что на каникулах будет встречаться с Джебом?

— Я думала, мы решили, что она просто хочет, чтобы Чарли приревновал, — ответила Теган.

— Нуда, — кивнула Дорри, — но все равно. Если уж он строит планы...

— Ага, — сказала Теган. — Поняла. Если Джеб *строит планы*, то это серьезно.

— Я не хочу, чтобы Джеб строил планы с *другой*, особенно с этой псевдорастаманшей Бренной, — нахмурилась я.

Дорри выдохнула через нос:

— Адди, можно сказать тебе то, что тебе не понравится?

— Лучше не надо.

— Она все равно скажет, — заметила Теган.

— Понимаю, — ответила я. — Просто говорю, что лучше не надо.

— Это все из-за праздников. В праздники люди чувствуют себя одиноко, — заявила Дорри.

— Я вовсе не из-за этого одинока! — возмутилась я.

— Из-за этого. В праздники нам больше всего хочется быть нужными. А в твоем случае это вдвойне правда, потому что сегодня годовщина ваших с Джебом отношений. Я права?

— Вчера была. В Рождество, — подтвердила я.

— Ох, Адди... — сочувственно произнесла Теган.

— Думаешь, в Рождество пары по всему миру действительно снова воссоединяются? — сказала я, впервые задумавшись об этом. — Потому что Рождество, волшебство... а только потом все проходит... и снова фигово?

— Так что было в твоём письме? — произнесла Дорри тоном, который означал: «Давайте не будем отвлекаться от темы». — Просто поздравление с Рождеством?

— Не совсем.

— Тогда что ты написала?

Я мотнула головой:

— Это слишком больно вспоминать.

— Расскажи, расскажи, — настаивала Дорри.

Я встала с кровати:

— Ни за что. Но я вам покажу письмо. Сами прочитаете.

(глава третья)

Они прошли следом за мной к письменному столу, где нас весело ждал мой белый «МакБук», притворяясь, что он не принимает участия в моем унижении. Его украшали вздувшиеся наклейки с эмблемой шоколада «Чококэт», и мне следовало их отскрести, когда мы с Джебом расстались, потому что это он их мне подарил. Но я не смогла решиться.

Я открыла ноутбук и кликнула по ярлыку «Файрфокса». Зашла на «хотмэйл», открыла папку «Сохраненные письма», навела курсор на злополучное письмо, и внутри у меня все завязалось узлом. «Мокка латте?» — значилось в теме письма.

Дорри опустилась в кресло у компьютера и подвинулась, освобождая рядом место для Теган. Она щелкнула клавишей мышки, и на экране возникло письмо, которое я написала два дня назад, 23 декабря.

Привет, Джеб.

Знаешь, я сижу здесь, и мне страшно все это печатать.

Бред, правда. Как мне может быть страшно говорить с ТОБОЙ? Я столько раз переписывала это письмо с начала и все стирала, что меня от самой себя уже тошнит. Больше ничего стирать не буду.

Но кое-что мне правда хочется стереть из жизни — и ты знаешь, что это. Поцелуй с Чарли — моя большая ошибка. Мне жаль. Мне очень жаль. Конечно, я уже сто раз говорила тебе об этом, но я готова вечно это повторять.

Знаешь, как бывает в кино, когда кто-то делает что-то плохое, например изменяет девушке, а потом говорит: «Ничего не было! Она мне никто!»? То, что я сделала, — это не «ничего». Я причинила тебе боль, и мне нет оправдания.

Но Чарли мне правда никто. Я даже не хочу о нем говорить. Он пристал ко мне, и это... это было какое-то наваждение, вот и все. Мы с тобой тогда поссорились из-за глупостей, и мне, наверное, требовалось внимание, или я просто злилась, но его внимание было приятно. И я не подумала о тебе. Я думала только о себе.

Мне нелегко об этом говорить.

Чувствую себя паршиво.

Но хочу сказать: я сделала большую ошибку, но извлекла из этого урок.

Я изменилась, Джеб.

Я скучаю по тебе. Я люблю тебя. Если ты дашь мне еще шанс, буду

любить тебя всем сердцем. Я знаю, это звучит глупо, но это правда.

Ты помнишь прошлое Рождество? Да, прости. Я знаю, помнишь. Я все время вспоминаю о нем. О тебе. О нас.

Давай выпьем по кружечке мокко в Рождество, Джеб. В три часа в «Старбаксе», как в прошлом году. Завтра у меня выходной, но я буду ждать тебя в большом фиолетовом кресле. Поговорим, и... надеюсь, не только поговорим.

Я знаю, что ничего не заслуживаю, но, если ты хочешь, я твоя.

ХОХО, ^[7]

Я

Я поняла, что Дорри дочитала письмо: она развернулась и посмотрела на меня, прикусив губу. Теган же печально вздохнула, встала со стула и крепко меня обняла. И я расплакалась — это был настоящий приступ плача, который меня саму удивил.

— Адди, милая! — воскликнула Теган.

Я утерла сопли рукавом и тяжело вздохнула.

— О'кей, — сказала я, слабо улыбнувшись подругам. — Мне уже лучше.

— Неправда, — возразила Теган.

— Нет, мне не лучше, — повторила я и снова разрыдалась. Слезы были солеными и горячими, и я представила, как мое сердце тает.

Оно не растаяло. Только размякло по краям.

Глубокий вдох.

Глубокий вдох.

Глубокий, прерывистый вдох.

— Он тебе ответил? — поинтересовалась Теган.

— В полночь. Не вчера, а перед Рождеством. — Я сглотнула, моргнула и снова утерла нос. — После того как отправила ему письмо, я проверяла почту каждый час — но ничего. Так что я подумала: «Забудь. Ты дура, и ничего удивительного, что он тебе не ответил». Но потом решила проверить в последний раз, ну вы понимаете?

Они кивнули. Все девочки планеты Земля знали, что такое «проверить почту в последний раз».

— И? — произнесла Дорри.

подавшись вперед, я протиснулась между ними и постучала по клавиатуре. На экране возникло ответное письмо Джеба.

«Адди...» — написал он, и в этом многоточии я чувствовала нерешительное молчание Джеба. Я представила, как он дышит, в

раздумьях держа руки над клавиатурой. И наконец — так я себе представила — печатает: «Посмотрим».

— «Посмотрим»? — зачитала Дорри вслух. — Это все, что он написал? «Посмотрим»?

— Я знаю. Джеб в своем репертуаре.

Дорри хмыкнула.

— По-моему, «посмотрим» — вовсе не плохо, — заметила Теган. — Наверное, он просто не знал, *что* сказать. Он просто тебя очень сильно любит, Адди, и наверняка очень обрадовался, получив твое письмо, но потом, потому что он Джеб...

— Потому что он *парень*, — вмешалась Дорри, — Джеб сказал себе: «Не спеши, будь осторожен».

— Перестань, — попросила я.

Ее слова меня сильно ранили.

— Может быть, «посмотрим» означало именно это, — все равно сказала Теган. — Что он задумался над твоими словами. По-моему, это хорошо, Адди!

— Теган... — умоляюще произнесла я.

Выражение ее лица менялось: отражение надежды сменилось неуверенностью, потом волнением. Затем она перевела взгляд на мои розовые волосы.

Дорри, до которой такие вещи доходили быстрее, сказала:

— Сколько ты прождала в «Старбаксе»?

— Два часа.

Она кивнула на мою голову:

— А после этого ты...

— Не-а. У «Супер-Сэма», через дорогу.

— У «Супер-Сэма»? — повторила Дорри. — Ты с горя постриглась в парикмахерской, где выдают шарики и чупа-чупсы?

— Мне не дали ни чупа-чупс, ни шарик, — хмуро сказала я. — И вообще не хотели стричь, потому что я пришла перед самым закрытием.

— Не понимаю... — проговорила Дорри. И прибавила: — Знаешь, сколько девчонок удавились бы за твои волосы?

— Ну, пусть забирают, если они не против порыться в помойке.

— Кстати, я поняла, что розовый не так уж плох. Честное слово, — вставила Теган. — И я говорю это не потому, что хочу тебя утешить.

— Именно поэтому, — сказала я. — Какая разница? Сегодня Рождество, а я одинока...

— Ты не одинока, — возразила Теган.

— И я *всегда* буду одинока...

— Как ты можешь быть одинока, если мы прямо сейчас рядом с тобой?

— И Джеб... — Мой голос дрогнул. — Джеб меня больше не любит.

— Не могу поверить, что он не пришел! — Теган покачала головой. — Это совсем не похоже на Джеба. Тебе не кажется, что он пришел бы, даже если б не хотел, чтобы вы были вместе?

— Но почему он не хочет снова быть вместе? — сказала я. — *Почему?*

— Ты уверена, что это не какая-то ошибка? — потребовала ответа Теган.

— Не надо, — предостерегла ее Дорри.

— Чего не надо? — фыркнула Теган. И повернулась ко мне: — Ты точно уверена, что он тебе не звонил?

Я взяла с прикроватной тумбочки мобильник и швырнула его ей:

— Сама посмотри.

Она сняла блокировку, зашла в историю звонков и стала читать вслух:

— Я, Дорри, дом, дом, *снова* дом...

— Это мама пыталась понять, куда я запропастилась.

Теган нахмурилась:

— Восемь-ноль-четыре, пять-пять-пять, три-шесть-три-один. Это чей номер?

— Ошиблись номером, — сказала я. — Я ответила, но там была тишина.

Она нажала клавишу и поднесла телефон к уху.

— Что ты делаешь? — удивилась я.

— Звоню тому, кто звонил тебе. Может, Джеб звонил тебе с чужого телефона?

— Это не он, — произнесла я с уверенностью.

— Восемьсот четыре — код Вирджинии, — подала голос Дорри. — Джеб тайно уехал в Вирджинию?

— *Нет*, — ответила я.

Это Теган пыталась ухватиться за соломинку, а не я. Но когда она подняла палец, призывая нас помолчать, мое сердце все равно забилось быстрее.

— Алло, — сказала Теган. — Простите, а кто это звонит?

— Это *ты* им позвонила, дуреха, — заметила Дорри.

Теган покраснела.

— Извините, — продолжала она. — Я хотела сказать: «С кем я *говорю*»?

Дорри подождала примерно полсекунды.

— Ну? Кто это?

Теган помахала рукой, что означало: «Тсс, не отвлекай».

— Я? — сказала она таинственному незнакомцу. — Нет, это безумие. И если бы я *выбросила* телефон в сугроб, стала бы я...

Поморщившись, Теган отняла телефон от уха. Из динамика послышались писклявые голоса, похожие на голоса персонажей из «Элвина и бурундуков».^[8]

— Сколько вам лет? — снова заговорила Теган. — Эй, хватит передавать телефон по кругу! Я хочу знать только... Простите, может, перейдем к... — У нее отвисла челюсть. — Нет! Ни за что. Все, я отключаюсь, а вы... идите на качелях покачайтесь.

Она завершила вызов.

— Нет, вы представляете? — возмущенно сказала она, глядя на нас с Дорри. — Им восемь лет — восемь! — и они хотят, чтобы я научила их целоваться с мальчиками по-французски. Их срочно пора перевоспитать.

Мы с Дорри переглянулись. Дорри повернулась к Теган:

— Адди звонила восьмилетняя девочка?

— И не одна. Там их целая стая, и все кудахчут. Кудах-тах-тах. — Она потрянула головой. — Надеюсь, мы в их возрасте не были такими противными.

— Теган, — укоризненно сказала Дорри, — переходи к делу, детка. Ты узнала, почему эта стая восьмилеток звонила Адди?

— А. Ну да, извини. Не думаю, что звонили они. Малявки сказали, что телефон чужой, они подобрали его всего пару часов назад. Какая-то девушка выбросила его в сугроб.

— Чего? — Дорри вскинула брови.

У меня зачесались ладони. Мне совсем не понравилось услышать об этой девушке.

— Да объясни, в чем дело, — потребовала я.

— Ну, — сказала Теган, — я не уверена, что они знают, о чем говорят, но они *сказали*, что та девушка...

— Которая выбросила телефон? — перебила ее Дорри.

— Ага. Они сказали, что она была с парнем, и они сразу поняли, что это *любо-о-овь*, потому что парень «смачно чмокнул» девушку. А потом они попросили меня научить их целоваться по-французски!

— По телефону нельзя научить целоваться по-французски, — сказала Дорри. — К тому же им по восемь! Это же дети! Им ни к чему целоваться по-французски, точка. «Смачно чмокнул»?.. Боже мой!

— Теган, — сказала я, — парень, о котором они говорили, это Джеб?

Веселье сошло с лица Теган у меня на глазах. Она прикусила губу, снова разблокировала мой телефон и повторила вызов.

— Я позвонила не для того, чтобы с вами трепаться, — тут же сказала она, отняла телефон от уха, морщась, и снова поднесла обратно. — Нет! Тс-с-с! У меня к вам один и только один вопрос. Тот парень с девушкой... как он выглядел?

В динамике телефона стрекотали бурундуки, но разобрать слов я не могла. Я наблюдала за выражением лица Теган и грызла ноготь на большом пальце.

— Ага, — кивнула Теган. — Да? Ой, это так мило!

— Теган, — процедила я сквозь зубы.

— Мне пора, пока, — сказала Теган и прервала соединение. Она повернулась ко мне: — Это точно не Джеб, потому что тот парень кудрявый. Так что... ура! Дело раскрыто!

— А почему ты сказала «это так мило»? — обратилась к ней Дорри.

— Они сказали, что после того, как он поцеловал девушку, которая выбросила телефон, парень исполнил дурацкий радостный танец, поднял вверх кулак и прокричал: «Джубили!»

Дорри округлила глаза, и на лице ее читалось: «Ох, жуть какая».

— Что? — пожала плечами Теган. — Разве тебе самой не хотелось бы, чтобы твой парень вскричал «Джубили!» после поцелуя?

— Может, они просто только что съели десерт? — предположила я.

Подруги посмотрели на меня.

Я посмотрела на них:

— Ну, вишневый десерт. Вишенки «джубили». Поняли?

Дорри снова повернулась к Теган.

— Нет, — сказала она, — мне бы не хотелось, чтобы мой парень кричал «Джубили!» из-за моей вишенки.

Теган захихикала, но, увидев, что я не смеюсь, осеклась.

— Но это точно не Джеб, — повторила она. — Разве это не здорово?

Я не ответила. Мне не хотелось, чтобы Джеб целовал незнакомых девушек в Вирджинии, но, если бы поцелуйный патруль восьмилеток что-то *знал* о Джебе, я бы с удовольствием их выслушала. Ну, предположим, они увидели бы *не* кудрявого парня, который не целовал бы девушку, а застрял бы в туалете, например. Если бы поцелуйный патруль рассказал об этом Теган, то для меня это были бы хорошие новости, потому что я узнала бы, что у Джеба имелся повод не прийти на встречу со мной.

Хотя я конечно же вовсе не хотела, чтобы Джеб застрял в туалете.

— Адди? Ты в порядке? — спросила Теган.

— Вы верите в волшебство Рождества? — спросила я в свою очередь.

— А? — произнесла Теган.

— Я не верю. Я еврейка, — заявила Дорри.

— Да, знаю, — кивнула я. — Прости, что-то туплю.

Теган посмотрела на Дорри:

— Ты веришь в волшебство Хануки?

— Чего?

— А! Знаю! В ангелов! — воскликнула Теган. — Вы верите в ангелов?

Теперь уже мы с Дорри уставились на нее.

— Ты первая об этом заговорила, — обращаясь ко мне, сказала Теган. — Волшебство Рождества, волшебство Хануки, волшебство праздников... — Она вытянула руки ладонями вверх, намекая на то, что вывод очевиден. — *Ангелы*.

Дорри фыркнула. Я фыркать не стала, наверное, потому, что моему одинокому сердцу хотелось именно встречи с ангелом, хотя мне и не хотелось произносить это слово.

— В прошлом году на Рождество, после того как он поцеловал меня в «Старбаксе», Джеб пришел ко мне домой, и мы с ним, мамой, папой и Крисом смотрели фильм «Эта прекрасная жизнь», — сказала я.

— А, я видела это кино, — сказала Дорри. — Там Джеймс Стюарт собирается прыгнуть с моста, потому что ему жить надоело?

Теган указала на меня пальцем:

— Да, а *ангел* его отговаривает.

— Вообще-то, тогда Кларенс еще не был ангелом, — уточнила Дорри. — Чтобы *стать* ангелом, ему нужно было спасти Джеймса Стюарта, доказать тому, что стоит жить. У Кларенса все получилось, и он получил крылья!..

— Да, я помню, — подхватила Теган. — Там в самом конце еще был серебряный колокольчик на елке, и он такой: «Дзинь-бзинь», хотя его никто не трогал.

— «Дзинь-бзинь»? Теган, ты меня убиваешь, — засмеялась Дорри.

— И дочурка Джеймса Стюарта сказала: «Учительница говорит, что каждый раз, когда звонит колокольчик, ангел получает крылья», — закончила Теган.

И радостно вздохнула.

Дорри развернула стул, и теперь они с Теган смотрели на меня. Теган потеряла равновесие, но схватилась за подлокотник и удержалась на стуле.

— Волшебство Рождества, волшебство Хануки, «Эта прекрасная жизнь», — проговорила Дорри, удивленно подняв брови. — Адди, может,

объяснишь, как все это связано?

— Не забудь про ангелов, — подсказала Теган.

Я села на край кровати:

— Я знаю, что поступила ужасно, и знаю, что сделала Джебу очень, очень, очень больно. Но я *раскатаюсь*. Разве это ничего не значит?

— Ну конечно значит, — сказала Теган, желая меня утешить.

К горлу подступил комок. Я боялась взглянуть на Дорри, потому что знала: она закатит глаза.

— Если это правда... — Слова почему-то давались мне с трудом. — Если это правда, то где же *мой* ангел?

(глава четвертая)

— Ангелы, шмангелы, — проговорила Дорри. — Забудьте про ангелов.

— *Нет*, не забывайте про ангелов, — сказала Теган, щелкнув Дорри по носу. — Ты же только притворяешься Гринчем,^[9] да? Ты же не серьезно.

— Я не Гринч, — ответила Дорри. — Я реалистка.

Теган поднялась со стула у компьютера и села рядом со мной.

— То, что Джеб тебе не позвонил, еще ни о чем не говорит. Может, он уехал в заповедник, к папе. Разве он не говорил, что в запе плохая связь?

Джеб приучил нас называть заповедник «запом», потому что это звучало круто и по-свойски. Но когда Теган назвала его так, я только сильнее расстроилась.

— Джеб правда ездил в зап, — сказала я. — Но он уже вернулся. Гадкая Бренна в понедельник *заявилась* в «Старбакс» с Мэдоу и *выложила* все планы Джеба на рождественские каникулы, пока стояла в очереди. Она сказала: «Так жалко, что Джеб уехал! Но в Рождество он приедет обратно на поезде. Наверное, встречу его на вокзале».

— Ты поэтому написала ему по электронной почте? — предположила Дорри. — Потому что слышала, как Бренна о нем говорила?

— Не *поэтому*, хотя это и связано. — Мне не нравилось, как она на меня смотрела. — И что?

— Может, он где-то застрял из-за метели? — в свою очередь предположила Теган.

— И *все еще* не выбрался? И не позвонил потому, что выбросил телефон в сугроб, как та девушка? И компьютером он воспользоваться не может, потому что ночует в собственноручно построенном иглу и там нет электричества?

Теган нервно пожала плечами:

— Наверное.

— В голове не укладывается, — вздохнула я. — Он не пришел, не позвонил, не написал. Вообще ничего не сделал.

— Может, он просто хотел разбить твое сердце так, как ты разбила сердце ему, — заключила Дорри.

— Дорри! — У меня снова слезы брызнули из глаз. — Зачем ты такое говоришь?!

— Или нет. Я не знаю. Но Эддс... ты сделала ему *очень* больно.

— Знаю! Я сама только что об этом сказала!

— Ты нанесла ему ужасную, глубокую, незаживающую рану. Как Хлоя, когда она бросила Стюарта.

Хлою Ньюланд и Стюарта Вайнтрауба в грейстаунской школе знали все: Хлоя изменяла Стюарту, а Стюарт никак не мог ее забыть. И угадайте, где они расстались? В «Старбаксе». Хлоя целовалась с другим парнем — в туалете! развратница! — а потом пришел Стюарт, и все произошло у меня на глазах.

— Ого, — выдохнула я.

Сердце заколотилось, потому что я вспомнила, что в тот день ужасно разозлилась на Хлою. Я подумала, что так изменять своему парню — это... бессердечно. Я велела ей уйти, и Кристине пришлось провести со мной воспитательную беседу. Она сказала, что в будущем мне не следует выгонять из «Старбакса» клиентов только за то, что они ведут себя как бессердечные сучки.

— Ты говоришь... — Я пыталась понять, что означало выражение лица Дорри. — Ты говоришь, что я — Хлоя?

— Конечно нет! — вмешалась Теган. — Она не говорит, что ты — Хлоя. Она говорит, что Джеб — Стюарт. Правильно, Дорри?

Дорри не ответила. Я знала, что ей жалко Стюарта, потому что все девочки в нашем классе его жалели. Он был милым мальчиком, а Хлоя обращалась с ним как с тряпкой. Но Дорри сочувствовала ему не только поэтому: кроме нее, Стюарт был единственным евреем в нашей школе, и между ними было что-то вроде родства.

Я сказала себе, что Дорри заговорила о Стюарте и Хлое именно поэтому. И что она вовсе *не хотела* сравнивать меня с Хлоей. Та была не просто бессердечной сучкой, она еще и красила губы красной помадой, которая ей не шла совершенно.

— Бедный Стюарт, — проговорила Теган. — Мне так хочется, чтобы он нашел девушку, которая заслуживает такого парня, как он.

— Да, да, — кивнула я. — Я обеими руками за то, чтобы Стюарт нашел

настоящую любовь. Вперед, Стюарт! Но, Дорри, повторяю вопрос: ты говоришь, что в этой ситуации я — Хлоя?

— *Нет*, — коротко сказала Дорри.

Она зажмурилась и потерла лоб, как будто у нее заболела голова, а потом опустила руку и посмотрела мне в глаза:

— Аделина, я люблю тебя и всегда буду любить, но...

У меня по спине побежали мурашки. После слов «Я люблю тебя, но...» ничего хорошего ждать не приходилось.

— Но что?

— Ты заикливаешься на своих проблемах. Это со всеми бывает, я не говорю, что мы так не делаем. Но ты сделала из этого целое искусство. И иногда...

Я встала с кровати и снова обмотала одеяло вокруг головы и прихватила его рукой под подбородком:

— Да?

— Ну, иногда ты беспокоишься о себе сильнее, чем о других.

— Значит, ты *говоришь*, что я Хлоя! Ты говоришь, что я эгоистичная, бессердечная *сучка*!

— Ты не бессердечная, — поспешно сказала Дорри. — Вовсе не бессердечная.

— И ты не... — Теган перешла на шепот. — Ну, ты понимаешь. Ты вовсе не *такая*.

Я заметила, что ни одна, ни другая не стала спорить с тем, что я «эгоистичная».

— Ох... — Я покачала головой. — У меня проблемы, а мои лучшие подруги сговариваются и нападают на меня!

— Мы на тебя не нападаем! — возразила Теган.

— Простите, я вас не слышу, — заявила я. — У меня приступ эгоизма.

— Нет, ты нас не слышишь, потому что у тебя одеяло на башке! — сказала Дорри. Она подошла ко мне. — Я думаю...

— Ла-ла-ла! Я тебя не слышу!

— ...что вам с Джебом не стоит быть вместе, если ты не уверена.

Мое сердце бешено колотилось. Я находилась в собственной комнате с лучшими подругами и до смерти боялась того, что собиралась сказать мне одна из них.

— Уверена в чем? — процедила я.

Дорри стянула с меня тюрбан.

— В своем мейле ты написала, что изменилась, — осторожно заговорила она. — Но я сомневаюсь, что ты изменилась на самом деле. Ну,

заглянула ли ты себе в душу, чтобы понять, что именно тебе *нужно* изменить?

Перед глазами у меня пошли пятна. Вполне возможно, что это гипервентиляция и я скоро упаду в обморок, ударюсь головой и *умру*, залив алой кровью одеяло.

— Уходи! — Я указала Дорри на дверь.

Теган съежилась.

— Адди... — сказала Дорри.

— Я серьезно — уходи. Мы с Джебом *не вместе*, так? *Потому что он не пришел*. Так какая разница, изменилась ли я «на самом деле» или нет? Никакой чертовой разницы!

Дорри подняла руки вверх:

— Ты права. Я дура. Не вовремя это сказала.

— Ну, еще бы. А еще притворяешься моей подругой!

— Она *и есть* твоя подруга, — заметила Теган. — Прекратите ссориться, а?

Я отвернулась и краем глаза заметила свое отражение в зеркале комода. На мгновение я себя даже не узнала: не мои волосы, хмурое, не мое лицо, страдальческие, не мои глаза. *Что это за психованная девчонка?* — подумала я.

Я почувствовала, как на мое плечо опустилась рука.

— Адди, прости, — сказала Дорри. — Я наговорила всякой фигни, как обычно. Просто я... — Она осеклась, и на этот раз я не сказала: «Ты просто что?» — Прости, — повторила она.

Я впилась пальцами в одеяло и спустя несколько бесконечных секунд едва заметно кивнула. *Но все равно ты дура*, мысленно проговорила я, хотя и знала, что это не так.

Дорри сжала мое плечо, а потом его отпустила:

— Нам, наверное, пора идти, правда, Теган?

— Ну, наверное, — отозвалась та, теребя край своей футболки. — Только я не хочу, чтобы наша встреча закончилась плохо. Сегодня ведь Рождество.

— Оно уже плохо закончилось, — пробормотала я.

— Ничего подобного, — робко улыбнулась Дорри. — Мы помирились. Правда, Адди?

— Я не об *этом*, — сказала я.

— Стойте! — воскликнула Теган. — Хочу рассказать вам кое-что хорошее — кое-что, совсем не связанное с грустью, разбитыми сердцами и ссорами. — Она умоляюще посмотрела на нас. — Вы меня выслушаете?

— Конечно, — ответила я. — Ну, я выслушаю. Насчет Гринча не знаю.

— Хорошие новости я с удовольствием послушаю, — сказала Дорри. — Они о Гаврииле?

— Гавриил? Кто такой Гавриил? — удивилась я. — Потом вспомнила: — А! Гавриил!

Я не стала смотреть на Дорри, потому что не хотела, чтобы она воспользовалась этим как доказательством того, что я думаю только о себе.

— Как раз перед тем, как мы сюда пошли, мне сообщили офигительнейшие новости, — начала Теган. — Я просто не хотела о них говорить, пока мы разбираемся с проблемами Адди.

— По-моему, мы разобрались с проблемами Адди, — заметила Дорри. И обратилась ко мне: — Адди? Мы разобрались с твоими проблемами?

Мы никогда не разберемся с моими проблемами, подумала я.

Потом села на пол, потянула Теган за руку, понуждая ее сесть рядом, и даже не забыла оставить место для Дорри.

— Ну, расскажи нам свои хорошие новости, — сказала я.

— Это новости *про* Гавриила, — объявила Теган и улыбнулась. — Завтра он уже будет дома!

(глава пятая)

— Я сделала ему кроватку, — рассказывала Теган. — Приготовила игрушечного поросенка, с которым ему будет уютно, и виноградную жвачку, десять штук.

— Точно, Гавриил обожает виноградную жвачку! — сказала Дорри.

— Свиньи едят жвачку? — удивилась я.

— Не едят, а жуют, — уточнила Теган. — У меня есть для него одеялко, поводок и поросятчий туалет. Все есть, ну разве что кроме грязи, чтоб валяться, но ведь он и в снегу может поваляться, правда?

Мне пришлось силой заставить себя забыть о виноградной жвачке.

— Почему бы и нет? — сказала я. — Теган, это здорово!

Ее глаза сияли.

— У меня будет поросенок, свой собственный поросенок, и все благодаря вам!

Я не смогла удержаться от улыбки. У милашки Теган была еще одна невероятно трогательная черта.

Она обожала свинок.

Действительно обожала свинок. Если уж она говорит, что хрюшки жуют жвачку, — значит, они ее жуют. Кому об этом знать, как не Теган.

Комната Теган была настоящим свиноцентром: фарфоровые свинки, хрустальные свинки, резные деревянные свинки, куда ни посмотри. Каждое Рождество мы с Дорри дарили ей новую свинку для коллекции. (Конечно же мы с Теган дарили подарки Дорри и на Хануку. На этот раз мы заказали ей на клевом сайте «Дочери раввина» белую футболку с черными рукавами и надписью «Есть хуцпа?»)^[10]

Теган давно хотела завести настоящую домашнюю свинку, но ее родители были против. Ее папа воображал себя великим юмористом, и поэтому в ответ на просьбу дочери он обычно хрюкал и говорил:

— Когда у свиней крылья отрастут, солнышко.

Мама Теган была не такая противная, но тоже несговорчивая.

— Теган, тот милый поросенок, о котором ты мечтаешь, вырастет и будет весить четыреста килограммов, — сказала она.

Я понимала, что она права. Четыреста килограммов — это же целых *восемь* Теган! Заводить питомца, который весит в восемь раз больше тебя, не самая разумная идея.

Но потом Теган нашла — барабанная дробь! — карликовых декоративных свинок, мини-пигов. Они безумно милые. В прошлом месяце Теган показала нам с Дорри сайт про них, и мы вместе охали и ахали, глядя на фотографии малюсеньких хрюшек, которые, представьте, умещаются в чайную чашку. Больше двух килограммов они не набирают, а значит, мини-пиги в двадцать пять раз легче Теган. Всяко лучше, чем хрюндель в четыреста килограммов.

Теган поговорила с заводчиком свиней, а потом с ним поговорили ее родители. А мы с Дорри в это время поговорили с другой разводчицей хрюшек.

Когда родители Теган дали официальное согласие, все было уже решено: последняя из карликовых свинок нашей заводчицы была оплачена и закреплена за новой владелицей.

— Девчонки! — взвизгнула Теган, когда мы ей об этом сообщили. — Вы лучшие подруги в мире! Но... что если мои родители были бы против?

— Нам пришлось рискнуть, — ответила Дорри. — Карликовых свинок очень быстро раскупают.

— Это правда, — подтвердила я. — Они просто разлетаются с прилавков.

Дорри застонала, и это меня взбесило.

Я взмахнула руками, как крыльями, со словами:

— Лети! Лети домой, поросенок!

Мы были уверены, что Гавриил, если можно так выразиться, уже летел

домой. На прошлой неделе Теган узнала от заводчицы свинок, что Гавриила отняли от свиноматки, и Теган и Дорри собрались поехать на свиноферму «Фэнси Нэнси», чтобы его забрать. Свиноферма располагалась в Мэгги-Вэлли, в трех сотнях километров от нас, но подружки легко могли успеть за день съездить туда и обратно.

А потом началась метель. Прощай, план.

— Нэнси сегодня звонила, и угадай, что она сказала? — обратилась ко мне Теган. — Дороги в Мэгги-Вэлли не так уж и замело, так что она решила поехать в Эшвилль на Новый год. А раз уж Грейстаун находится у нее на пути, она заедет в «Мир питомцев» и оставит Гавриила там. Я уже завтра смогу его забрать!

— В «Мир питомцев» напротив «Старбакса»? — спросила я.

— Зачем? — сказала Дорри. — Разве нельзя сразу привезти его к тебе домой?

— Нельзя, потому что дороги еще не расчистили, — ответила Теган. — Хозяин магазина — приятель Нэнси, он оставит ей ключ. Нэнси сказала, что прикрепит к переноске с Гавриилом записку: «Не отдавать эту свинку на усыновление никому, кроме Теган Шепард»!

— «Не отдавать эту свинку на усыновление»? — удивилась я.

— Так говорят в этом магазине. Не «продать», а «отдать на усыновление», — пояснила Дорри. — И слава богу, что Нэнси оставила записку. Ведь магазин уже наверняка осаждают тысячи покупателей, которым не терпится заполучить поросенка размером с чайную чашку.

— Ой, да помолчи, — сказала Теган. — Я поеду в город и заберу его в ту же секунду, как только дорогу расчистят. — Она сложила руки в молитвенном жесте. — Пусть наш район расчистят раньше остальных, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Размечталась, — язвительно произнесла Дорри.

И тут меня осенило.

— Слушайте, — сказала я, — мне завтра на работу в первую смену, папа разрешит мне поехать на «эксплорере».

Дорри, вскинув руки и сжав кулаки, изобразила силача со словами:

— У Адди есть «эксплорер»! Ей не нужен снегоочиститель!

— Вот именно, «эксплорер» — это круто, — сказала я. — Не то, что хилый «сивик».

— Эй, не обижайте «сивик», — возмутилась Теган.

Дорри издевательски улыбнулась:

— Дорогая, ну как же нам не обижать «сивик»?..

— Короче, — прервала ее я, — если нужно зайти за Гавриилом, то я с

радостью.

— Правда? — обрадовалась Теган.

— А «Старбакс» вообще работать-то будет? — скептически произнесла Дорри.

— Ни в дождь, ни в снег, ни в град не закроет двери «Старбакс», — отчеканила я.

— Это девиз почтальонов, а не «Старбакса», — возразила Дорри.

— Да, но, в отличие от почтальонов, «Старбакс» выполняет обещания. Они будут работать, я тебе гарантирую.

— Адди, там сугробов в три метра намело.

— Раз Кристина сказала, что мы будем работать, значит, будем. — Я повернулась к Теган: — Завтра поеду в город рано утром и смогу забрать Гавриила.

— Ура! — вскричала Теган.

— погоди, — сказала мне Дорри. — Ты ничего не забыла?

Я наморщила лоб.

— Натан Кругл, — напомнила она. — Работает в «Мире питомцев» и на дух не переносит тебя?

У меня опустились руки. Со всеми этими разговорами о поросятах я совсем забыла о Натане. Как я могла забыть о Натане?

Я подняла голову:

— Ну что за пессимизм? С Натаном я разберусь — если он вообще завтра работает, что вряд ли. Наверняка уехал на какой-нибудь очередной слет фанатов «Звездного пути».

— Ну вот, ты уже придумываешь отговорки, — заметила Дорри.

— *He-e-ет*. Наоборот, я демонстрирую полную самоотверженность. Даже если Натан будет там, я все сделаю ради Теган.

Дорри посмотрела на меня недоверчиво.

Я повернулась к Теган:

— В девять часов возьму перерыв и первой войду в «Мир питомцев», хорошо?

Я прошла к письменному столу, подвинула наклейки с логотипом «Хелло, Китти» и на верхней фиолетовым фломастером написала: «Не забыть поросенка». Потом прошла к комоду, вытащила оттуда футболку, в которой завтра собиралась пойти на работу, и наклепила на нее наклейку.

— Рада? — сказала я, демонстрируя футболку Теган и Дорри.

— Рада, — с улыбкой ответила Теган.

— Спасибо, Теган, — торжественно произнесла я, намекая тем самым Дорри, что ей не помешало бы поучиться у Теган доверию к подруге. — Я

тебя не подведу, обещаю.

(глава шестая)

Теган и Дорри попрощались со мной, и объятия и добрые пожелания заставили меня забыть о разбитом сердце почти на две минуты. Но стоило подругам уйти, как у меня снова опустились руки. *Привет!* — сказала грусть. — *Я верну-у-лась. Соскучилась?*

На этот раз грусть вернула меня в прошлое воскресенье, в худший день моей жизни. Наутро после вечеринки у Чарли я приехала к Джебу — без предупреждения, — и сначала он был рад меня видеть.

— Куда ты вчера убежала? — сказал он. — Я не мог тебя найти.

Я заплакала. В его темных глазах отразилось беспокойство.

— Адди, ты все еще злишься? Из-за нашей ссоры?

Я попыталась ответить. Но не смогла.

— Это была даже не ссора, — успокоил он меня. — Так, ерунда. — Я разрыдалась, и он сжал мои руки. — Я люблю тебя, Адди. И я постараюсь, чтобы ты это видела. Хорошо?

Если бы в комнате возникла скала, я бы с нее сбросилась. Если бы у него на тумбочке лежал кинжал, я вонзила бы его себе в грудь.

Вместо этого я рассказала ему о катастрофе с Чарли.

— Мне очень жаль, — проговорила я сквозь слезы. — Я думала, что мы всегда будем вместе. Я хотела, чтобы мы всегда были вместе!

— Адди... — только и сказал Джеб.

Он все еще пытался понять, что происходит, но в ту секунду — я знала об этом, потому что хорошо знала Джеба, — переживал из-за того, что я расстроилась. *Это* было для него самой насущной проблемой, и он крепко сжал мои руки.

— Перестань! — сказала я. — Почему ты так добр ко мне, ведь мы расстаемся?!

Мои слова его обескуражили.

— Ты бросаешь меня? Ты... ты хочешь быть с Чарли, а не со мной?

— Нет. Господи, нет. — Я резко высвободила руки. — Я изменила тебе, испортила *все*, и... — Слезы душили меня. — И мы должны расстаться!

Он все еще не понимал:

— Но... что, если я не хочу с тобой расставаться?

Слезы душили меня, и я подумала — нет, поняла, — что Джеб был намного лучше меня. Он был самым прекрасным, самым замечательным парнем на свете, а я была полным дерьмом, не достойным даже того, чтобы

он на меня наступил. Я жопень. Такой же полный жопень, как Чарли.

— Мне пора идти, — сказала я и шагнула к двери.

Он схватил меня за запястье. «Не уходи, пожалуйста», — было написано у него на лице.

Но я должна была это сделать. Разве он не понимал?

Я вырвалась и заставила себя произнести роковые слова:

— Джеб... все кончено.

Он стиснул зубы, и меня охватило злорадство. Он *должен* злиться на меня. Он *должен* меня презирать.

— Иди, — сказал он.

И я ушла.

И теперь... теперь я стояла у окна своей спальни, наблюдая за тем, как Дорри и Теган становятся все меньше и меньше. Снега было много, очень много, и весь он серебрился в лунном свете. От одного его вида мне стало холодно.

Я подумала, сможет ли Джеб когда-нибудь меня простить.

Я подумала, перестану ли я когда-нибудь чувствовать себя такой несчастной.

Я подумала, чувствует ли Джеб себя сейчас таким же несчастным, как я, и удивилась тому, что мне совсем не хочется, чтобы он был несчастен. Ну, разве что самую чуточку — или немного больше. Но я точно не хотела, чтобы его сердце превратилось в мерзлый комок досады. У него доброе сердце, и именно поэтому было так странно, что он вчера не пришел.

Но в любом случае, Джеб не был виноват в том, что я натворила, и, где бы он ни был, я надеялась, что на сердце у него тепло.

(глава седьмая)

— Бр-р-р, — произнесла Кристина, открывая входную дверь «Старбакса» в полпятого на следующее утро. В четыре тридцать утра, блин! До восхода оставалось еще полтора часа, и парковка казалась призрачной пустошью с бугорками заснеженных машин. Бойфренд Кристины, выруливая на Дирборн-авеню, посигналил ей, и она повернулась и помахала ему рукой. Он уехал, и мы остались наедине со снегом у темного магазина.

Кристина открыла дверь, и я поспешила внутрь следом за ней.

— Там холодрыга, — сказала она.

— Заметила, — сказала я.

Даже с зимней резиной и цепями дорога от моего дома до «Старбакса»

была опасной. Я насчитала около дюжины машин, брошенных не такими смелыми водителями, как я. В одном сугробе осталась вмятина от внедорожника или какого-то другого огромного автомобиля. Как такое могло произойти? Какой идиот мог не заметить двухметровой стены снега?

Пока не приедет снегоочиститель, Теган на своем хиллом «сивике» явно никуда не уехать.

Я отряхнула комья снега с сапог, сняла их и в носках прошла в подсобку. Там щелкнула шестью выключателями возле батареи, и зал осветился.

Наш «Старбакс» — рождественская звезда, которую зажгли ангелы, подумала я, представив, что наша кофейня — единственное светлое пятно в черном-черном городе. Но Рождество прошло, а ангелов не существует.

Я сняла шапку и пальто, надела черные сапоги под цвет брюк и налепила записку «Не забыть поросенка» на свою форменную футболку «Старбакса» с надписью: «Вы закажите — мы сделаем». Дорри потешалась над моей форменной футболкой так же, как и над всем, что было связано с «Старбаксом», но меня это не волновало. «Старбакс» был моим убежищем. Но сейчас он навевал мне грусть, потому что напоминал о Джебе.

И все же я находила утешение в его запахах и звуках — и особенно в музыке. Зовите ее «коммерческой», «консервированной» или какой хотите, но в «Старбаксе» играла отличная музыка.

— Эй, Кристина, — крикнула я, — включим «Аллилуйю»?

— Конечно! — воскликнула она.

Я вставила в проигрыватель диск «Возвышение: Песни духа»^[11] (кстати, Дорри говорила, что ее от этого диска тошнит) и выбрала седьмой трек. Запел Руфус Уэйнрайт, и я подумала: *Ах, райские звуки «Старбакса».*

Дорри, как и сто тысяч миллионов других людей, насмехавшихся над «Старбаксом», не понимала одного: в «Старбаксе» работали точно такие же люди, как они. Да, «Старбакс» принадлежит какому-то толстосуму, и да, это сеть кафе. Но Кристина — местная, и она живет в Грейстауне, так же как и Дорри. И я тоже. И остальные девочки-баристы. Поэтому — какая разница?

Я вышла из подсобки и принялась распаковывать коробки с выпечкой, которые привез Карлос, парень из нашей службы доставки. Я все время отвлекалась, поглядывая на фиолетовые кресла у входа, а обезжиренные маффины с голубикой расплывались перед глазами из-за слез.

Хватит, приказала себе я. Соберись, или день будет длинным.

— Ого, — сказала Кристина, встав передо мной. — Ты постриглась.

Я подняла голову:

— М-м... да.

— И покрасилась в розовый.

— Это ведь не проблема?

В «Старбаксе» действовало правило, запрещавшее видимые татуировки, кольца в носу и другой пирсинг на лице. То есть татуировки и пирсинг иметь было можно, а вот демонстрировать их — нельзя. Краситься в розовый цвет, кажется, не возбранялось. Хотя мы, конечно, никогда этого не обсуждали.

— Гм. — Кристина внимательно оглядела меня. — Нет, все нормально. Просто я не ожидала.

— И я тоже, — шепотом сказала я.

Мне не хотелось, чтобы Кристина меня услышала, но она все равно услышала.

— Адди, все хорошо? — поинтересовалась она.

— Конечно, — ответила я.

Заметив наклейку на моей футболке, Кристина нахмурилась:

— И какого же поросенка ты не должна забыть?

— Что? — Я опустила глаза. — Э-э... не обращай внимания.

Я подозревала, что поросята в «Старбаксе» тоже запрещены, и не видела смысла злить Кристину, рассказывая ей всю историю. Если спрятать Гавриила в подсобке, как я задумала, она о нем никогда не узнает.

— Ты уверена, что все хорошо? — проговорила она.

Я широко улыбнулась и оторвала записку:

— Лучше не бывает!

Кристина вернулась к кофе-машине, и я сложила записку вдвое и сунула ее в карман. Потом подтащила выпечку к стеклянному шкафчику и, надев полиэтиленовые перчатки, принялась ее туда выкладывать. Кафе наполняли звуки голоса Руфуса Уэйнрайта, который пел «Аллилуйю», я начала подпевать, и меня охватило почти приятное чувство, ну, знаете: «Жизнь — отстой, но есть же на свете хорошая музыка».

Но когда я вслушалась в слова — внимательно вслушалась, а не как раньше, — это почти приятное чувство ушло. Мне всегда казалось, что раз в этой песне столько «аллилуй», то она, наверное, вдохновляющая и поется в ней о Боге или о чем-то в этом духе. Но оказалось, что кроме «аллилуй» в ней были и другие слова, совсем не воодушевляющие.

Руфус пел о любви и о том, что любовь не может существовать без веры. Я замерла, потому что то, о чем он пел, было мне очень хорошо знакомо. Я прислушалась еще внимательней и с ужасом поняла, что это

песня о парне, которого предала возлюбленная. А эти трогательные «аллилуйи»? Они были не воодушевляющими, а... «холодными и искаженными» — ведь так и пелось в припеве!

Почему мне вообще нравилась эта песня? Она же стремная!

Я направилась к проигрывателю, желая сменить диск, но не успела: началась новая песня. Зазвучала госпел-версия «Восхитительной благодати»,^[12] и я подумала: *Что ж, это намного лучше искаженных аллилуй.* И еще: *Пожалуйста, Господи, мне нужна Твоя благодать.*

(глава восьмая)

В пять часов мы закончили утренние приготовления, а в 5:01 в нашу стеклянную дверь постучался первый клиент, и Кристина официально открыла нашу кофейню.

— Счастливого дня после Рождества, Эрл, — сказала она крупному мужчине, стоявшему снаружи. — Не ожидала тебя сегодня увидеть.

— Думаешь, моим клиентам не все равно, какая на улице погода? — сказал Эрл. — Ошибаешься, дорогая.

Он вразвалку прошел внутрь, впусив за собой струю морозного воздуха. Это был розовощекий здоровяк в красно-черной ушанке, похожий на лесоруба — что неудивительно, ведь он и *был* лесорубом. Он водил грузовик, позади которого мне было бы страшно ехать на горной дороге. Во-первых, ездил Эрл с умопомрачительной скоростью в тридцать километров в час, а во-вторых, прицеп его был нагружен бревнами — *огромными* бревнами, уложенными в пять-шесть рядов. Стоило ограничителям не выдержать — и эти бревна скатились бы и расплющили меня, как пластиковый стаканчик.

Кристина зашла за барную стойку и включила кофеварку.

— Здорово, наверное, когда ты нужен людям, а?

Эрл хмыкнул. Он проковылял к кассе, посмотрел на меня, прищурившись, и сказал:

— Что ты сделала с волосами?

— Я их остригла, — сказала я, наблюдая за выражением его лица, — и покрасила. — Он молчал, и я спросила: — Нравится?

— А какая разница? — ответил он. — Это твои волосы.

— Я знаю. Но...

Я поняла, что не знаю, что мне сказать. Почему мне *было* так важно, нравится Эрлу моя прическа или нет? Опустив взгляд, я взяла у него деньги. Он всегда заказывал одно и то же, поэтому можно было не задавать

вопросов.

Кристина добавила в мокко с малиной для Эрла щедрую порцию взбитых сливок, сбрызнула их ярко-красным сиропом из малины и накрыла все это сверху белой пластмассовой крышечкой.

— Готово, — объявила она.

— Спасибо, девушки, — сказал Эрл.

Он поднял стакан так, как делают перед произнесением тоста, и вышел.

— Думаешь, приятели-дровосеки Эрла смеялись над ним за то, что он пьет такие девчачьи напитки? — обратилась я к Кристине.

— Ну, разве что разок, — ответила она.

Звякнул колокольчик над входной дверью. Парень придержал ее, пропуская свою девушку. По крайней мере, я решила, что они пара, потому что они напоминали пару — влюбленные и смешные. Я сразу же вспомнила о Джебе — я не думала о нем целых две секунды — и почувствовала себя одинокой.

— Ого, еще жаворонки! — заметила Кристина.

— Скорее уж совы.

Парня я помнила со школы. У него были припухшие глаза, и он пошатывался так, будто всю ночь не спал. Девушка, которая тоже показалась мне знакомой, зевала без остановки.

— Слушай, перестань, а? — сказал парень зевающей подружке. Я вспомнила, что его звали Тобин и что он учился классом старше меня. — У меня скоро комплекс выработается.

Девушка улыбнулась и снова зевнула. Как же ее звали? Энджи? Да, Энджи, и девичьей привлекательности в ней было кот наплакал, так что я в сравнении с ней чувствовала себя девочкой-предевочкой. Вряд ли она это нарочно. Она вообще вряд ли знала, кто я такая.

— Вот здорово! — сказал парень. Потом он развел руки в стороны и посмотрел на нас с Кристиной: — Она думает, что я скучный. Я ей *наскучил* — вы представляете?

Я постаралась смотреть на него с приветливым, но ни к чему не обязывающим выражением лица. Тобин носил неряшливые свитеры, дружил с тем парнем из Кореи, который говорил «жопень», и все его приятели были жутко умными. Такими умными, что я чувствовала себя тупой, как черлидерша, хотя не была черлидершей, да и совсем не считала, что черлидерши тупые.

Ну, по крайней мере, не все. Разве что Хлоя-которая-бросила-Стюарта.

— Эй, — сказал Тобин, показывая на меня пальцем, — я тебя знаю.

— Ага, — кивнула я.

— Но раньше твои волосы не были розовыми.

— Не-а.

— Так ты тут *работаешь*? Зашибись. — Он повернулся к девушке: — Она здесь работает. Сто лет, наверное, а я даже не знал.

— Жесть, — сказала девушка.

Она улыбнулась мне и наклонила голову, как бы говоря: «Привет! Прости, не знаю, как тебя зовут».

— Вам чего-нибудь налить? — предложила я.

Тобин пробежал глазами меню.

— Ох, у вас тут эти непонятные обозначения объема напитков, да? Ну, типа, *grandé* вместо «большой»?

Он по-дурацки растянул слово «гранде», изображая француза, и мы с Кристиной переглянулись.

— А нельзя сказать просто «большое латте»? — поинтересовался он.

— Можно, но только гранде — это среднее, — пояснила Кристина. — Большое — это *venti*.

— *Venti*. Да. Боже, почему у вас нельзя сделать заказ на нормальном английском?

— Можно, конечно, — ответила я ему. Несмотря на все сложности, мне требовалось соблюдать равновесие — выполнять желания клиентов и взбрыкивать иногда, чтоб они не позволяли себе чего лишнего. — Так легче запутаться, но я разберусь.

Энджи скривила губы. Это мне понравилось.

— Не-не-не, — проговорил Тобин, демонстрируя жестом, что он берет свои слова обратно. — Чужой монастырь и все такое... Мне... Дай подумать... Можно мне маффинов *venti* с голубикой?

Я не смогла удержаться от смеха. У него был жутко усталый вид, взъерошенные волосы на голове топорщились, и да, он вел себя как идиот. Я была уверена, что он не знает, как меня зовут, хотя и Тобин, и я с первого класса учились в одной школе. Но он очень трогательно смотрел на Энджи, которая смеялась вместе со мной.

— Что? — обескураженно произнес он.

— Размеры — это только для напитков, — сказала она, положила руки ему на плечи и развернула к шкафчику с выпечкой, где выстроились ровной шеренгой шесть одинаковых пухлых маффинов. — Маффины все одинаковые.

— Ну да, они просто маффины, — согласилась Кристина.

Тобин замешкался, и я подумала: *Притворяется несчастным парнем-контркультищиком, которого против воли затащили в Гадкий*

Корпоративный «Старбакс». Но, заметив, как он покраснел, я кое-что поняла. Тобин и Энджи... они вместе совсем недавно. Настолько недавно, что он все еще краснел от ее прикосновений и удивлялся им.

Я вспомнила, как у меня самой в его ситуации бежали мурашки по коже, и меня снова накрыла волна одиночества.

— Я в первый раз в «Старбаксе», — решил оправдаться Тобин. — Серьезно. Первый раз в жизни, так что вы со мной долейте.

Он нащупал руку Энджи, и их пальцы сплелись. Она тоже покраснела.

— Так... тебе только маффин? — спросила я.

Потом открыла стеклянную дверцу шкафчика с выпечкой.

— Не нужен мне ваш дурацкий маффин.

Тобин притворно надул губы.

— Бедняжка, — подыграла ему Энджи.

Тобин посмотрел на нее. Лицо ее казалось нежнее обычного, потому что она была сонной. И почему-то еще.

— Давай самое большое латте, — сказал он мне. — Я с ней поделюсь.

— Конечно, — ответила я. — С сиропом?

Он снова обратил свое внимание на меня:

— Сиропом?

— С фундуком, с белым шоколадом, малиновый, ванильный, карамельный... — перечислила я виды сиропа.

— Картофельный?

Мне на секунду показалось, что он смеется надо мной, но когда Энджи тоже засмеялась — и это был беззлобный смех над шуткой, предназначенной только для них двоих, — я поняла, что *не все* в мире вертится вокруг меня.

— Прости, картофельного нет.

— Ладно. — Он почесал голову. — Тогда...

— Дольче-уайт мокко с корицей, — сказала мне Энджи.

— Отличный выбор.

Я выполнила заказ, и Тобин расплатился пятью долларами, сунув еще пять в кружку для чаевых. Похоже, он все же не был таким уж дураком.

Но когда они отошли, чтобы присесть, я не смогла удержаться от мысли: *Только не в фиолетовые кресла! Это наши с Джебом кресла!* Но конечно же они сели именно в фиолетовые кресла, самые мягкие и удобные. Энджи опустилась в то, что стояло ближе к стене, а Тобин занял другое. В правой руке он держал напиток, а пальцы левой были переплетены с пальцами руки Энджи.

(глава девятая)

К шести тридцати солнце официально начало вставать. Наверное, это было даже красиво, если нравится такое. Новое начало, обновление, теплые лучи надежды...

Ага. Для всех, кроме меня.

В семь часов случился настоящий утренний наплыв посетителей, и я, занявшись приготовлением капучино и эспresso, заставила свой мозг заткнуться хотя бы на время.

Скотт забежал на привычный чай с молоком и специями и, как всегда, заказал стаканчик сметаны на вынос для Мэгги, своего черного лабрадора.

А Диана, воспитательница из детского сада по соседству, заскочила на стаканчик латте с обезжиренным молоком и, роясь в кошельке в поисках скидочной карточки «Старбакса», в стомиллионный раз сказала, что мне следует сменить фотографию на доске «Познакомьтесь с нашими баристами».

— Ты же знаешь, что меня бесит эта фотка, — сказала она. — Ты похожа на рыбу с такими губами.

— А мне нравится, — сказала я.

Джеб сфотографировал меня в прошлый Новый год, когда мы с Теган дурачились, изображая Анджелину Джоли.

— Вот уж не знаю почему, — продолжала Диана. — Ты же на самом деле такая красавица, даже с этой... — она взмахнула рукой, указывая на мою новую стрижку, — *панковской* прически.

Панковская прическа. Господи!

— Она не панковская, — возразила я. — Просто розовая.

Диана нашла карточку и протянула ее мне:

— Ага! Вот, держи.

Я засчитала скидку и вернула карточку Диане, и она помахала ею у меня перед лицом, прежде чем забрать заказ.

— Живо смени фотографию! — приказным тоном произнесла она.

Трое Джонов пришли в восемь часов и, как обычно, сели за столик в углу. Все как один уже пенсионеры, они любили по утрам пить чай и решать sudoku.

Джон Номер Один сказал, что моя новая прическа делает меня «очень секси», и Джон Номер Два велел ему прекратить со мной флиртовать.

— Она тебе во внучки годится, — прибавил он.

— Не волнуйтесь, — заметила я. — Любой, кто произносит слово

«секси», автоматически лишает себя шансов.

— Ты имеешь в виду, что раньше у меня шансы были? — поинтересовался Джон Номер Один.

Бейсболка на его голове походила на птичье гнездо.

— Нет, — ответила я, и Джон Номер Три громко засмеялся.

Он хлопнул ладонью по ладони поднявшего руку Джона Второго, и я покачала головой. *Мальчишки.*

В восемь сорок пять я развязала фартук и объявила, что ухожу на перерыв.

— Отлучусь по делам, — сказала я Кристине, — но скоро вернусь.

— Подожди, — сказала она.

Кристина удержала меня за предплечье, и, проследив за ее взглядом, я поняла почему. В кофейню вошел самый главный чудик Грейстауна, водитель тягача по имени Трэвис, одетый в костюм из фольги. Штаны из фольги, рубашка-куртка из фольги и даже остроконечная шапочка — из фольги.

— Но почему, почему он так одевается? — спросила я, и не в первый раз.

— Может, он рыцарь, — предположила Кристина.

— Или громоотвод.

— Или флюгер, предсказывающий ветер перемен.

— Вот это было бы здорово, — со вздохом сказала я. — Ветер перемен мне бы не помешал.

Подошел Трэвис. Глаза у него были такие светлые, что казались серебряными.

Он даже не улыбнулся мне.

— Эй, Трэвис, — обратилась к нему Кристина. — Чего тебе?

Обычно Трэвис просил воды, но иногда у него хватало мелочи на булочку с кленовым сиропом, это его любимая выпечка. Кстати, и моя тоже. Такие булочки только кажутся сухими, а глазурь из кленового сиропа — вкуснятина.

— Дайте стаканчик на пробу, — хрипло произнес он.

— Конечно, — сказала Кристина, потянувшись за стаканчиком. — Чего тебе?

— Ничего, — ответил он. — Только стаканчик.

Кристина посмотрела на меня, и я пристально вгляделась в Трэвиса, чтобы не смеяться: это было бы грубо. Присмотревшись, я разглядела на его куртке-рубашке из фольги множество себя. Или скорее кусочков себя, изломанной складками фольги.

— Есть вкусное латте с яичным коктейлем, — предложила Кристина. — Это наше фирменное рождественское угощение.

— Только стаканчик, — повторил Трэвис и нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Ладно, ладно.

Кристина протянула ему стаканчик.

Я оторвала взгляд от «себя». Они меня гипнотизировали.

— Поверить не могу, что ты так оделся, особенно сегодня, — проговорила я. — Пожалуйста, успокой меня, скажи, что у тебя под фольгой свитер.

— Под какой фольгой? — сказал он.

— Ха-ха, — произнесла я. — Нет, серьезно, Трэвис, ты замерз?

— Нет, а ты?

— Нет. А с чего бы мне замерзать?

— Не знаю. И правда, с чего?

Я усмехнулась и замолчала. Трэвис хмуро посмотрел на меня из-под своих кустистых бровей.

— Ни с чего, — взволнованно сказала я. — Я не замерзла. Меня полностью устраивает здешний *температурный режим*.

— «Температурный режим», — насмешливо сказал он. — Ты всегда говоришь только о себе, да?

— Что?! Я не... говорю о себе! Просто говорю, что не замерзла!

Он так пристально посмотрел на меня, что я почувствовала зуд во всем теле.

— О'кей, может, я и говорю о себе в *данный момент*, — признала я. — Но вовсе не *всегда*.

— Некоторые люди никогда не меняются, — презрительно пробормотал он и двинулся к выходу, прихватив миниатюрный стаканчик. Но у двери развернулся и сказал на прощание: — И не проси меня насчет буксира. Я в отпуске!

— Вот как, — сказала я. Он обидел меня, но я не хотела, чтобы он это видел. — Очень интересно.

— Еще ни разу не слышала, чтобы Трэвис отказывал кому-то в буксире, — заметила Кристина. — Серьезно, по-моему, ты первая.

— Это правда так необычно? — слабым голосом спросила я.

Она засмеялась, а именно этого я и хотела. Но пока Кристина подкладывала новые салфетки в коробку, я снова вспомнила обращенные ко мне слова Трэвиса: *Ты всегда говоришь только о себе, да?*

Они ужасно напомнили мне то, что мне вчера сказала Дорри: *Заглянула*

ли ты внутрь себя? Ты знаешь, что тебе нужно в себе изменить?

Или что-то в этом роде.

— Эй, Кристина...

— Да?

— Со мной что-то не так?

Она отвела взгляд от салфеток:

— Адди, Трэвис — сумасшедший.

— Я знаю. Но это же не значит, что все, что он говорит, бред сумасшедшего.

— Адди...

— *Кристина*... Скажи мне правду: я хороший человек или эгоистка?

Она задумалась.

— Это обязательно должен быть выбор или/или?

— Ой, ой! — Я прижала руку к сердцу и отшатнулась.

Кристина ухмыльнулась, решив, что я шучу. Наверное, я и правда шутила. Но еще я почему-то боялась, что Вселенная хочет мне что-то сказать. Я почувствовала, будто стою на краю огромной пропасти, только пропасть эта у меня внутри. Мне не хотелось смотреть вниз.

— Гляди веселей, — сказала мне Кристина. — Старушки идут.

И действительно, у «Старбакса» остановился автобус спортклуба для пенсионеров «Серебряные кеды», и водитель уже осторожно помогал своим пассажирам сойти на тротуар. Они напоминали укутанных жучков, выстроившихся в очередь.

— Привет, Клэр, — сказала Кристина, когда дверь звякнула и в кофейню вошла первая старушка.

— Ох, и холодно же на улице, девочки! — отозвалась Клэр, сняв свою цветастую шляпку.

Берт прошел напрямик к стойке и заказал черный кофе, и Майлз, прошаркавший в кофейню следом за ним, сыренизировал:

— Сердечко-то выдержит, старик?

Берт постучал себя в грудь:

— Кофе молодит. Поэтому меня так любят девушки. Правда, мисс Адди?

— Конечно, — сказала я, взяла стаканчик, передала его Кристине, и весь мир замер; у Берта были самые большие уши из всех, что мне доводилось видеть в жизни (может быть, потому, что он их восемьдесят с лишним лет отращивал?), и я подумала о том, нравились ли они на самом деле женщинам.

Очередь росла, и мы с Кристиной перешли в авральный режим работы.

Я принимала заказы и работала на кассе, а она колдовала с пароваркой.

— Гранде латте! — объявила я.

— Гранде латте, — повторила она.

— Венти мокка с соей и ореховой ириской одна порция без сливок!

— Венти мокка с соей и ореховой ириской одна порция без сливок!

Это был танец. Он заставлял меня забыть о себе. Внутри меня все еще зияла бездна, но я ей сказала: *Прости, Без, у меня дела.*

Последней из пенсионеров вошла Мэйзи, старушка с седыми косичками и блаженной улыбкой. Мэйзи была преподавательницей фольклористики на пенсии и выглядела как хиппушка: рваные джинсы, безразмерный свитер в полоску и полдюжины браслетов из бисера на руках. Мне нравилось, что она одевалась скорее как тинейджер, чем как пожилая женщина. То есть что она не похожа на других. Мне вовсе не хотелось увидеть ее в мини-юбке и стрингах.

За ее спиной никого не было, поэтому я положила руки на стойку и глубоко вдохнула:

— Привет, Мэйзи. Как дела?

— Превосходно, дорогая, — отозвалась старушка.

Сегодня она надела фиолетовые сережки-колокольчики, которые звенели, когда она наклоняла голову.

— О, мне нравится твоя прическа, — прибавила Мэйзи.

— Вам не кажется, что я похожа на ошипанного цыпленка?

— Вовсе нет, — ответила она. — Тебе идет. Очень дерзко.

— Вот уж не знаю, — сказала я.

— А я знаю. Ты уже слишком долго ходишь повесив нос, Адди. Я наблюдала за тобой. Настало время тебе преобразиться...

Снова это жуткое чувство, будто стою на краю пропасти.

Мэйзи наклонилась ко мне:

— Мы все несовершенны, дорогая. И поверь, мы все ошибаемся.

Я покраснела. Неужели даже наши клиенты знали все о моих ошибках в личной жизни? Неужели в спортклубе для пенсионеров «Серебряные кеды» обсуждали мой поцелуй с Чарли за игрой в бинго?

— Ты должна заглянуть внутрь себя, — продолжала Мэйзи, — изменить то, что нужно изменить, и двигаться дальше, маковка.

Я тупо уставилась на нее, моргая.

Она перешла на шепот:

— Если ты думаешь, с чего вдруг я тебе это говорю, то знай: у меня новая профессия — рождественский ангел.

Глаза у нее блестели: она ждала моей реакции. Мне показалось

странным, что Мэйзи заговорила об ангелах именно сейчас, после моего вчерашнего разговора с Дорри и Теган, и на малюсенькую долю секунды я даже вправду решила, что она *действительно* мой ангел и пришла спасти меня.

Но потом холодная, тяжелая реальность обрушилась на меня, и я возненавидела себя за то, что я такая дура. Мэйзи вовсе не была ангелом; наверное, в психушке сегодня день открытых дверей и у всех рождественское обострение.

— Разве для того, чтобы стать ангелом, не нужно сначала умереть? — спросила я.

— Адди! — возмутилась она. — Разве я похожа на мертвеца?

Я посмотрела на Кристину, пытаюсь понять, слышно ли ей нас, но она была у входа — меняла мешок для мусора.

Мэйзи приняла мое молчание за разрешение продолжить.

— Курсы назывались «Ангелы среди нас», — сообщила она. — Диплома у меня, правда, нет.

— Таких курсов не существует, — заявила я.

— Ну почему же? Есть, есть. В грейстаунском Центре Небесных Искусств.

— В Грейстауне нет Центра Небесных Искусств, — сказала я.

— Иногда мне бывает одиноко, — откровенно призналась Мэйзи. — В нашем клубе замечательные люди. Но иногда они бывают немного... Немного *скучными*, — закончила она шепотом.

— Ох-х-х, — выдохнула я вместо ответа.

— Я подумала, что если стану ангелом, то это поможет мне найти контакт с людьми, — говорила она. — Чтобы получить крылья, я должна творить рождественское волшебство.

Хмыкнув, я сказала:

— Я не верю в рождественское волшебство.

— Ну как же, веришь, иначе тебя не было бы здесь.

Я отпрянула, чувствуя, что меня дурачат. Как мне следовало на это отвечать? Придя в себя, я попробовала сменить тактику:

— Но... Рождество уже прошло.

— О, нет, Рождество никогда не проходит, пока ты сама этого не захочешь. — Мэйзи прислонилась к стойке и подперла рукой подбородок. — Рождество — это образ мыслей. — Она опустила глаза ниже уровня стойки. — Господи помилуй, — проговорила старушка.

Я опустила глаза:

— Чего?

Из кармана моих джинсов торчал уголок сложенной вдвое наклейки. Мэйзи протянула руку и вытащила ее. Это было так неожиданно, что я застыла и не стала возмущаться.

— Не забудь поросенка, — произнесла Мэйзи, развернув записку. Она склонила голову набок и стала смотреть на меня, как птичка.

— Ох, черт, — сказала я.

— И какого же поросенка ты не должна забыть?

— О! — Мысли в моей голове путались. — Это для моей подруги Теган. Вам налить чего-нибудь?

Мне хотелось тут же развязать фартук и уйти на перерыв.

— Гмм... — Мэйзи побарабанила пальцами по подбородку.

Я потопала ногой.

— Знаешь, — сказала старушка, — иногда мы забываем помогать другим, вроде твоей *Теган*, потому что заикливаемся на собственных проблемах.

— Да, — решительно произнесла я, надеясь, что беседа на этом закончится. — Вам мокко с миндалем, как обычно?

— Но на самом деле нам нужно забыть о себе.

— Да, я вас услышала. Вам одну порцию?

Мэйзи улыбнулась, как будто я сказала что-то забавное:

— Одну, но в этот раз хорошенько все перемешай. Перемены — это к лучшему, ведь так?

— Ну, если вы так говорите. Так что вам?

— Мокко с ореховой ириской, пожалуйста, в стаканчике на вынос. Пойду подышу свежим воздухом, пока Таннер за нами не вернулся.

Я передала заказ вернувшейся за стойку Кристине. Приготовив кофе, она подала его Мэйзи.

— Запомни мои слова, — сказала та, обращаясь ко мне.

— Обязательно запомню, — пообещала я.

Старушка весело расхохоталась, как будто мы с ней были в сговоре.

— Пока, — добавила она. — Увидимся!

Как только она ушла, я сорвала с себя фартук.

— Я ухожу на перерыв, — сказала я Кристине.

Она протянула мне пароварку:

— Вымой, и будешь свободна.

(глава десятая)

Я положила пароварку в раковину и открыла кран. Ожидая, пока

раковина наполнится, я прислонилась к ней и нетерпеливо побарабанила пальцами по ее металлическому краю.

— Мэйзи говорит, что мне нужно научиться забывать о себе, — сказала я. — Что она имеет в виду?

— Понятия не имею, — пожала плечами Кристина.

Повернувшись ко мне спиной, она подула на паровой кран кофемашины, и над ее головой поднялось облачко пара.

— Моя подруга Дорри — ну, ты знаешь Дорри — говорила то же самое, — задумчиво заметила я. — Она говорила, что я всегда думаю только о себе.

— Ну, с этим я спорить не буду.

— Ха-ха, — произнесла я. И неуверенно прибавила: — Ты шутишь, да?

Обернувшись через плечо, Кристина ухмыльнулась. Потом ее глаза расширились от ужаса, и она замахала руками, яростно жестикулируя:

— Адди, вода... вода...

Я развернулась, увидела, что через край раковины водопадом льется вода, и тут же отпрыгнула с воплем:

— А-а-а!

— Выключи! — вскричала Кристина.

Я попыталась завернуть кран, но вода продолжала течь через край раковины.

— Кран не работает!

Кристина оттолкнула меня:

— Тряпку хватай!

Я полетела в подсобку, схватила тряпку и выбежала обратно.

Кристина все еще крутила кран, а вода все еще лилась на пол.

— Убедилась? — сказала я.

Кристина уставилась на воду.

Я протиснулась к раковине и прижала тряпку к ее краю. Через секунду тряпка уже промокла насквозь, и я вспомнила, как в четыре года не могла выключить воду в ванной.

— Черт, черт, черт, — проговорила Кристина. Она уже не пыталась выключить воду и заткнула кран пальцами, но вода била струей в форме зонтика. — Что же делать!

— Боже... Так... — Я окинула взглядом зал. — Джон!

Трое Джонов, сидевшие за угловым столиком, подняли головы. Увидев, что произошло, они поспешили к нам.

— Можно нам зайти за стойку? — спросил Джон Номер Два, потому что Кристина обычно не пускала клиентов за стойку. Правила «Старбакса».

— Конечно! — крикнула Кристина.

Она стояла, обескураженно моргая. Ее форму и лицо обдало струей воды.

Но тут за дело взялись Джоны. Джоны Первый и Второй подошли к раковине, а Третий размашистым шагом прошел в подсобку.

— В сторону, девочки, — сказал Джон Номер Один.

Мы отошли. Фартук и форма Кристины промокли полностью. И лицо. И волосы. Все вымокло.

Я вытащила несколько салфеток из диспенсера, протянула ей:

— Возьми.

Она молча забрала салфетки.

— Эй, ты злишься?

Кристина молчала.

Джон Номер Один присел на корточки у стены и принялся мужественно сражаться с трубами. Его бейсболка сдвинулась набок.

— Я ничего не делала, честное слово, — сказала я.

Брови Кристины забрались на лоб.

— Ну, хорошо. Я забыла выключить воду. Но от этого ничего не должно было сломаться.

— Это из-за метели, — заметил Джон Номер Два. — Наверное, снаружи трубу прорвало.

Джон Номер Один закричал:

— Почти готово. Еще бы только... — он снова закричал, — перекрыть вот этот клапан... *Черт!*

Струя воды ударила ему прямо между глаз, и я зажала рот рукой.

— По-моему, не получилось, — заключил Джон Номер Два.

Из трубы хлестала вода. Кристина выглядела так, будто она сейчас расплачется.

— Ох, господи, прости, — сказала я жалобно. — Пожалуйста, не делай такое лицо. Пожалуйста!

— Глядите-ка, — произнес Джон Номер Два.

Бульканье затихло. Капля, дрожавшая на краешке трубы, упала на пол. И — все.

— Не течет, — удивилась я.

— Я перекрыл главную трубу, — объявил Джон Номер Три, вышедший из подсобки с полотенцем в руках.

— Да? Круто! — воскликнула я.

Он швырнул полотенце Джону Номер Один, и тот промокнул им штаны.

— Ты пол вытирай, а не штаны, — наставительно сказал Джон Номер Два.

— Пол я уже вытер, — проворчал Джон Номер Один. — Собственными штанами.

— Лучше позову сантехника, — сказала Кристина. — И Адди... Думаю, тебе нужно сделать перерыв.

— Ты не хочешь помочь мне прибраться? — сказала я.

— Я хочу, чтобы ты ушла на перерыв, — сказала она.

— Да, — кивнула я. — Да, конечно. Я как раз *собиралась*, но потом пришел Безумный Трэвис, а за ним Безумная Мэйзи...

Кристина указала жестом на подсобку.

— Просто... ты сама попросила меня остаться. Это не важно, но...

— Адди, послушай, — сказала Кристина, — может, на этот раз ты и не говоришь о себе, но очень на то похоже. Иди.

Мы посмотрели друг на друга глаза в глаза.

— *Сейчас же.*

Я вскочила и направилась в подсобку.

— Не волнуйся, — сказал Джон Номер Три, когда я с ним поравнялась. — Когда ты в следующий раз что-нибудь сломаешь, об этом случае она уже забудет.

Он подмигнул мне, и я слабо улыбнулась в ответ.

(глава одиннадцатая)

Я стянула мокрую футболку и взяла с полки новую. Это была футболка «Старбакс» с надписью: «Начни новый день с нами!» Потом достала из своего шкафчика мобильник и набрала Дорри.

— Hola, ^[13] красотка! — сказала она, ответив после второго гудка.

— Привет, — сказала я. — Есть минутка? У меня был жутко странный день, и чем дальше, тем страньше и страньше. Мне нужно с кем-нибудь об этом поговорить.

— Ты забрала Гавриила?

— А?

— Я сказала, ты забрала... — Дорри осеклась и начала снова, подчеркнуто сдержанным голосом: — Адди, скажи мне, что ты не забыла сходить в «Мир питомцев».

Мое сердце опустилось в пятки, как лифт, оторвавшийся от тросов. Я быстро завершила вызов и сняла с вешалки пальто. Когда я уже стояла у двери, мой мобильник зазвонил.

Я знала, что отвечать не нужно, *знала*, но... не удержалась и все равно ответила.

— Послушай, — сказала я.

— Нет, это ты послушай. Сейчас десять тридцать, а ты обещала Теган, что ровно в девять будешь в «Мире питомцев». Тому, что ты все еще сидишь в «Старбаксе», нет никаких оправданий.

— Это нечестно, — возмутилась я. — А что, если бы... на меня рухнул айсберг и я лежала бы в коме?

— А на тебя *рухнул* айсберг и ты лежишь в коме?

Я поджала губы.

— Ответь, пожалуйста, на вопрос: ты не пошла в магазин из-за каких-то новых дурацких проблем?

— Нет! И если вы перестанете на меня нападать и дадите мне рассказать про все странные вещи, которые со мной случились, то сами это поймете.

— Ты вообще слышишь, что говоришь? — вскипела Дорри. — Я спрашиваю, связано ли это с твоими новыми проблемами, а ты говоришь: «Нет. И кстати, давайте я вам расскажу о своих новых проблемах».

— Я такого не говорила.

Ведь правда же?

Дорри шумно выдохнула:

— Это нехорошо, Адди.

— Ладно, ты права, — произнесла я тихим голосом. — Но... у меня сегодня был очень странный день, и я хочу, чтобы ты об этом знала.

— Ну конечно, — сказала Дорри. — И конечно же ты забыла о Теган. Ты всегда, всегда, *всегда* думаешь только о себе. — Она нетерпеливо хмыкнула. — А как же записка «Не забыть поросенка»? Не припоминаешь такую?

— У меня ее старушка украла, — ответила я.

— Старушка... — Она осеклась. — Ну да, конечно. Это не ты про нее забыла, это старушка ее украла. Ты опять в своем репертуаре. В эфире «Шоу Адди». По всем каналам.

Это было очень больно слышать.

— Никакое это не «Шоу Адди». Мне просто помешали.

— Иди в «Мир питомцев», — устало сказала Дорри и прервала соединение.

(глава двенадцатая)

Я торопливо шла по дороге к «Миру питомцев», а вокруг меня блестел на солнце снег. Тротуары почти расчистили, но кое-где снег, который сгребли на обочину, осыпался и скрипел, когда я по нему ступала.

А между тем, под аккомпанемент этого скрипа, в голове у меня звучал монолог о том, что «Шоу Адди» вовсе не показывали по всем каналам. Оно не шло на канале гонок грузовиков и на канале рестлинга. И его уж точно не показывали на том канале, где шла «Рыбалка с Орландо Уилсоном». Мне ужасно хотелось позвонить Дорри и сказать ей об этом. «Разве шоу называется „Рыбалка с Аделиной Линдси“? — сказала бы я. — Нет, конечно нет!» Но я этого не сказала, потому что Дорри и это наверняка посчитала бы еще одним примером моего эгоизма. Хуже того, она наверняка окажется права. Лучше сначала заполучить Гавриила в свои горячие руки — точнее, в холодные руки — и *потом* позвонить Дорри. «Видишь, у меня все получилось», — скажу я ей. А потом позвоню Теган и дам Гавриилу похрюкать в телефон. Или нет. Сначала позвоню Теган и обрадую ее, а уже *потом* позвоню Дорри. И не буду говорить «ха-ха», потому что я выше этого. Да. Я достаточно взрослая, чтобы признавать свои ошибки и не ежиться в страхе от упреков Дорри. Новая я — безупречна.

В сумке зазвонил мобильник, и я поежилась. *Боже, Дорри никак мысли читает?*

И тут же в голову пришла более жуткая мысль: *Может быть, это Теган?*

А может быть, может быть... это Джеб? — упрямо затрепетала в голове другая мысль.

Я порылась в сумке и вытащила телефон. На дисплее светилось слово «Папа», и я расстроилась. *Ну почему?* — мысленно подсадовала я. — *Ну почему это не...*

И прервала этот ноющий голос, потому что он мне надоел и от него не было никакого толка, и вообще, кто моей голове хозяйка, я или он?

В голове — и в сердце — у меня вдруг посветлело. *Ого.* К этому можно и привыкнуть.

Я нажала кнопку «игнорировать» на телефоне и убрала его в сумку. Папе перезвоню позже, когда все решу.

Как только зашла в «Мир питомцев», я сразу ощутила запах хомячков и арахисового масла. Я замерла, зажмурилась и помолилась Богу, чтобы Он

дал мне сил, потому что хомячковый запах в зоомагазине — это естественно, а вот запах арахисового масла мог означать только одно.

Я подошла к кассе, и Натан Кругл поднял глаза, продолжая жевать. Его глаза расширились, а потом сузились. Он сглотнул и отложил свой сэндвич с арахисовым маслом.

— А, привет, Адди, — презрительно сказал он, совсем как Джерри Сайнфелд, приветствующий своего заклятого врага Ньюмана.^[14]

Нет. Стойте. Так получается, что Ньюман — это я, а я совсем не Ньюман. Это Натан был Ньюманом. Только тощим, прыщавым Ньюманом, носившим застиранные футболки с цитатами из «Звездного пути». Сегодня на его футболке было написано: «Ты умрешь от удушья в ледяных глубинах космоса».

— Привет, Натан, — ответила я.

Я сняла капюшон; Натан хмыкнул, увидев мои волосы, и сказал:

— Отличная стрижка.

Я хотела было ответить, но сдержалась.

— Пришла забрать кое-что для подруги, — сказала я. — Для Теган. Ты знаешь Теган.

Я подумала, что, упомянув милашку Теган, отвлеку Натана от его вендетты.

Но не отвлекла.

— Да, знаю, — сказал он, и его глаза заблестели. — Мы учимся в одной школе. В одной маленькой школе. В такой *маленькой* школе трудно кого-то игнорировать, правда?

Я простонала. Ну вот, опять двадцать пять, будто мы четыре года не разговаривали и не обсуждали тот прискорбный случай. А мы его обсуждали. Много раз. Но обсуждение, видимо, было односторонним.

— Но постой, — продолжал он роботоподобным голосом плохого диктора новостей. — Ты *сумела* кое-кого проигнорировать в такой маленькой школе!

— Это было в седьмом классе, — произнесла я сквозь стиснутые зубы. — Много-много *лет* назад.

— Ты вообще знаешь, кто такой триббл? — спросил он.

— Да, Натан, ты...

— Триббл — безобидное существо с планеты Йота Джеминорум Четыре, жаждущее любви.

— Я думала, планета называлась Джеми-бла-бла Пять.

— И *не* так уж давно это было. — Натан выгнул брови дугой, желая подчеркнуть свои слова. — Я был настоящим трибблом.

Я прислонилась к полке с собачьим кормом:

— Ты вовсе не был трибблом, Натан.

— И как клингонская воительница...

— Не называй меня так. Ты же знаешь, меня это бесит.

— ...ты уничтожила меня.

Натан заметил, куда упирается мой локоть, и раздул ноздри.

— Эй, — сказал он, возмущенно щелкая пальцами, — не трогай собачий корм!

Я резко выпрямилась:

— Извини. И прости, что сделала тебе больно *четыре года назад*. Но это очень важно. Ты меня слушаешь?

— В масштабах Галактики четыре года — это всего лишь наносекунда.

Я вздохнула:

— Я не получала никакой записки! Честное слово, в глаза ее не видела!

— Ну конечно, конечно. Только знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты ее прочитала, вышвырнула и тут же о ней забыла, потому что чувства других людей не имеют значения, правда?

— Это неправда. Слушай, может мы просто...

— Напомнить ее содержимое?

— Не надо.

Он всмотрелся вдаль:

— Цитирую: «Дорогая Адди, ты будешь моей девушкой? Ответь мне по телефону».

— Я не получала никакой записки, Натан.

— Даже если ты не хотела быть моей девушкой, могла бы и позвонить.

— Я бы позвонила! Но я не получала никакой записки!

— Сердце семиклассника так хрупко, — трагическим тоном произнес он.

Мне хотелось потянуться к полке с аккуратно расставленными пакетами собачьих галет, схватить один из них и швырнуть в Натана.

— Ну, хорошо, — сказала я. — Допустим, что я получила записку — *а я ее не получала*, — но неужели ты не можешь об этом забыть? Люди взрослеют. Люди *меняются*.

— Да ладно! — холодно произнес он и посмотрел на меня так, будто я хуже жука навозного. Это напомнило мне о том, что они с Джебом дружили. — Такие люди, как ты, не *меняются*.

Я молчала. Ну почему, почему даже он накидывается на меня, точно так же, как и все остальные люди на Земле?

— Но... — Мой голос задрожал. Я попробовала снова, но он дрожал,

несмотря на все мои усилия. — Но разве не видно, что я стараюсь?

Последовала долгая пауза, и Натан первый опустил глаза.

— Я пришла забрать поросенка Теган, — сказала я. — Отдай мне его, пожалуйста.

Натан нахмурил брови:

— Какого поросенка?

— Поросенка, которого к вам принесли вчера вечером. — Я пыталась понять, о чем говорило выражение его лица. — Малюсенького. С запиской «Не продавать никому, кроме Теган Шепард».

— Мы не «продаем» животных, — сказал он. — Мы отдаем их на усыновление. И никакой записки не было, только чек.

— Но у вас *был* поросенок?

— Ну, да.

— Такой маленький-маленький?

— Наверное.

— Ну, на его переноске должна быть записка, но это не важно. Просто отдай его мне, пожалуйста.

Натан замешкался.

— Господи, Натан. — Я представила Гавриила в одиночестве холодной ночью. — Только не говори, что он умер.

— Что?! *Нет*.

— Тогда где он?

Натан молчал.

— Натан, послушай, — продолжала я. — Это нужно не мне. Это нужно Теган. Ты правда хочешь, чтобы ей было плохо только потому, что ты зол на меня?

— Его усыновили, — пробормотал он.

— Прости, что?

— Поросенка усыновила какая-то старушка. Она пришла полчаса назад и выложила две сотни долларов. Откуда мне было знать, что его нельзя продавать, то есть усыновлять?

— Из записки, идиот!

— Я *не* получал никакой записки!

Мы одновременно поняли, в каком дурацком положении оказались, и уставились друг на друга.

— Я не вру, — сказал он.

Поднимать бучу не имело смысла. То, что произошло, было ужасно-ужасно-ужасно, но мне требовалось понять, как все исправить, а не ругать Натана за то, что уже нельзя было изменить.

— Хорошо, а чек у тебя сохранился? — спросила я. — Покажи мне чек. Я протянула руку и пошевелила пальцами.

Натан резко нажал кнопку на кассе, и тут же выдвинулся нижний лоток. Он вытащил из лотка какую-то мятую бледно-розовую бумажку. Я выхватила ее у него из рук.

— Один карликовый поросенок, сертифицированный и лицензированный, — зачитала я вслух. — Цена: двести долларов. — Я перевернула бумажку и увидела на обратной стороне сделанную аккуратным почерком надпись: «Оплачено. Получатель: Теган Шепард».

— Черт, — выдохнул Натан.

Я снова перевернула бумажку, надеясь отыскать имя покупателя поросенка Теган.

— Боб все время приносит новых животных, — попытался оправдаться Натан. — А я их... ну, отдаю на усыновление. Это же зоомагазин.

— Натан, скажи, кому ты его продал, — попросила я.

— Не могу. Это конфиденциальная информация.

— Да, но поросенок принадлежит Теган.

— Хм, тогда, думаю, ей вернут ее деньги.

Технически деньги должны были вернуть нам с Дорри, но я не стала об этом говорить. Мне было все равно, вернут их мне или нет.

— Скажи, кому ты его продал, и я все объясню Теган.

Натан судорожно сменил позу. Было видно, что ему очень неудобно.

— Ты ведь знаешь, как звали покупателя?

— Нет, — коротко ответил он.

Его взгляд метнулся к открытому лотку кассы, и я заметила, что оттуда выглядывает белый кончик чека.

— Даже если б я знал, то все равно не мог бы ничего сделать, — пояснил Натан. — Я не имею права разглашать данные о покупателях. Но я все равно не знаю, как ее зовут, так что, хм... да.

— Ничего. Я понимаю. И... я верю, что ты не получил записку.

— Правда? — Он со смущением посмотрел на меня.

— Да, — честно сказала я.

Я повернулась к двери, делая вид, что намереваюсь уйти, и зацепила носком сапога полку с собачьим кормом. Полка пошатнулась, и пакеты соскользнули на пол. Падая, они разрывались, и на пол высыпались собачьи галеты.

— О, нет! — вскричала я.

— Ох, черт, — покачал головой Натан.

Он вышел из-за прилавка, наклонился и принялся собирать уцелевшие

пакеты.

— Мне *так* жаль, — сказала я. Натан потянулся за далеко закатившейся собачьей галеткой, и в этот момент я перегнулась через прилавок, вытащила белый чек и сунула его в карман. — Теперь ты, наверное, еще сильнее меня ненавидишь, да?

Он молча выпрямился и упер руку в бедро, а потом странно скривил губы, как будто внутри него шла какая-то борьба.

— Я совсем *не* ненавижу тебя, — сказал он наконец.

— Правда?

— Мне кажется, иногда ты не понимаешь, как тебя воспринимают другие. Я не только себя имею в виду.

— Тогда... о чем ты говоришь?

Я помнила, что в кармане у меня спрятан чек, но не смогла уйти после такого вопроса.

— Забудь.

— Ни за что. Скажи.

Он вздохнул:

— Вот ты не зазнавайся только. Но ты вовсе *не всегда* бываешь противной, честное слово.

Ох, спасибо, хотела сказать я. Но прикусила язык.

— Просто ты... светлая, — прибавил он, краснея. — С тобой люди чувствуют себя особенными, как будто в них тоже есть свет. Но потом, если ты им не звонишь или целуешь какого-нибудь придурка у них за спиной...

У меня помутнело перед глазами, и не только потому, что Натан внезапно перестал грубить и сказал то, что можно было счесть даже милым. Я опустила голову.

— Это жестоко, Адди. Это бессердечно. — Он показал рукой на упаковку собачьего корма около моей ноги. — Передай мне, пожалуйста.

Нагнувшись, я подняла корм.

— Я не хотела быть жестокой, — смущенно сказала я и протянула Натану упаковку корма. — И я вовсе не придумываю отговорки. — Я судорожно сглотнула, удивившись тому, как мне хотелось сказать это ему, хотя он дружил с Джебом, а не со мной. — Но иногда мне нужно, чтобы кто-нибудь пролил немного света на меня саму.

Лицо Натана оставалось каменным. Он молчал до тех пор, пока в глазах его не отразилось сожаление, а потом хмыкнул.

— Да, Джеб не очень-то любит демонстративных поступков, — признал он.

— Думаешь?

— Но ты не кисни. Он же от тебя без ума.

— *Был* без ума, — уточнила я. — Уже нет. — По моей щеке скатилась слеза, за ней другая, и я почувствовала себя полной дурой. — Вот. Ну, пока.

Я направилась к выходу.

— Эй, Адди! — крикнул мне вслед Натан.

Я обернулась.

— Если у нас появится еще один карликовый поросенок, я тебе позвоню.

И тут я забыла о его прыщах, о футболке с цитатой из «Звездного пути» и разглядела за всем этим настоящего Натана. Оказывается, он тоже совсем не всегда был противным.

— Спасибо, — искренне сказала я.

(глава тринадцатая)

Едва отойдя от магазина, я вынула из кармана украденный чек. В графе «Товар» Натан написал: «Свинья». Имя владельца кредитной карты было пропечатано: «Констанция Биллингсли».

Я вытерла слезы тыльной частью руки, глубоко вдохнула и послала мысленное сообщение Гавриилу: *Не волнуйся, малыш. Я верну тебя домой, к Теган.*

Для начала я позвонила Кристине.

— Ты где? — поинтересовалась она. — Твой перерыв закончился пять минут назад.

— Ага, — сказала я, — но у меня чрезвычайная ситуация, и нет, я не «в своем репертуаре». Это чрезвычайная ситуация связана с Теган. Мне кое-что нужно для нее сделать.

— Что именно?

— Кое-что важное. Вопрос жизни и смерти. Но не волнуйся, никто *не умрет*. — Помолчав, я прибавила: — Кроме меня, если у меня ничего не получится.

— Адди. — Тон Кристины говорил о том, что я опять в своем репертуаре, а это была неправда.

— Кристина, я не шучу и не преувеличиваю нарочно, честное слово.

— Ну, Джойс только что пришла, — с неохотой сказала она, — мы вдвоем справимся.

— Спасибо, спасибо, спасибо! Я обернусь мигом.

Я уже собиралась завершить вызов, но тут глухой голос Кристины произнес:

— Подожди!

Я снова поднесла телефон к уху. Мне не терпелось закончить разговор и заняться делом.

— Что?

— Тут твоя подруга с дредами пришла.

— Бренна? *Тьфу*. Она мне не подруга. — Меня пронзила ужасная мысль. — Она одна?

— Без Джеба, если ты об этом.

— Слава богу. Тогда почему ты мне об этом сказала?

— Просто подумала, что тебе будет интересно. Да, твой папа заходил. Просил передать тебе, что он уехал на «Эксплорере».

— Он... *чего?!* — Мой взгляд метнулся к северной стороне парковки. Там, где я припарковала «эксплорер», теперь красовался прямоугольник из спрессованного снега. — Но зачем? Зачем он взял мою машину?

— *Твою* машину?

— Ну, его машину, какая разница. Зачем он это сделал?

— Понятия не имею. А что, он тебе *зачем-то* нужен?

— Да, он мне нужен для дела. И теперь я не знаю, как мне... — Я осеклась. Изливая душу Кристине, делу не поможешь. — Не важно, что-нибудь придумаю, — закончила я. — Пока.

Я завершила вызов и проверила голосовую почту.

«У вас три новых сообщения», — сообщил компьютерный голос.

Три? — подумала я. Я слышала только один сигнал, хотя, конечно, когда с полки посыпался собачий корм, расслышать что-либо было нелегко.

«Адди, это папа», — сказал папа в первом сообщении.

— Да, пап, я знаю, — полусшепотом проговорила я.

«Я уехал в город за продуктами с Филом и мамой, так что „эксплорер“ не теряй. В два часа я за тобой заеду».

— Не-е-е-т! — закричала я.

«Следующее сообщение», — предупредил меня мой телефон.

Я прикусила губу, надеясь, что услышу голос папы, который скажет: «Ха-ха, я пошутил. Я не уехал на „эксплорере“, а просто переставил его на другое место. Ха-ха!»

Это был не папа. Это оказалась Теган.

«*Hola*, Аддище! — сказала она. — Гавриил у тебя? У тебя, тебя, тебя? Мне *не терпится* его увидеть! Я нашла в нашем подвале лампу —

помнишь, много лет назад мой папа пытался выращивать там помидоры? — так что Гавриилу в кровати будет тепло. А, и еще я обнаружила там мои старые игрушки, и среди них нашлось креслице как раз нужного размера. И рюкзак со звездой. Не знаю, нужен ли Гавриилу рюкзак, но может ведь пригодиться, правда? В общем, *позвони мне*. Позвони, *как только сможешь*. Снегоочиститель работает в двух улицах от нас, так что, если ты не позвонишь, я сама поеду в „Старбакс“, договорились? Пока!»

У меня похолодело внутри, я тупо стояла на месте. Автоголос объявил о последнем сообщении. Это снова была Теган.

«Да, Адди, — сказала она. — Спасибо. *Большое спасибо*».

Что ж, *это* подняло мне настроение.

Я вышла из голосовой почты, проклиная себя за то, что не отправилась в «Мир питомцев» ровно в девять, как собиралась. Но я намеревалась не хныкать, а решать проблему. Прежняя я просто стояла бы на месте и жалела бы себя до тех пор, пока не отморозила бы себе пальцы ног. Вот тебе и босоножки на каблуках под Новый год, дружок. Не то чтобы я собиралась куда-то пойти в босоножках на каблуках. Не важно.

Но новая я — не нытик.

Итак. Кто же выручит нас с поросенком в последнюю минуту?

(глава четырнадцатая)

Кристина? Не вариант. Этим утром на работу ее, как и всегда, привез бойфренд. Джойс, бариста, смена которой только что началась, тоже была без машины. Она ходила на работу пешком в любую погоду и носила с собой персональный пedometer, подсчитывавший количество шагов.

Хм, хм, хм. Не Дорри и не Теган, потому что: а) их улицу еще только расчищают от снега (надеюсь) и б) я ни за что не сказала бы им, зачем меня нужно подвезти.

И не Бренна, упаси боже. Если бы я попросила ее отвезти меня на юг города, она — мне назло — поехала бы на север и еще врубила бы свою любимую рэгги-эмо бредятину, и мне пришлось бы еще и слушать завывания каких-то чокнутых упырей.

Значит, оставался только один человек. Один гадкий, но обаятельный, слишком обаятельный красавчик. Я раздраженно пнула сугроб, потому что этот красавчик был последним человеком в мире, которому мне когда-нибудь захотелось бы позвонить.

Ну, знаешь, что? — сказала я себе. — Терпи! Терпи ради Теган. Или попрощайся с Гавриилом навечно.

Я достала телефон, нашла в «Контактах» нужное имя и нажала клавишу вызова. Сжав от напряжения пальцы ног в ботинках, я считала гудки. Раз, два, три...

— Йоу, детка! — воскликнул Чарли. — Как дела?

— Привет, — сказала я. — Я стою около «Мира питомцев», и меня нужно отсюда забрать. Я прошу об этом тебя, потому что у меня нет другого выбора. Приезжай.

— Кое у кого сегодня командирское настроение, — заметил Чарли. Я буквально слышала, как он шевелит бровями. — Мне это нравится.

— Неважно. Подвези меня, ладно?

— А что ты дашь мне взамен? — проговорил он полупшепотом.

— Бесплатный чай с молоком и специями, — спокойно ответила я.

— Венти?

Я стиснула зубы, потому что Чарли даже слово «венти» произнес ужасно пошло.

— Договорились, чай с молоком и специями venti. Ты уже вышел?

Он усмехнулся:

— Подожди, детка, я еще в трусах. В моих venti-трусах, но не потому, что я толстый, а потому, что я... — Дурацкая многозначительная пауза. —

Венти!

— Просто приезжай, — сказала я и уже хотела было прервать соединение, но вспомнила еще одну важную вещь. — Да, и не забудь телефонный справочник.

Я завершила вызов, передернула плечами и снова возненавидела себя за то, что целовалась с таким пошляком. Да, Чарли был симпатичным парнем — теоретически, — и когда-то, наверное, он даже казался мне забавным.

Но он не был Джебом.

Разницу между ними хорошо описала Дорри на одной вечеринке. Не на той самой вечеринке, а на самой обычной, до того, как я рассталась с Джебом. Мы с Дорри, развалившись на диване, болтали о плюсах и минусах разных парней. Когда речь зашла о Чарли, Дорри вздохнула.

— Проблема с Чарли в том, — сказала она, — что он *слишком* обаятельный, и сам это знает. Он знает, что может заполучить любую девочку в классе...

— Кроме меня, — заметила я, поставив кружку с напитком на колено.

— Так что он беззаботно шагает по жизни, как типичный обладатель наследства.

— У Чарли есть наследство? Я не знала.

— Но, к сожалению, это означает, что он поверхностный. Ему ни разу в жизни не приходилось работать.

— Я хотела бы, чтобы мне незачем было работать, — задумчиво произнесла я. — Вот бы и у меня имелось наследство.

— Нет, тебе этого не нужно, — заявила Дорри. — Ты меня вообще слушаешь?

Она взяла мою кружку, и я возмущенно охнула.

— Возьмем Джеба, например, — продолжала Дорри. — Когда вырастет, он будет по субботам учить сына кататься на велосипеде.

— Или дочку, — сказала я. — Или близнецов. Может, у нас будут близнецы!

— А Чарли будет играть в гольф, пока *его* сын отстреливает людей, играя на своей приставке. Чарли будет учтив и неотразим, он будет покупать своему сыну все что угодно, но его никогда не будет рядом, когда это *будет* необходимо.

— Это так грустно, — проговорила я. Забрала у Дорри свою кружку и сделала глоток. — Значит, его сын никогда не научится ездить на велосипеде?

— Только если Джеб его научит, — ответила Дорри.

Несколько минут мы наблюдали за тем, как парни играют в бильярд.

Загнав шар в лузу, Чарли резко опустил сжатую в кулак руку.

— Вот это по-нашему! — воскликнул он. — В яблочко, детка!

Взглянув на меня, Джеб скривил губы.

И мне стало тепло и приятно, потому что глаза его говорили: *Ты моя, а я твой, и спасибо тебе за то, что ты никогда не говоришь «В яблочко, детка!»*.

Легкая ухмылка и влюбленный взгляд... я отдала бы все на свете, чтобы вернуть их, но променяла их на парня, который в эту секунду заезжал на парковку в своем грохочущем идиотском сером «хаммере».

Чарли резко затормозил, и меня обдало снегом.

— Эй, — крикнул он, опустив стекло, кивнул на мои волосы и ухмыльнулся: — Посмотрите-ка на нее! Розовая Роза!

— Кончай лыбиться! Вообще не смотри на меня! — велела я ему. Потом обошла машину и забралась на пассажирское сиденье, потянув мышцы живота. Мне казалось, что я залезаю в танк, и это было недалеко от истины. — Принес телефонный справочник?

Чарли щелкнул пальцем по справочнику, который лежал на сиденье рядом со мной. Я нашла раздел с адресами и принялась просматривать фамилии, начинающиеся на букву «Б». Бейкер, Барнсфельд, Бельмонт...

— Рад тебя видеть, — сказал Чарли. — Я соскучился.

— Заткнись, — сказала я. — Неправда, не скучал ты.

— Ты ужасно груба с человеком, который согласился тебя подвезти, — заметил он. Я закатила глаза. — Серьезно, Аддс. Когда ты рассталась с Джебом — и, кстати, мне очень жаль, что так случилось, — я подумал, что у нас, ну, что-то может получиться.

— Не бывать этому, и, серьезно, заткнись.

— Почему?

Я промолчала. Бишнер, Биггерс, Билсон...

— Адди, — продолжал Чарли. — Я все бросил, чтобы за тобой заехать. Может, хоть поговоришь со мной?

— Прости, но нет.

— Почему?

— Потому что ты жопень.

Он заржал:

— С каких это пор ты тусуешься с Джей Пи Кимом?

Чарли захлопнул телефонный справочник, и я едва успела удержать палец на нужной странице.

— Эй! — возмутилась я.

— Серьезно, почему ты не хочешь со мной встречаться? — спросил он.

Я подняла голову и пристально посмотрела на него. Он наверняка понимал, что я жалела о нашем поцелуе, что мне было противно сидеть с ним сейчас в его идиотском «хаммере». Но, увидев выражение его лица, я растерялась. Что это?.. Ох. Что это в его зеленых глазах — *печаль*?

— Ты мне нравишься, Адди, и знаешь почему? Потому что в тебе есть *изюминка*.

Он сказал «изюминка» с той же жутко пошлой интонацией, с какой чуть раньше сказал «венти».

— Нет во мне никакой изюминки, — со злостью сказала я. — Перестань.

— Есть, есть. А *еще* ты здорово целуешься.

— Это была ошибка. Я перебрала и сглупила.

Я замолчала и уставилась в окно. Когда взяла себя в руки, снова повернулась к нему и попыталась сменить тему разговора.

— Кстати, что случилось с Бренной?

— Бренна, — задумчиво произнес Чарли, откинув голову на подголовник. — Бренна, Бренна, Бренна.

— Ты все еще любишь ее, да?

Он пожал плечами:

— У нее сейчас... есть кто-то другой, ты, наверное, знаешь. По крайней мере, она мне так сказала. Сам я ни с кем ее не видел. — Чарли повернул голову. — Если бы тебе пришлось выбирать между Джебом и мной, ты выбрала бы его?

— Не раздумывая, — тут же ответила я.

— Опа. — Чарли посмотрел на меня, и в его глазах я снова увидела печаль. — Бренна могла бы выбрать меня. Но я вел себя как хам.

— Угу, — хмуро кивнула я. — Понимаю. Я сама та еще хамка.

— Именно поэтому мы с тобой стали бы отличной парой. И у нас с тобой выйдет отличный лимонад.

— Чего?

— Из лимонов, — объяснил Чарли. — То есть из нас. Это мы — лимоны.

— Да, поняла. Просто...

Я не договорила, но собиралась сказать что-то вроде: «Не знала, что ты представляешь себя лимоном».

Но он уже забыл о лимонах.

— Так что скажешь, Розовая Роза? Трикси устраивает на Новый год крутую вечеринку. Пойдешь со мной?

Я покачала головой:

— Нет.

Он положил руку мне на бедро:

— Я знаю, что тебе тяжело. Позволь мне тебя утешить.

Я оттолкнула его:

— Чарли, я люблю Джеба.

— Раньше тебя это не останавливало. И вообще, Джеб тебя бросил.

Я молчала, потому что все, что он говорил, было правдой. Но я уже не была той девушкой, о которой он говорил. Я отказывалась ей быть.

— Чарли... я не могу встречаться с тобой, если люблю другого, — наконец ответила я. — Даже если он меня больше не любит.

— *Ого!* — Чарли прижал руку к сердцу. — Уж отшила так отшила. — Он засмеялся и тут же превратился в привычного противного Чарли: — А Теган? Она секси. Думаешь, она согласится пойти со мной к Трикси?

— Отдай справочник, — потребовала я.

Он отпустил телефонный справочник, и я положила его на колени и пробежала глазами страницу. Ага!

— Биллингсли, Констанция, — прочитала я. — Улица Тилай-Корт, дом сто восемь. Знаешь, где это?

— Понятия не имею, — сказал он. — Но не волнуйся, Лола здесь.

— Парни *всегда* дают своим машинам имена?

Он задал пункт назначения в своем навигаторе.

— Поедем кратчайшей дорогой или по шоссе?

— Кратчайшей.

Чарли нажал «Выбор», и сексуальный женский голос произнес:

— Пожалуйста, следуйте обозначенным курсом.

— А, привет, Лола, — сказала я.

— Хорошая девочка, — сказал Чарли.

Он вывернул руль, проехал по сугробам, притормозил у выезда с автостоянки, а потом повернул направо по подсказке Лолы, проехал полквартала и снова свернул направо, в узкий переулок за магазинами.

— Приготовьтесь сделать поворот через двести метров, — промурлыкала Лола. — Поворачивайте налево.

Чарли направил «хаммер» влево и заехал в заснеженный невзрачный тупик.

Что-то звякнуло, и Лола сообщила:

— Вы достигли пункта назначения.

Чарли остановил машину и удивленно посмотрел на меня:

— Тебе сюда?

Я была так же сильно удивлена, как и он, и вытянула шею, желая

прочитать табличку с названием улицы на углу тупика. На ней конечно же было написано «Тилай-Корт». В тридцати метрах от нас красовался «Старбакс». Вся поездка заняла не больше тридцати секунд.

Чарли раскатисто расхохотался.

— Заткнись, — в который раз сказала я и усилием воли заставила себя не краснеть. — Ты сам не знал, где это, иначе тебе не потребовались бы услуги Лолы.

— Не говори мне, что в тебе нет изюминки, — осклабился Чарли. — Есть. Изюминка с большой буквы «И».

Открыв дверь «хаммера», я выпрыгнула из него, оказавшись по колено в снегу.

— Тебя подождать? — крикнул Чарли.

— Думаю, доберусь сама.

— Уверена? Идти далеко.

Я захлопнула дверь и зашагала прочь.

Чарли опустил стекло с правой стороны:

— Увидимся в «Старбаксе». Жду чая с молоком и специями!

(глава пятнадцатая)

Я шла по заснеженному переулку к дому номер 108 по улице Тилай-Корт, молясь, чтобы у Констанции Биллингсли не оказалось маленького ребенка, потому что забрать поросенка у ребенка я бы не смогла.

Еще я молилась, чтобы она не оказалась слепой, или парализованной, или ниже метра ростом, как та женщина, которую я видела по «Дискавери». Забрать маленькую свинку у маленькой женщины я бы тоже не смогла.

Кто-то расчистил дорожку к дому, и я перелезла через горный хребет из спрессованного снега и спрыгнула на гораздо более безопасный тротуар.

Сто четыре, сто шесть... *сто восемь*.

Я расправила плечи и нажала на кнопку звонка.

— Адди! Здравствуй! — воскликнула седая женщина с косичками, открывшая дверь. — Рада тебя видеть!

— Мэйзи? — ошарашенно проговорила я и посмотрела на чек. — Я... э... ищу Констанцию Биллингсли.

— Констанция Мэй Биллингсли — это я, — сказала старушка-хиппушка.

Я всеми силами пыталась понять, что происходит.

— Но...

— Вот ты сама назвалась бы Констанцией, будь у тебя возможность выбирать?

— Э...

Мэйзи засмеялась:

— Не думаю. Заходи, я хочу тебе кое-что показать. Заходи, заходи, заходи!

Она провела меня в кухню, где на сложенном в несколько слоев голубом одеяле сидел самый милый поросенок на свете.

Розово-черного окраса, он казался мягким на ощупь. У него были смешной плоский и круглый пяточок, умные, любопытные глазки и хвостик пружинкой. И да, он легко уместился бы в чайную чашку.

Поросенок хрюкнул, и я растаяла.

— Гавриил, — сказала я и присела рядом.

Гавриил приподнялся и подошел ко мне. Он ткнулся носом в мою руку, и это было так мило, что мне было все равно, что он замазал меня пороссячьими соплями. И вообще, это были не сопли. У Гавриила был влажный пяточок, вот и все. Ничего страшного.

— Как ты его назвала? — спросила Мэйзи. — Гавриил?

Подняв глаза, я увидела, что она с интересом смотрит на меня и улыбается.

— Гавриил, — повторила Мэйзи, будто пробуя имя на вкус, и взяла поросенка на руки. — В честь архангела Гавриила!

— Чего?

«А сейчас буду цитировать», — читалось у нее на лице.

— О кочанах, о королях мы с вами поболтаем, и отчего валы кипят, как будто чайник с чаем, и есть ли крылья у свиней? — мы это все узнаем. [\[15\]](#)

— Понятия не имею, о чем вы, — проговорила я.

— И есть ли крылья у свиней? — мы это все узнаем, — повторила Мэйзи. — Это свинка-ангел, понимаешь? Ангел Гавриил!

— По-моему, моя подруга не имела в виду ничего такого умного, — ответила я. — И пожалуйста, не говорите больше об ангелах. Пожалуйста!

— Почему же не говорить, если Вселенная с таким удовольствием посылает их нам? — Она с гордостью посмотрела на меня. — Я знала, что у тебя все получится, Адди!

Я уперла руки в бедра и выпрямила спину:

— Что получится?

— Ты прошла испытание!

— Какое еще испытание?

— И я тоже, — восторженно продолжала Мэйзи. — По крайней мере,

мне так кажется. Но мы скоро узнаем!

Под ребрами у меня что-то сжалось.

— Мэйзи, вы нарочно пошли в «Мир питомцев» и купили Гавриила?

— Ну, я купила его не случайно, — сказала она.

— Вы знаете, о чем я. Вы читали мою записку про поросенка. Вы купили Гавриила, чтобы меня *разыграть*?

У меня задрожала нижняя губа.

Мэйзи посмотрела на меня круглыми глазами:

— *Нет*, милая, что ты!

— Я ходила в «Мир питомцев», но Гавриила там не оказалось, и... вы понимаете, что я себе места найти не могла? — Я изо всех сил старалась не расплакаться. — Мне пришлось разговаривать с Натаном, который меня ненавидит. — Я всхлипнула. — Ну, или раньше ненавидел, а теперь нет.

— Ну конечно нет, — сказала Мэйзи. — Как тебя можно ненавидеть?

— А *потом* мне пришлось звонить Чарли и встречаться с ним, и вам, поверьте, не захочется об этом слышать. — Я утерла нос рукой. — Хотя я с ним неплохо разобралась.

— Продолжай, — сказала Мэйзи.

— Похоже, у него проблем еще больше, чем у меня.

Старушка заинтригованно посмотрела на меня.

— Тогда в следующий раз я, наверное, займусь им, — объявила она.

И я поняла, что Мэйзи больше не моя подруга, если вообще можно сказать, что мы дружили. Она придурочная старушенция, которая украла поросенка моей подруги.

— Вы отдадите мне Гавриила? — сказала я, пытаюсь говорить как можно спокойнее.

— Ну конечно. Я вовсе не собиралась оставлять его *себе*. — Она подняла Гавриила так, что его пяточек оказался напротив ее носа. — Но я буду скучать по вас, мистер Гавриил. Было здорово знать, что я не одна в этой квартире, пусть и не надолго.

Она поцеловала поросенка в макушку.

У меня скрючились пальцы на ногах.

— Вы мне отдадите его *сегодня*?

— Дорогая, я тебя расстроила, да? Ох...

— Это не важно, отдайте Гавриила.

— А я-то думала, ты будешь рада, если у тебя появится ангел-хранитель. Разве не этого ты хотела?

— Ой, бросьте уже про ангелов, а? — сказала я. — Я не шучу. Если Вселенная назначила моим ангелом *вас*, я требую, чтобы мне выплатили

компенсацию.

Мэйзи хихикнула. Она *хихикнула*, и мне захотелось ее придушить.

— Аделина, милая, зачем ты все усложняешь? — сказала она. — Важно не то, что Вселенная дает *нам*, глупышка, а то, что *мы* даем Вселенной.

Я открыла рот, намереваясь сказать ей, как это пошло, глупо и вообще ку-ку, но смолчала, потому что внутри меня что-то изменилось. Это была *сильная* перемена, лавина, и я этому больше не могла сопротивляться. Чувство внутри меня было такое сильное, большое, а я такая маленькая, слабая...

Поэтому я ему поддалась. Я ему поддалась, и это оказалось восхитительно. Так восхитительно, что я не понимала, почему раньше ему сопротивлялась. *Настолько* восхитительно, что я подумала: *Господи, где же оно было все это время? Никакого напряжения, никаких путаных сомнений, никакого «я», «я», «я».* Потому что, *блин*, это классное ощущение. И, *блин*, это ощущение чистоты. И, может быть, я на самом деле светлая, как говорил Натан, и я могла бы... сохранить этот свет и никогда, никогда больше не думать, что никто меня не любит, не ценит, не жалеет и что пойду я на помойку — наемся червячков. Могло ли это произойти со мной? Могла ли я, Аделина Линдси... преобразиться?

Проводив меня до двери, Мэйзи сказала:

— Тебе пора идти.

— И правда, — согласилась я.

Но я не спешила уходить, потому что больше не злилась на нее — и, если честно, мне даже стало жалко, что оставляю ее одну. Я хотела, чтобы она ощутила то же прекрасное чувство, что и я, но боялась, что в одиночестве, в ее маленькой квартирке, в которой скоро не будет даже поросенка, это невозможно.

— Слушайте! — сказала я. — Можно мне иногда вас навещать? Обещаю, вам со мной не будет скучно.

— С тобой не было бы скучно, даже если б ты нарочно этого захотела, — улыбнулась Мэйзи. — Приходи в гости, буду очень рада. — А потом, обращаясь к Гавриилу, она прибавила: — Видишь, какое у нее доброе сердце?

И я вспомнила еще кое о чем:

— Я верну вам деньги из «Мира питомцев». Объясню Натану, что произошла ужасная путаница.

Старушка усмехнулась:

— Если я кому и рада, то тебе.

— Ну, значит, вот, — сказала я, снова повеселев. — Я верну вам деньги

и принесу ваше любимое шоколадное печенье. И мы выпьем чаю, ладно?
Каждую неделю у нас будет девичник с чаем. Или с кофе. Что скажете?

— По-моему, это отличная идея, — ответила Мэйзи.

Она протянула мне Гавриила, и он засучил ножками в поисках опоры.

Я вдохнула его божественный запах. От него пахло сметаной.

(глава шестнадцатая)

Гавриил прижался пяточком к моему пальто, а я топала по сугробам. Мне хотелось, чтобы фургон «Серебряных кедров» возник из ниоткуда волшебным образом и подобрал бы меня, хотя мне было не семьдесят шесть, а шестнадцать. Сейчас-то я и по сугробам проберусь. А если бы мне было семьдесят шесть? Да никогда в жизни.

Гавриил начал ерзать, и я сказала:

— Потерпи, малыш. Уже скоро.

На полпути к «Старбаксу» я увидела, что «сивик» Теган притормозил у светофора в двух кварталах от меня. А-а-а, она через две минуты будет здесь! Я ускорила шаг, потому что мне хотелось попасть в кофейню раньше Теган. Мне хотелось посадить Гавриила в чайную — или кофейную — чашку, потому что поросенок в чашке — это же чудо!

Я толкнула дверь бедром, и Кристина оторвала взгляд от кофемашины. Другой баристы, Джойс, нигде не было видно.

— Ну, наконец-то! — воскликнула Кристина. — Примешь у них заказы?

Она кивнула на пару, стоявшую у стойки, и я замерла неподвижно.

— Стюарт! — сказала я, потому что это был Стюарт Вайнтрауб, тот самый, которого трагически бросила девочка по имени Хлоя. Только девушка, с которой он пришел сейчас, была не Хлоей, а ее полной противоположностью: короткая стрижка и милые кошачьи очки. Она смущенно улыбнулась мне, и я растаяла, потому что девушка была ужасно милой, и она держала Стюарта за руку и не использовала ярко-красную помаду. Такая девушка не стала бы изменять своему парню в туалете.

— Адди! — воскликнул Стюарт. — Ты постриглась.

Одной рукой я дотронулась до волос, а другой крепко удерживала Гавриила, который пытался выбраться из моего пальто.

— Э, да. — Я показала глазами на девушку: — А это кто?

Наверное, это прозвучало резко — но господи! Стюарт Вайнтрауб пришел не только без Хлои, но и без стартовых грустных глаз! Ну, то есть глаза у него были, но не грустные, а счастливые. А счастливый Стюарт — просто лапочка.

Ура, Стюарт, подумала я. *Ура рождественскому чуду.*

Улыбнувшись подружке, Стюарт сказал:

— Это Джубили. Джубили, это Адди. Мы с ней учимся в одной школе.

Как мило, что он встречается с девушкой, которую называли в честь

вкусного рождественского десерта, подумала я. Как здорово, что, несмотря на то что он еврей, ему все-таки достался вкусный рождественский десерт.

Джубили покраснела и сказала Стюарту:

— Спасибо, что представил меня. — Потом она обратилась ко мне: — Имя странное, знаю. Но я не стриптизерша, честное слово.

— Ага, — кивнула я.

— Можешь звать меня Джули, — прибавила она.

— Нет, мне нравится Джубили, — ответила я.

Произнеся ее имя вслух, я пробудила воспоминания. *Теган... Поцелуйный патруль... Какой-то не-Джеб торжественно поднимает вверх кулак...*

— Может быть, примешь у них заказ? — укоризненно сказала Кристина, мигом прогнав эти мысли у меня из головы. Ну, что ж.

Стюарт пришел с милой девушкой по имени Джубили, и она не стриптизерша. Все остальное было не важно.

— Прямо сейчас, — отчетливо проговорила Кристина.

— Э... *да!* — ответила я с энтузиазмом. Наверное, со слишком большим энтузиазмом. — Только через секундочку, о'кей? Мне нужно кое-что сделать.

— *Адди*, — предостерегающим тоном произнесла Кристина.

Справа от меня пошевелился Тобин, сидевший в фиолетовом кресле. Неужели он только что проснулся? Посмотрев на меня, Тобин моргнул и сказал:

— Ого! Тебя зовут *Адди*?

— Гм, да, Адди — это я, — сказала я, думая: *Ага! Так и знала, что тебе неизвестно, как меня зовут.* Я приподняла Гавриила под пальто, и он издал забавный звук: «Уип!» — А теперь мне пора *бежать* в под...

Гавриил снова *уипнул*, на этот раз громче.

— Адди, — сказала Кристина, явно стараясь не выходить из себя. — Что у тебя под пальто?

— Аддище! — крикнул Чарли, сидевший у барной стойки. — Ну что, где мой чай с молоком и специями?

Он ухмыльнулся. Я поняла почему, когда заметила, что он обнимает девушку, сидевшую рядом. Боже, у нас что, Центр Рождественских Чудес?

— Привет, Адди, — сказала гадкая Бренна. — Классная прическа.

Наверное, она противно ухмыльнулась мне, но я не была уверена, потому что она вовсе не казалась такой *гадкой*, как я ее запомнила. Сегодня она казалась скорее счастливой, чем вредной. Может быть, из-за

того, что ее обнимал Чарли?

— Тебя зовут Адди? Seriously? — снова заговорил Тобин. Он толкнул Энджи, и та тут же проснулась и потерла нос. — Ее зовут Адди, — сказал он ей. — Думаешь, она та самая Адди?

— Та самая Адди? — переспросила я.

Что он имел в виду? Я хотела расспросить об этом Тобина, но отвлеклась, увидев, что «сивик» Теган заворачивает на парковку. Дорри сидела на пассажирском сиденье, она держала Теган за плечо и что-то ей втолковывала. Что — я могла только догадываться. Наверное, что-то вроде: «Не забывай, это же Адди. Вполне возможно, что у нее опять проблемы, и Гавриила она не забрала».

— Аделина, — медленно сказала Кристина. — Это ведь... не поросенок, да?

Я опустила глаза и увидела, что Гавриил выглядывает из-под полы моего пальто. Он снова произнес «уип!» и огляделся.

— Ну, — гордо сказала я, поскольку поросенок выставился на всеобщее обозрение, и почесала Гавриила за ухом, — это не простой поросенок, а карликовый. Очень редкий.

Посмотрев на Стюарта, Джубили усмехнулась.

— В вашем городе люди всегда носят с собой поросят-лилипутов? — спросила она. — А я-то думала, у *меня* жизнь странная.

— Он не лилипут. Он карликовый, — сказала я. И обратилась к Кристине: — Кстати, дай рождественский стаканчик. Можешь вычесть из зарплаты.

Я направилась к полке со стаканчиками, но Тобин остановил меня, ухватив за локоть.

— Ты та самая Адди, которая встречается с Джебом Тейлором? — спросил он.

Я опешила. Тобин не знал, как меня зовут, но он знал, что я встречаюсь с Джебом?

— Ну, э... — Я судорожно сглотнула. — А что?

— Джеб просил тебе передать... Черт, опять я облажался.

Мое сердце пустилось вскачь.

— Он попросил тебя что-то передать мне? Что именно?

Тобин повернулся к Энджи:

— Я такой идиот! Почему ты мне не напомнила?

Она улыбнулась сонно:

— О том, что ты идиот? Ладно, напоминаю: ты идиот.

— Вот, отлично, спасибо, — сказал он.

Энджи захохотала.

— Так что передал Джеб? — проговорила я.

— А, да! — Тобин снова обратил на меня внимание. — Он просил передать, что его задержали.

— Черлидерши, — прибавила Энджи.

— Прости?

— Черлидерши? — с маниакальным оттенком произнесла Джубили. Они со Стюартом подошли к нам. — Господи, черлидерши!

— Черлидерши ехали вместе с ним в поезде, который застрял, — пояснил Тобин.

— Я тоже ехала в этом поезде! — крикнула Джубили. Стюарт засмеялся так, как смеются, когда тот, кого любишь, ведет себя забавно. — И ты сказал *Джеб*? Я подарила ему замороженную пиццу!

— Ты подарила Джебу... что? — выговорила я.

— Из-за метели? — спросил Чарли.

Я в замешательстве повернулась к нему:

— Зачем ей дарить Джебу замороженную пиццу из-за метели?

— Да нет! — Чарли съерзнул с барного стула и потащил за собой Бренну. Они уселись рядом с нами, возле фиолетовых кресел. — Я имел в виду, что *поезд* застрял из-за метели, жопень.

Тобин скривился при слове «жопень» и посмотрел на Чарли так, как будто увидел призрака. Потом он опомнился и сказал:

— Мм-м, да. Именно. А потом черлидерши похитили Джеба, потому что у них свои потребности.

Чарли засмеялся:

— Ну конечно.

— Не *те* потребности, — заметила Энджи.

— Ага, — кивнула Бренна.

Она толкнула Чарли локтем под ребра.

— Какие еще потребности? — сказала я.

Голова кружилась. Словно бы издалека донесся звук захлопнувшейся двери машины, повторился, и я краем глаза заметила, что Теган и Дорри спешат к нашей кофейне.

Тобин хмыкнул, и на лице его появилось то уже знакомое мне задумчивое выражение, которое означало, что ответа не будет.

— Подожди, а еще что-то было? — спросила я, сменив тактику.

— Где? — удивился Тобин.

— Джеб говорил еще что-то?

— Ой, — сказал Тобин. — Да! Да, говорил! — Он решительно стиснул

челюсти, но спустя несколько секунд опять выглядел растерянным. — Ох, черт, — выдохнул он.

Энджи сжалась надо мной. Ее веселое лицо приняло доброе выражение.

— Он сказал, что придет, — сообщила она. — И еще сказал, что ты поймешь, что он имел в виду.

Мое сердце замерло, и веселый шум «Старбакса» утих. Точно кто-то убавил громкость окружающего мира, или, может быть, то, что происходило у меня внутри, просто заглушило происходящее вокруг. *Он сказал, что он идет сюда? Джеб придет?!*

Я расслышала звяканье и почему-то подумала: *Каждый раз, когда звонит колокольчик, ангел получает крылья.* Струя морозного воздуха вернула меня к реальности, и я поняла, что звенел колокольчик над входной дверью.

— Адди, ты здесь! — воскликнула Дорри и тут же рванула ко мне в своей ярко-красной шапке.

Теган поспешила за ней, она сияла.

— *Он* тоже здесь! Мы видели его на стоянке!

— *Я* его первая заметила, — объявила Дорри. — Он выглядит так, будто неделю в глуши провел, так что не пугайся. Напоминает снежного человека, если честно. Но...

Она осеклась, заметив Стюарта и Джубили.

— *Стюарт с девушкой.* — Дорри думала, что говорит шепотом, а на самом деле от ее слов содрогнулось здание.

— Знаю! — прошептала я в ответ.

Я ухмыльнулась Стюарту и Джубили, и они оба сделались красными, совсем как шапка Дорри.

— Привет, Дорри. Привет, Теган, — поприветствовал моих друзей Стюарт.

Потом приобнял Джубили и похлопал ее по плечу — нервно, но трогательно.

— Гавриил! — взвизгнула Теган.

Она подбежала ко мне и взяла у меня из рук Гавриила — к моему счастью, потому что мои мышцы дрожали от напряжения. Все мое тело дрожало, потому что дверной колокольчик снова звякнул,

и это был Джеб,

и выглядел он ужасно,

и мне захотелось плакать и смеяться одновременно, потому что он правда походил на снежного человека: всклокоченные волосы,

обветренные щеки и щетина на мужественном подбородке.

Взгляд его темных глаз метался от одного человека к другому, а потом остановился на мне. Джеб подошел и сжал меня в объятиях, и я тоже изо всех сил его обняла. Все мое тело сладко заныло.

— Ох, Адди, ну и сумасшедшие деньки у меня выдались! — прошептал он мне на ухо.

— Да? — выдохнула я, наслаждаясь тем, что он — живой, настоящий — рядом.

— Сначала мой поезд застрял. Со мной ехали черлидерши, мы все оказались в «Вафельной», и они стали просить меня помочь им с поддержками...

— *С поддержками?*

Я отстранилась, чтобы видеть его лицо, но не разомкнула объятий.

— И все они оставили телефоны в поезде, чтобы они не мешали им сконцентрироваться на *командном духе*... или вроде того. Я хотел воспользоваться телефоном в «Вафельной», но менеджер сказал: «Извините, нельзя. Кризисный режим, парень».

— Ох, — поморщился Тобин.

— Видишь, что происходит, когда мальчики сходят с ума по черлидершам? — заметила Энджи.

— Хотя несправедливо плохо относиться ко всем черлидершам, — сказала Джубили. — Мы плохо относимся только к тем, у кого имя рифмуется с *кто я*. Правда, Стюарт?

Тот улыбнулся.

Джубили помахала Джебу:

— Привет, Джеб.

— Джули, — приветственно кивнул ей Джеб. — Что ты тут делаешь?

— Ее зовут не Джули, а Джубили, — шепотом подсказала я ему.

— Джубили, — повторил Джеб. — Ух, ты!

— Нет, — сказала Кристина, и к ней обернулись восемь человек. — «Ух, ты!» здесь говорю я. Вот уже и сказала.

Никто не ответил ей, поэтому я сказала:

— Понятно. Не такое уж *это* и странное имя.

Кристина печально посмотрела на меня:

— Адди, скажи честно: ты принесла *поросенка* в мое заведение?

О-о-о. Да.

Поросенок в кофейне... как же можно тут сострить?

— Это очень *милый* поросенок, — ответила я. — Это что-нибудь меняет?

Кристина указала на дверь:

— Поросенок должен уйти. *Немедленно.*

— Хорошо, хорошо, — проговорила я. — Только возьму чашку, чтобы Теган было куда его посадить.

Ко мне подошла Дорри.

— Ты хорошо поступила, Адди, — сказала она. — Я зря сомневалась в тебе, и... ты хорошо поступила.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Алло? — сказала Кристина. — Что, никто не слышал, что я сказала? Поросенок должен уйти!

— Кое-кому не помешал бы освежитель воздуха, — сказал Тобин.

Кристина сурово оглядела нас, и Теган шагнула к двери со словами:

— Я ухожу! Ухожу!

— Подожди! — остановила я ее. Потом отпустила Джеба, взяла с полки чашку со снежинкой и протянула ее Теган: — Это для Гавриила.

— Если сейчас сюда зайдет региональный директор, меня уволят, — с отчаянием в голосе произнесла Кристина. — В «Старбакс» запрещено приносить поросят.

— Вот, садись, солнышко, — сказала Теган, усаживая Гавриила в чашку.

Он немного поерзал, а потом понял, что чашка ему как раз по размеру и из нее выйдет хороший домик. Он сел на корточки и хрюкнул, и все мы умилительно заулыбались. Даже Кристина.

— Отлично, — сказала Дорри. — Ладно, пойдем, Теган, пока Кристина не взорвалась.

Я улыбнулась Джебу, и он улыбнулся мне в ответ, а потом посмотрел на мои волосы и поднял брови от удивления.

— Эй, — сказал он. — Ты покрасилась.

— Э, да, — ответила я.

Мне казалось, что прошла целая жизнь. Та плаксивая блондинка, которая все Рождество проскулила о том, как она несчастна, — это правда я?

— Тебе идет, — заключил Джеб.

Он пригладил ладонью ежик моих волос и провел по моей щеке кончиками пальцев.

— Адди, я хочу тебя, — прошептал он, и я покраснела.

Он что, серьезно? Он сказал, что *хочет* меня, прямо здесь, в «Старбаксе»?

Но потом я поняла, что Джеб имел в виду. Он ответил на мое письмо, в

котором я сказала: «Если хочешь, я твоя».

Румянец не сходил с моих щек, и я радовалась тому, что никто в кофейне не умел читать мысли, потому что первую мою мысль можно было неправильно понять. Но даже если присутствующие правда умели читать мысли — откуда мне знать? — то это не проблема.

Я привстала на цыпочки и обняла Джеба.

— Сейчас тебя поцелую, — предупредила я его, потому что знала, что он не любил телячьих нежностей у всех на виду.

— Нет, — сказал он нежно, но твердо. — Это я тебя поцелую.

Он прикоснулся губами к моим губам, и в голове у меня зазвучал чистый и нежный серебристый звон. Наверное, это зазвенел колокольчик над входной дверью, когда Дорри и Теган вышли из кофейни. Но я была слишком занята, чтобы проверить, так ли это.

Примечания

1

Оригинальное название «Fools in Love». Песня из альбома «АН Rise» (2005) современной американской певицы и автора песен Инары Джордж (Inara George). — *Здесь и далее примечания редактора.*

2

Оригинальное название «Star Trek». Популярная научно-фантастическая медиафраншиза, включающая на сегодняшний день шесть телевизионных сериалов (в том числе мультипликационный), 12 полнометражных фильмов, сотни книг и рассказов, огромное количество компьютерных игр.

3

Оригинальное название «American Idol». Телевизионное шоу на телеканале FOX, основанное на популярном британском шоу «Pop Idol» («Поп-идол»). Представляет собой соревнование на звание лучшего начинающего исполнителя в США. На данный момент «Американский идол» — крупнейшая франшиза в своей области и певческое шоу с самым высоким рейтингом в США.

4

Имеется в виду игровая приставка «Nintendo Wii».

5

«Певец на свадьбе» — снятая в 1998 году режиссером Фрэнком Корачи комедийная мелодрама с Адамом Сэндлером и Дрю Берримор в главных ролях. «Дневник памяти» — снятая в 2004 году режиссером Ником Кассаветисом романтическая драма с Рэйчел Макадаме и Райаном Гослингом в главных ролях.

6

Имеется в виду снятая в 1957 г. режиссером Лео Маккэри романтическая трагикомедия с Кэри Грантом и Деброй Керр в главных ролях. Американский институт киноискусства включил «Незабываемый роман» в список «100 лучших американских фильмов о любви» за всю историю кино (под № 5).

7

Используемый в англоговорящих странах универсальный символ «хохо» означает «обнимаю и целую».

8

Имеется в виду основанная на истории вымышленной музыкальной группы 1960-х и одноименном американском сериале 1980-х годов семейная комедия о трех бурундуках, которая вышла в прокат в 2007 году.

9

Гринч — существо зеленого цвета из фэнтезийной комедии «Гринч — похититель Рождества», снятой режиссером Родом Ховардом в 2000 году.

10

Хуцпа — присущее евреям свойство характера, приблизительно определяемое русскими словами «дерзость» или «наглость». У самих евреев хуцпа означает особую смелость и рассматривается как положительное качество, поэтому носители хуцпы ведут себя так, будто их не заботит вероятность оказаться неправым.

11

Оригинальное название «Lifted: Songs of the Spirit». Выпущенный в 2002 году музыкальный сборник, составленный из духовных песен, госпелов и христианских гимнов, записанных различными исполнителями.

12

Оригинальное название «Amazing Grace». Христианский гимн на слова

английского поэта и священнослужителя Джона Ньютона (1725–1807).

13

Привет! (*исп.*)

14

Здесь речь идет о персонажах популярного американского телесериала в жанре комедии положений «Сайнфелд», в котором стендап-комик Джерри Сайнфелд сыграл самого себя. Ньюман — сам себе на уме толстячок, работающий на почте. Джерри на дух не выносит Ньюмана, и тот ему отвечает полной взаимностью. Как эти двое приветствуют друг друга, просто надо видеть.

15

Мэйзи цитирует стихотворение «Тюлень и Плотник», которое Твидлди прочел Алисе в главе IV «Твидлдум и Твидлди» книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.